

ПРОТОИЕРЕЙ НИКОЛАЙ ДОНЕНКО

НОВОМУЧЕНИКИ ФЕОДОСИИ

Образы былого

ПРОТОИЕРЕЙ НИКОЛАЙ ДОНЕНКО

НОВОМУЧЕНИКИ ФЕОДОСИИ

Священномученик Андрей
Косовский Преподобномученик
Варфоломей (Ратных)
Священномученик Иоанн Блюмович

*Феодосия, Судак, Старый
Крым в годы воинствующего
атеизма
(1920 -1938)*

*По благословению Высокопреосвященнейшего Лазаря,
Митрополита Симферопольского и Крымского*

Жизнеописания новопрославленных святых, представленные в книге, составлены на основе церковного предания и материалов из архивов Крыма. Как и каждая новая публикация о новомучениках, данная работа расширяет наше представление о Святой Руси и помогает лучше увидеть подлинный ландшафт нашего Отечества

НАЧАЛО ТЕРРОРА

Священномученик Андрей Косовский

Широким амфитеатром раскинулась на берегу залива основанная милетскими греками Феодосия. В окружении невысоких глинистых гор, лишенных растительности, Феодосия была открыта не только суровым зимним ветрам и влияниям с северо-востока, но и мягким веяниям с моря, приносящим с собою аромат утонченных цивилизаций. В течение двадцати пяти столетий город вспыхивал и затихал, запечатлевая в своих чертах образы различных культур. Турки и крымские татары утверждали свое превосходство, порабощая инородцев, армяне и греки с присущей им древней мудростью вплетали свои жизненные интересы в экзотическую неповторимость восточной деспотии, пока Российская империя не вобрала всех в свой великий проект.

Законы русского национального бытия, возвращенные православной традицией, в течение веков были опорой духовной свободы, пока чужебесие не увлекло беспокойных людей на поиски несуществующей

правды. От постоянной раскачки Империи, с одной стороны, и утраты сознания своего первородства - с другой, небесные скрепы ослабли, и эпицентр мирового кризиса оказался в России. Злое очарование революции, крикливо обещавшей построить справедливый мир, обернулось мрачным безумием братоубийственной Гражданской войны - катастрофы, более страшной, чем война с внешним врагом. Такая война раскалывает народ, семью и даже душу отдельного человека, и в конечном итоге, освободив от уз морали жизненные инстинкты, истребляет лучших представителей нации. У нее нет тыла, она разрывает всё жизнеустройство в целом, становится беспощадной и говорит с правым и виноватым на языке кровавого террора, ужасы которого в полной мере испытали на себе жители древнего города.

1(14) ноября 1920 года в 10 часов 30 минут вечера в город вошли передовые части 3-го конного корпуса Красной Армии, за ней уставшая пехота 265-го стрелкового полка А.П.Кононова. Как и ушедшие несколько часов назад донские казаки, они были одеты в старое русское или британское обмундирование. И только на груди и папах у командиров мелькали красные звезды. Комкор Каширин распорядился поддерживать "революционный порядок в городе и сохранять военное и народное достояние". Якову Балахонову вменялось в обязанность в "кратчайший срок восстановить полный революционный порядок" и, если потребуется, без церемоний применить к ослушникам высшую меру наказания, к которой большевики обращались, как правило, с беспрецедентной легкостью. Через сутки

корпус был переброшен в Керчь, которую занял без боя. 3 (16) ноября в затихшую от ужаса Феодосию вошли 26-я и 27-я бригады Девятой стрелковой дивизии Николая Куйбышева и, по свидетельству адъютанта полка И.Шевченко, в уже официально занятом красными городе в течение двух дней взяли 12 тысяч пленных.

В тот же день председатель Крымревкома Бела Кун назначил в Феодосию уездный революционный комитет в составе председателя Жеребина и членов Василия Шебакина, У мера Аблямитова и Степана Мавродиева, который разместился вместе с особым отделом ВЧК в гостинице "Астория".

По приказу комиссара Девятой дивизии Моисея Лисовского в ночь с 16 на 17 ноября на городском железнодорожном вокзале было расстреляно до 100 раненых офицеров и солдат Виленского полка, не успевших эвакуироваться.

В.Ленин утверждал, что в Крыму не менее 300 тысяч буржуазии, и "это источник будущей спекуляции, шпионства, всякой помощи капиталистам", а к его словам нельзя было не прислушаться. И 17 ноября Крымревком расклеил по городу приказ за подписью Бела Куна: "Всем офицерам, чиновникам военного времени, солдатам, работавшим в учреждениях Добровольческой армии, явиться для регистрации в трехдневный срок <...>. Не явившиеся будут рассматриваться как шпионы, подлежащие высшей мере наказания по закону военного времени".

В гостинице "Астория" было зарегистрировано 4500 человек. Слухи о расстрелах в Керчи и Симферополе переплетались с надеждой на амнистию, обещанную

большевиками 11 ноября. Мрачные предчувствия, ужасные предположения неотвратимо вползали в дома, овладевали сознанием, парализовывали страхом и порождали еще большее недоумение: что теперь будет? Через двое суток была объявлена перерегистрация, всех явившихся арестовали и под конвоем отправили в Виленские крымские казармы, а также на дачу Месаксуди. Корнету Элдербергу удалось бежать, не дожидаясь развязки, и он описал происходившее: "Местом сбора была назначена дача крымского фаб риканта-табачника Месаксуди. В глубине большого двора мы увидели импозантное здание в строго восточном стиле. Там же толпилась пара сотен людей, и через открытые настежь ворота прибывали всё новые. С болезненным чувством всматривался я в их лица. Большинство было явно из низов - солдаты; но осанка, одежда выдавали иногда офицера, теперь бывшего.

Время шло, и двор почти заполнился людьми, когда неожиданно раздался резкий свисток: тотчас ворота захлопнулись, из стоявшего поодаль флигеля выбежали несколько десятков красноармейцев с примкнувшими штыками; двери дачи распахнулись, и с десятков матросов выкатили на широкое крыльцо два "максима".

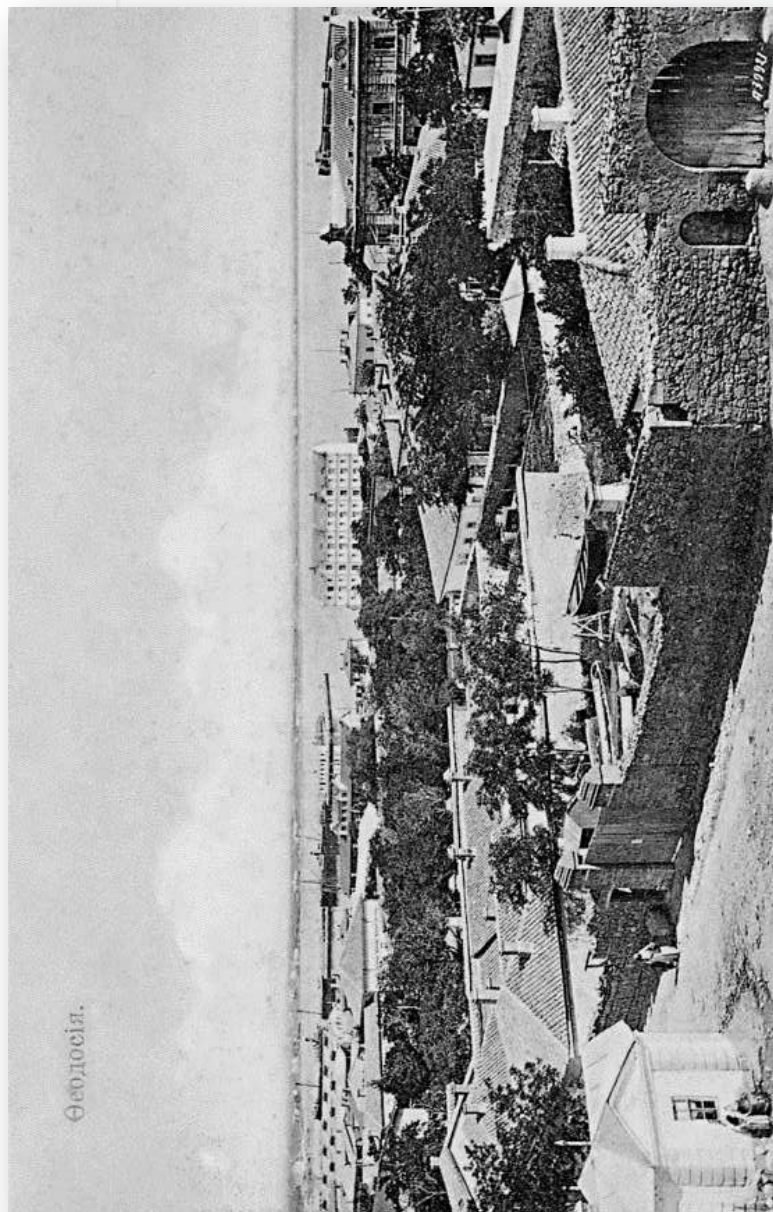
Громовая команда "Смирно!" заставила нас привычно вытянуться и замереть. Потом я подумал, что это хитрый способ определить военную выучку, а следовательно, и звание пленных. Так начался отбор "чистых" и "нечистых": по приказу мы по двое подходили к новоявленным "авгурам", которые безапелляционно, лишь взглянув, командовали - налево или направо.

Сортировка продолжалась долго. К этому времени прибыла еще из Феодосии рота красноармейцев, окружила "левых", выстроившихся в колонну по четыре в ряд, и нас погнали обратно к городу, теперь уже окруженных цепью конвоя. Достигнув сквера возле Генуэзской башни, колонна остановилась, и нам приказали войти внутрь и не высовываться".

Еще весной 1920 года на Карантине был построен лагерь для железнодорожных рабочих из Курска, ушедших с белыми. Рабочих вместе с женами и детьми, около 400 человек, из лагеря выгнали и расстреляли на мысе Святого Илии, а на этом месте в бараках организовали концлагерь. Людей набивали так плотно, что спать приходилось на одном боку и переворачиваться на другой при необходимости всем вместе. Специальные старосты производили сортировку, различая "белокрасных", то есть тех, кто когда-то служил у большевиков, и "чисто белых". Но это различие не спасало никого от постоянных избиений и тотального грабежа. Красноармейцы ОСНАЗ отнимали даже нижнее белье и нательные кресты. "Чисто белых" незамедлительно расстреливали на мысе Святого Илии, а тела сваливали в три параллельно идущие балки или за городским кладбищем. Иногда людей связывали колючей или простой проволокой и топили в море за Чумной горой. Расстреливали каждую ночь партиями от 100 до 300 человек. Места расстрелов охранялись от тех, кто пытался забрать тела для погребения.

"Красно-белым" предлагали вступить в Красную Армию, а тех, кто не соглашался, расстреливали. Оставшихся отправляли в полевые лагеря РККА особых от-

делов 6-й и 4-й армий под Керчью, Бахчисараем,

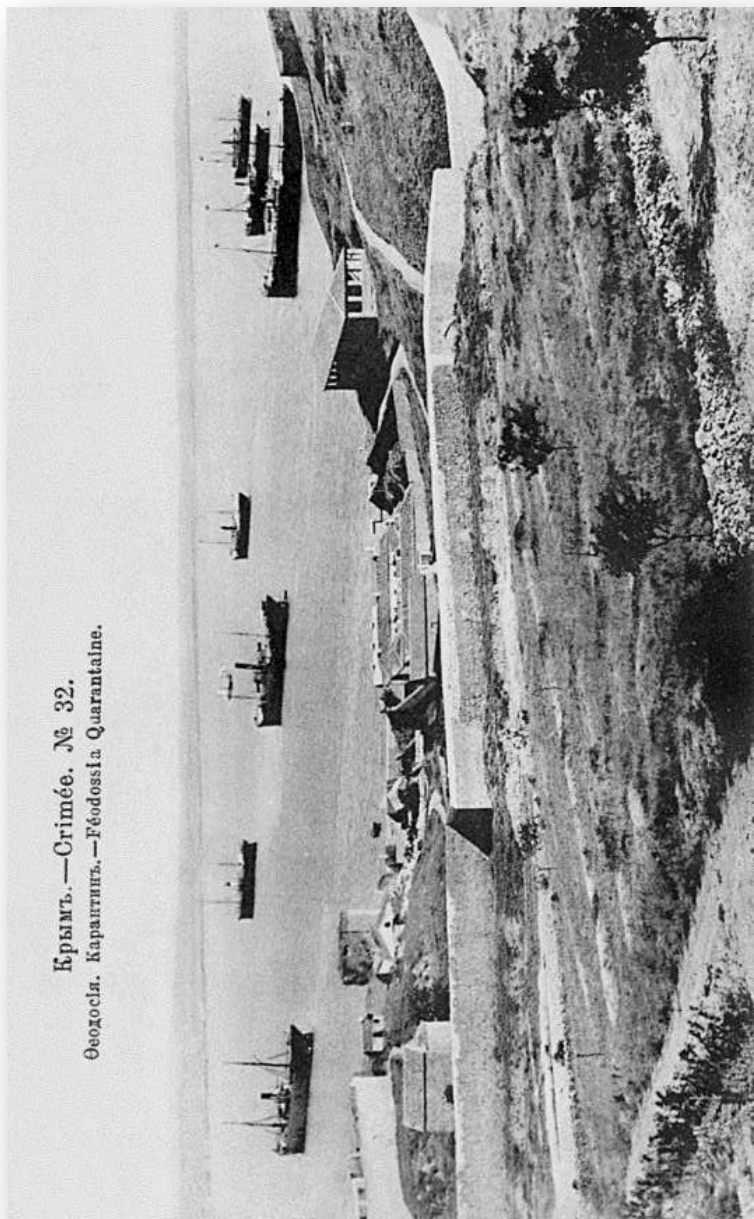

Феодосия. Старый город. Начало XX в.

Мыс Святого Ильи. Начало XX в.

Крымъ.—Срімѣе. № 32.
Феодосія. Карантинъ.—Féodosia Quarantine.

Карантин. Слева – храм св. Стефана. Начало XX в.

Симферополем и Джанкоем, где их из-за нехватки продовольствия и солдат для охраны также нередко расстреливали.

Происходившее в Крыму удивляло даже профессиональных палачей. Так, ровно через месяц после вторжения в Крым большевиков, 14 декабря, Ю.П.Гавен написал члену Политбюро ЦК РКП (б) Н.Крестинскому, характеризуя Бела Куна как одного из тех работников, "которые нуждаются в сдерживающем центре. В Венгрии он ударился в соглашательство с правыми социалистами, здесь он превратился в гения массового террора <...>. Расстрелянных уже около семи тысяч человек, а арестованных не менее 20 тысяч человек".

Большевики разделили Россию на две неравные части, одна из которых представлялась, по их убеждению, отжившей, непрогрессивной и, соответственно, не нужной. Себя же они причислили к воплощенному добру, и это обязывало их к непрерывной, бескомпромиссной борьбе, которую они не могли остановить, не рискуя утратить свою харизму, таинственную для непосвященных. Придя к власти, они казнили не за совершенные преступления против их совсем недавно восторжествовавшего политического строя, а по факту непрогрессивной или контрреволюционной предыдущей жизни и деятельности своих оппонентов. Так был казнен феодосийский священник Андрей Иудович Косовский.

О священнике Косовском известно немного: родился он в Крыму в 1878 году. По окончании духовной семинарии венчался девице Наталье Ивановне, в браке с которой имел двух сыновей - Владимира и Димитрия. В священный сан был рукоположен

Таврическим епископом Николаем (Зиоровым) и 26 февраля 1901 года назначен настоятелем в Екатерининскую церковь города Феодосии. Энергичный и ревностный пастырь, он вскоре приобрел любовь своих прихожан. Рассудительность и открытость сделали его доступным для простых крестьян из ближайших деревень. Благочестивые христиане неизменно находили у

Киот с иконой на Ильинском маяке.
Фото начала XX в.

отца Андрея добрые советы, утешение и пастырские наставления. Протоиерей Андрей вел строгую жизнь, выверяя каждое слово и поступок по евангельским заповедям и советам преподобных отцов. Все свободное время он проводил в общении с прихожанами, и, несмотря на относительно молодые годы, его советы, просветленные духовным опытом, были убедительными для тех, кто искал духовной пользы.

В течение многих лет отец Андрей возглавлял уездное отделение Таврического епархиального училищного совета и состоял наблюдателем феодосийских церковноприходских школ.

Настал 1920 год, кровавой бороздой вошедший в крымскую землю. 7 декабря, в день памяти великомученицы Екатерины, в честь которой был освящен престол, у которого священник простоял двадцать лет, вознося молитвы к Богу и совершая святыя Таинства, протоиерей Андрей Косовский был арестован. О беззакониях, творившихся в Феодосии, знали все, но не все решались сказать об этом, тем более публично. И когда безбоязненный священник стал говорить в своих проповедях о происходящем в городе, это взволновало его прихожан. Неоднократно с амвона и в частных беседах отец Андрей высказывал свою обеспокоенность революционными переменами и богоборческими устремлениями некоторых из сограждан. Не жалея сил и времени, с деликатностью, присущей мудрому пастырю, прикасаясь к уныло-испуганным сердцам, он объяснял своей пастве причины происходивших на их глазах ужасов, потрясших великую державу. Как известно, представители новой власти меньше всего приветствовали подобные неподконтрольные их идеологии инициативы и жестоко

пресекали публичные разговоры о неудобной для них версии событий.

В день ареста отец Андрей был допрошен уполномоченным ЦК Леонидом Литвиновым:

"Я, Косовский, в 1919 году во время наступления большевиков и входа их в Крым сам выехал с семьей под влиянием слухов о массовых расстрелах духовенства большевиками в город Новороссийск и пробыл там на службе 3 месяца в должности кладовщика пищевого пункта. 2 июля 1919 года я возвратился в Феодосию, к месту постоянной службы, когда Крым был занят белогвардейцами".

Далее следователь записал: "На вопрос, посылал ли проклятия и служил ли молебны об изгнании большевиков, названный Косовский сказал, что молебствия такого не было и проклятий он не посылал. Эвакуироваться при отходе белогвардейцев не собирался и не думал. На вопрос, давал ли адреса в контрразведку коммунистов и большевиков, гражданин Косовский ответил, что не давал".

На следующий день были допрошены два свидетеля — Подвербный и Чуприк, которые дали требуемые следователем показания.

"Священник Сарыгольской церкви, — говорил Подвербный, — отец Андрей Косовский служил в контрразведке, выдавал большевиков и коммунистов, служил молебны, чтобы белогвардейцы победили большевиков. Кричал и выгонял детей коммунистов из школы. Грязнил Советскую власть во всех отношениях и говорил о ней неодобрительно. Он утверждал, что благодаря большевикам, храмы оскверняются, вера православная подрывается, священников убивают. И всегда грозил

жителям карательными отрядами, что может подтвердить Поддубный Михаил, служащий на железной дороге с. Сарыголь, и Чуприк Исак, стрелочник станции Сарыголь, живущий в доме Шолковой".

Другой социально близкий "свидетель", Чуприк, подтвердил, что священник "ругал детей, родители которых были большевиками". Правда, не уточнил: за родителей-коммунистов или за плохо подготовленный урок.

"Я видел его выходящим из политуправления. Почему ходил - не знаю. А на проповедях призывал к победе над большевиками".

Для обвинения священника этих показаний оказалось достаточно, но решающей стала записка секретаря Феодосийского партбюро: "Священник Косовский есть самый первый контрреволюционер. Обратит внимание на то, что, не считаясь с малыми детьми, выгонял их из

школы, что они большевистские и места им в школе нет. Посылал проклятия и служил молебны об изгнании большевиков. Подсылал людей для выявления партийных работников с указанием адресов. Во время наступления большевиков на Крым уезжал на пароходе неизвестно куда. <...> Священник Косовский заслуживает: стереть с лица земли".

С робкой надеждой на освобождение родственники священника представили справку о состоянии его здоровья, в которой указывалось, что "с 23 октября до сего дня 8.XI 1.1920 года болел брюшным тифом и малярией и до сих пор не оправился от брюшного тифа и продолжает страдать приступами малярии".

декабря, переступив через страх репрессий, захлестнувших Феодосию, рискуя свободой и даже самой жизнью, прихожане Екатерининского храма, верные чада арестованного священника, на приходском собрании решили официально обратиться в ЧК: "Заслушав заявление товарища Председателя приходского совета об аресте прот. Андрея Косовского, еще не оправившегося от тяжелой болезни (с 23 октября болел брюшным тифом и малярией), приходской совет постановил: немедленно оповестить всех прихожан о состоявшемся аресте и возбуждении перед Советской властью ходатайства об освобождении больного протоиерея, прослужившего в нашем бедном приходе двадцать лет и за это время сделавшего для храма и прихода много добра.

Приходской совет еще раз считает своим долгом засвидетельствовать, что прот. Андрей никогда никаких собраний против Советской власти не устраивал, в политических организациях не состоял и вообще активных выступлений не допускал.

Принимая во внимание вышеизложенное, приходской совет от имени всех прихожан, подписи коих в подлиннике при сем прилагаются, просит местный Особый Отдел о немедленном освобождении протоиерея Андрея Косовского.

*Заместитель товарища Приходского Совета
Стреквин Члены: А.Жулева, Н.Голяк,
В.Алексеев и т. д., всего 275 подписей".*

Через несколько дней по примеру феодосийской паствы жители села Дальние Камыши обратились в Феодосийскую ЧК с аналогичной просьбой:

"Мы, ниже подписавшиеся прихожане Екатерининской церкви города Феодосии, проживающие в селе Дальние Камыши, собрались на своем сходе и обсудили вопрос о нашем приходском священнике Андрее Косовском и решили просить вас, Особый Отдел г.Феодосии, освободить протоиерея Андрея Косовского из- под ареста.

Протоиерей Андрей Косовский в нашем приходе служит двадцать лет, и все это время был для нас очень хорошим священником, входил в наши нужды, был крайне справедлив. За всеми вопросами мы всегда обращались к нему, и он никогда и ни в чем нам не отказывал. Разговоров на тему против Советской власти мы от него не слышали. Вообще, протоиерей Андрей Косовский был для нас хорошим пастырем. На основании изложенного просим Особый Отдел освободить протоиерея Андрея Косовского из-под ареста, в чем и подписываемся собственноручно.

14.XII.1920 г.»

И далее следуют 112 подписей простых, большей частью полуграмотных крестьян, не сомневающихся, что их ходатайство перед народной властью возымеет силу.

Так же поступили и православные соседнего села Новониколаевки, собрав около сотни подписей в защиту любимого пастыря.

Обеспокоенные народным движением в поддержку неугодного им священника, чекисты еще раз допросили Андрея Косовского.

- Говорили ли вы проповедь против Советской власти?

- Никаких проповедей, направленных против Советской власти и ее функций, я не произносил.

- А против мероприятий Советской власти, направленных против церкви?

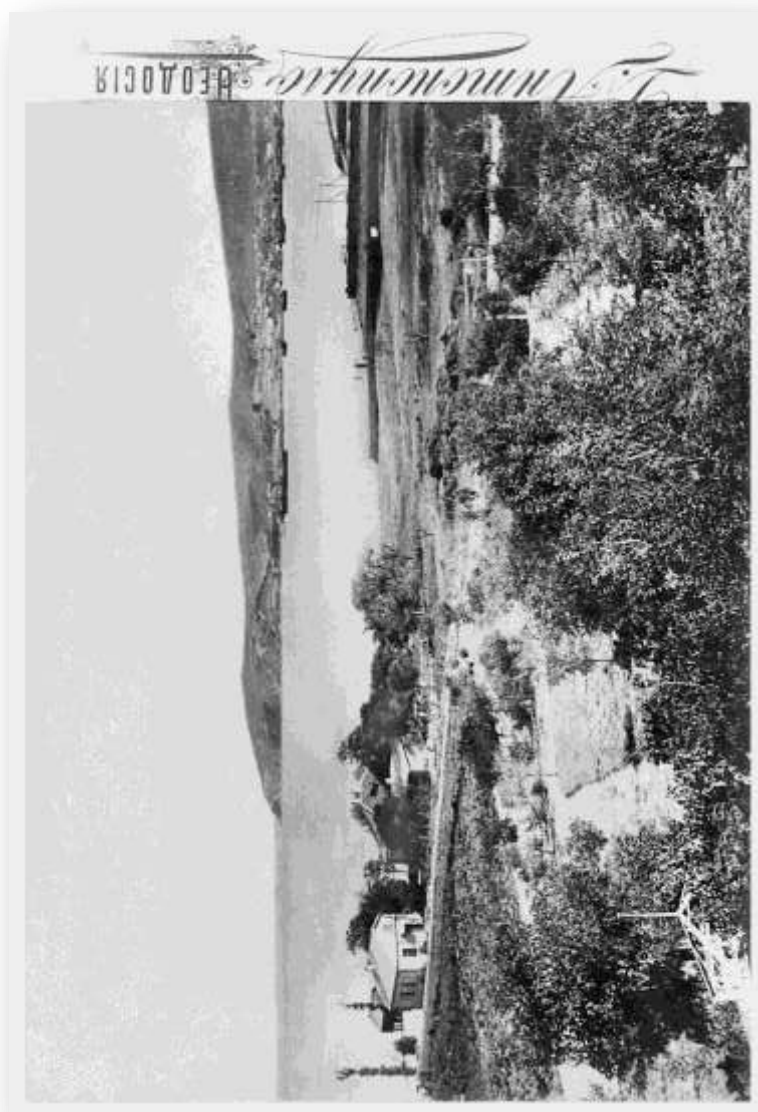
- Таких проповедей я произносил много. Темой служил какой-либо конкретный случай, как, например, извещение <...> о расстреле священников в Донской области, о заключении в тюрьму Патриарха Тихона и т. д.

- Носили ли эти проповеди злостный характер против Советской власти?

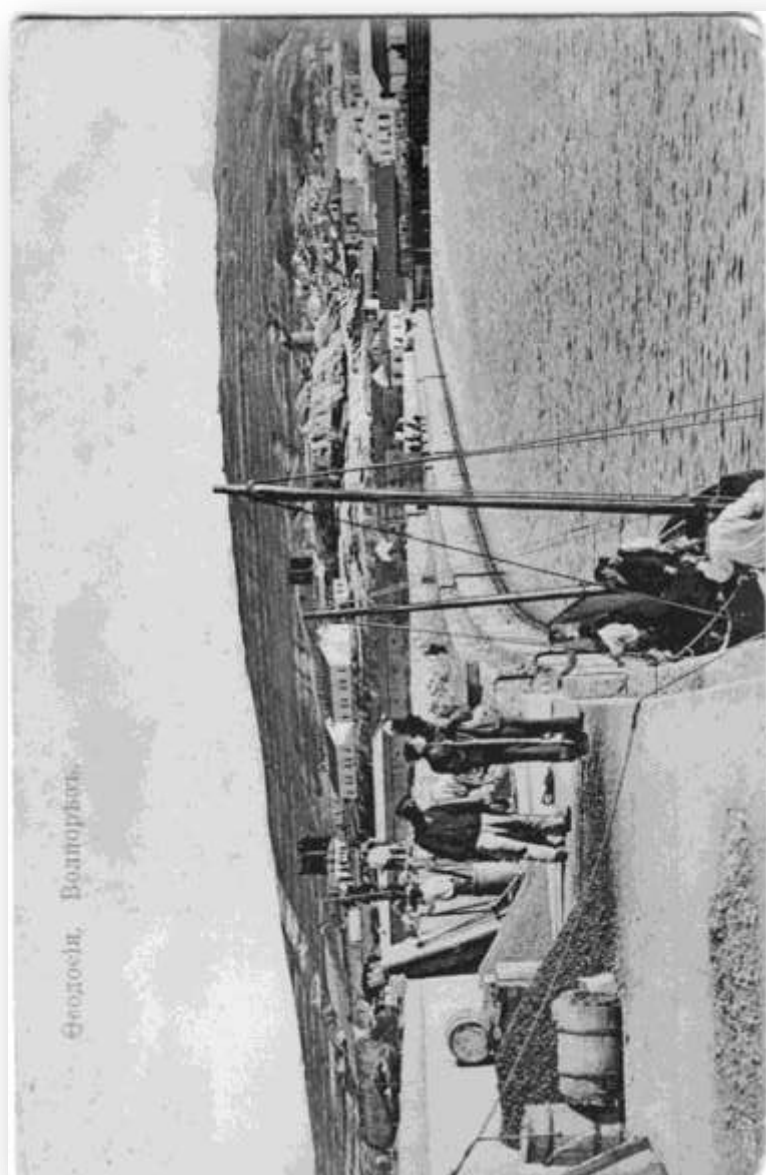
- Никакого злостного характера эти проповеди не носили.

- Призывали ли вы прихожан молиться об избавлении России от "красной нечисти" и употребляли ли это выражение вообще в проповедях?

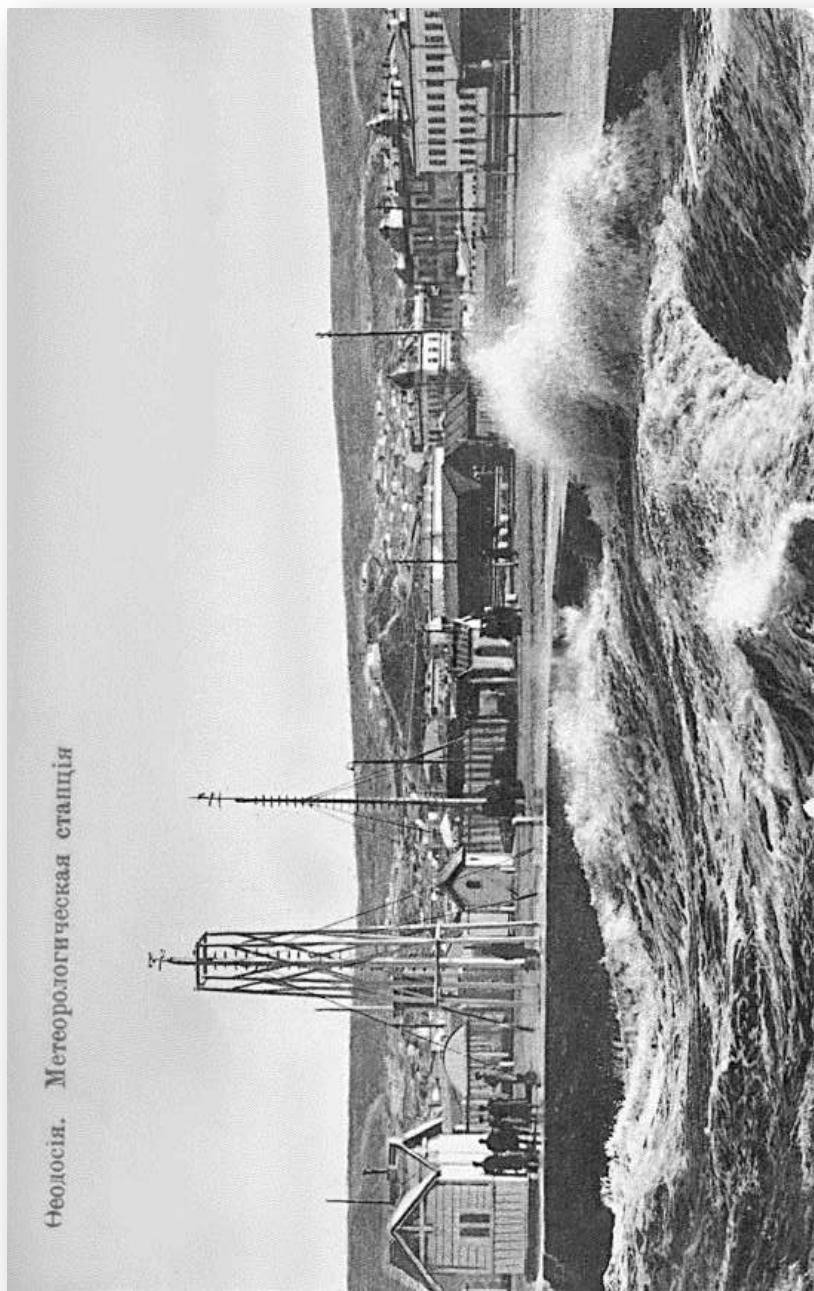
- В призывах и вообще в проповедях слова "красная нечисть" мною никогда не употреблялись.

Дачный район Сарыголя. Начало XX в.

Неолосія. Метеорологічна станція

Метеорологічна станція в порту (не сохранилась). Начало XX в.

Вообще, в уставной церковной службе отсутствуют ектении и молитвы, направленные против Советской власти.

- Какой характер носила критика мероприятий Советской власти в отношении церкви?

- Критика этих мероприятий носила по необходимости субъективный или объективный характер. Я объяснял им происходящее отсутствием власти или же указывал на попустительство всей Советской власти.

- Признаете ли вы мероприятия Советской власти в вопросе об отделении церкви от государства?

- Признаю Советскую власть в целом и вполне одобряю ее мероприятия в вопросе отделения государства от церкви.

С надеждой быть понятым, а стало быть, в какой-то мере оправданным, священник написал чекистам заявление, в котором попытался объяснить свою позицию и полную непричастность к контрреволюции.

"Мое политическое кредо.

До февральского переворота 1917 года я, будучи беспартийным, находился в ряду тех пастырей, кои с нетерпением ожидали раскрепощения Русской Церкви от тяжелого гнета цезарепапизма. Вот почему февральский переворот, освободивший церковь от этого ига, обрадовал большинство духовенства, мы не могли не приветствовать его. В дни наступивших свобод после переворота я продолжал оставаться беспартийным, таковым оставался и теперь. Если после октябрьского переворота я не был с Советской властью, то это объясняется, с одной стороны, отношением Советской власти к Церкви и духовенству при проведении в жизнь декрета об отделении Церкви от государства, а с другой - полным незнанием большевизма

и его программы. Теперь, когда Советская власть стала относиться к Церкви более терпимо, я не за страх, а за совесть эту власть признаю и ей покоряюсь. В каких-либо политических партиях и организациях я не состоял ни до февральского переворота, ни после него. Всегда ревниво оберегал Церковь от политических влияний. С открытым протестом выступил против вмешательства Феодосийской национальной общины, желавшей продиктовать свою волю приходским советам в установлении дней покаяния 12, 13 и 14 сентября в кладбищенской церкви.

Протоиерей Андрей Косовский".

Но в результате никакие объяснения и общественные ходатайства не смогли перевесить двух лжесвидетелей и рекомендацию секретаря партбюро. Для феодосийских коммунистов отец Андрей был ненавистен и соответственно подлежал революционному суду.

16 декабря 1920 года "следственная комиссия Особого Отдела ВЧК Черного и Азовского морей, рассмотрев дело по обвинению Косовского в контрреволюции, постановила:

Ввиду обнаружения виновности его в произнесении в храме проповедей, направленных на дискредитацию Советской власти в отношении вопроса отделения церкви от государства, принимая во внимание чистосердечное его признание и ходатайство многочисленных прихожан, - передать весь следственный материал в Народный суд для дальнейшего проведения. Вещественных доказательств по делу нет".

Но этого не произошло, так как кадровые большевики, маниакально стремившиеся к своей цели, тяготились утомительными и малоэффективными судебными разбирательствами. Предложение передать дело в

народный суд было перечеркнуто, и написана красным карандашом резолюция: "Косовского, как врага РСФСР, изолировать от общества свободных граждан, предав высшей мере наказания - расстрелу". И внизу подпись: Ковалев.

В тот же день, 16 декабря, протоиерей Андрей Косовский на основании этой приписки был расстрелян. Каждый человек несет ответственность не столько за то, что он делает, сколько за то, что он есть, а протоиерей Андрей был добрым и верным пастырем, в отношении которых советское "правосудие" делало первые шаги.

В конце декабря было произведено несколько массовых расстрелов во дворе виленских казарм. Расстрелянных бросали в старые гемузские колодцы, а когда они наполнились, приговоренных заставляли рыть общие могилы и с наступлением темноты, раздев, расстреливали. По всей видимости, стрельба производилась просто в толпу, и многие были только ранены. Придя в себя, они разбежались, а тяжелораненые расплазались и, появляясь на окраинах города или в деревнях, шокировали своим видом население. Сердобольные люди прятали их, пытались выходить. Но укрывателей находили и расстреливали вместе с выжившими.

В это время была создана Крым ЧК во главе с Я. Реденсом и начальником оперативного отдела Я.П.Бирзгалом. Комендантом был назначен И.Д.Пананин. Основной его обязанностью было приводить в исполнение приговоры, от чего он пришел в психическое расстройство и не один год провел в лечебнице для душевнобольных. Впоследствии Пананин приобрел известность как исследователь Антарктики и не любил вспоминать о

прошлом.

27 ноября начальником ударной группы Особого Отдела Южного Фронта был назначен В.Г.Евдокимов; за несколько месяцев ему удалось уничтожить 12 тысяч человек, в том числе 30 губернаторов, 150 генералов и более 300 полковников. Особый Отдел дивизии, батальон ОСНАЗ и комендантские команды, выполнявшие роль карателей, были укомплектованы на 70 процентов эстонцами. Они разместились в картинной галерее Айвазовского и отметили свое новоселье пьяным дебошем, исколов при этом штыками три картины великого мариниста. Особый Отдел возглавлял Зотов, а его заместителем был Островский, также прославившийся своей жестокостью.

Террор продолжался, и ужас тотального насилия напрямую коснулся всех слоев населения. Тех, у кого еще оставалось имущество, беспощадно грабили. 22 февраля 1921 года финляндский Рокком постановил:

Галерея им. И.К.Айвазовского, 1930-е годы. Публикуется впервые

"Арестовать паразитический элемент - буржуазию и крупных спекулянтов по спискам взятой на учет буржуазии биржей труда; пригласить на выяснение, кто принадлежит высылке и аресту, и составить комиссию из 5 человек - начальника милиции тов. Мараховского, начальника Особого Отдела бюро Черного и Азовского морей тов. Томилина, предревкома тов. Турчинского, члена ревкома тов. Брун и тов. Нуждина, которая должна разработать проект ареста и высылки арестованных не позднее 24 февраля 1921 г. <...>.

Изъять все излишки у всего населения, не касаясь беднейшего населения, оставив по I категории для советских служащих и квалифицированных рабочих 3 пары белья, 2 костюма (один носильный, другой запасной), 1 пальто зимнее, 1 пальто осеннее или летнее, постельного белья по 1 одеялу на каждую кровать, по 1 подушке на каждого члена семьи и по 2 простыни на кровать, 2 пары ботинок или сапоги и ботинки; все излишки продуктов, если они превышают норму месячного потребления, отобрать.

По II категории у всех буржуев, спекулянтов и нетрудового элемента оставить 1 костюм ношенный, 1 пальто зимнее, 1 летнее или зимнее, 2 пары белья, 1 комплект белья постельного, 1 пару ботинок на каждого члена семьи, все излишки продуктов отобрать, оставив норму по категории.

Назначить день отобрания излишков на 25 февраля 1921 г. с 8 час. вечера до 8 час. утра 26 февраля 1921 г. Привлечь всех партработников, призвав их на 25 февраля в 5 час. вечера, объяснив, как поступать и действовать, также мобилизовать милицию и всех коммунистов воинских частей, выделив самостоятельные тройки,

снабдив соответствующими мандатами на один день на право забрать излишки, а также и квитанциями на отобранные излишки установленного образца за подписью заведующего комиссией по изъятию излишков тов. Турчинского, а также и за подписью коммуниста, производившего отобрание излишков.

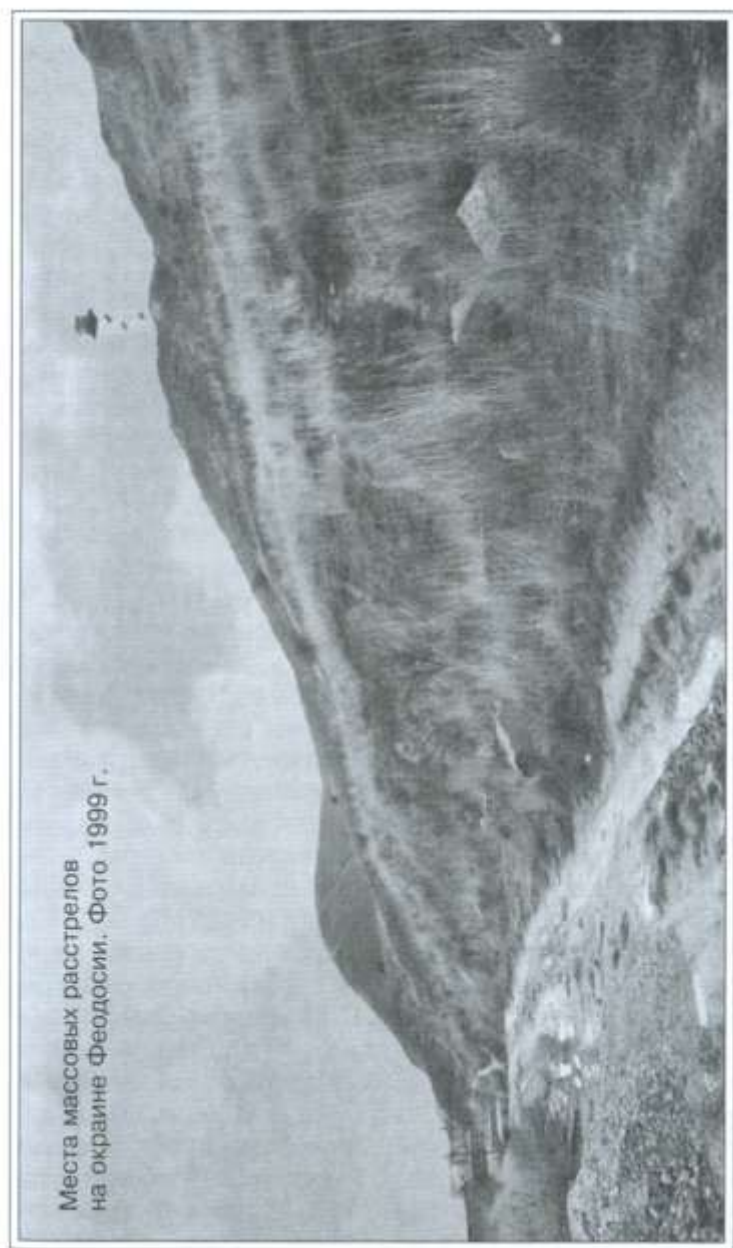
По отобрании излишки распределить: собесу, на-робразу, продкому и др. По отобрании излишков у владельцев до утра взять сундуки, корзины, сложить вещи и запереть, ключ взять должен коммунист, производивший отобрание, сдать хозяину до утра под его ответственность и ответственность его семейства. 26 февраля будет забрано все на подводы и отвезено в специально приготовленное для этого помещение".

Лучшие вещи делились между чекистами. Газета "Прибой" № 41 сообщала: "На почве сокрытия товаров и продовольствия торговцами, а также дороговизны в городе начались беспорядки, выразившиеся в самочинных обысках". На улицах раздавались призывы к расправе над буржуазией.

По свидетельству очевидца событий А.В.Ермолинского, бесконечные банды группами по пять-шесть вооруженных человек безжалостно опустошали город, врываются в дома зажиточных людей и, не предъявляя никаких документов, отнимали "излишки"; бесцеремонно рылись в сундуках, комодах и на глазах перепуганных хозяев забирали все, что им приходилось по вкусу. Одна предусмотрительная старушка в надежде спасти кое-какие золотые вещи, зашила их в старый заношенный фартук и повесила его на самом видном месте, предполагая, что таким старьем никто не прельстится. Однако один из пришельцев попробовал штыком сбросить фартук.

Взволнованная женщина инстинктивно протянула руку, которая в тот же момент вместе с фартуком была проткнута штыком, что только позабавило непрошенных гостей. Ходить по улицам было настолько опасно, что жители выходили из дома исключительно по крайней необходимости, одеваясь при этом во избежание ограблений, случавшихся даже днем, по возможности хуже. Завидев прилично одетого человека, вооруженные бандиты в игривой форме предлагали ему поменяться одеждой или сапогами. Как правило, незадачливый прохожий быстро догадывался, к чему может привести его несговорчивость, и отдавал хорошие сапоги в обмен на старые тапочки.

В апреле 1921 года расстрелы пошли на спад, но в мае разгорелись с новой силой, чтобы стихнуть только в октябре. По некоторым подсчетам, в Феодосии было расстреляно от 6 до 8 тысяч человек.

Осенью 1921 года большевики стали замечать следы своих преступлений. Рвы с расстрелянными засыпали гашеной известью, а сверху землей, но это не давало желаемого результата. "За злоупотребления" весь состав Феодосийской ЧК был расстрелян рядом с их жертвами выездной командой КрымЧК.

19 ноября 1920 года Крымский Ревком организовал областной продовольственный комитет во главе с Биликом с чрезвычайными полномочиями по изъятию так называемых излишков продовольствия у населения. Все виновные в неподчинении этой организации предавались военно-революционному трибуналу.

В декабре 1920 года в Феодосии началась продразверстка. Каждый крестьянин, вывозящий свои продукты на базар, объявлялся "самым смертельным врагом Советской власти и рабоче-крестьянского дела", а свободная торговля - "путем возрождения царского режима". В деревнях из поденных рабочих были созданы "комитеты бедноты", озлобленная зависимость которых была направлена на разрушение традиционного крестьянского уклада. В течение декабря землю у помещиков конфисковали, но крестьянам не отдали и стали формировать совхозы, которых предполагалось создать более тысячи. Вероятно, чтобы впоследствии при изъятии излишков не иметь дело с собственниками. Большая часть земли, переданная совхозам весной 1921 года, обработана не была... Начался голод. М.Н.Квашнина-Самарина в "Красном Крыму" вспоминала: "Татары ели

кошек, собак и даже трупы людей. Мы питались лебедой и луком нашего сада <...>. Как-то ко мне подошла маленькая девочка - дочка нашей санитарки - и сказала с восторгом: "Сестрица, какую вкусную человечину я ела!" В течение 1921-1922 годов в Феодосийском уезде по официальной статистике голодало 49000

РАЗСТРЕЛЫ.

РАЗСТРЕЛ СЫНА И. С. ШМЕЛЕВА.

Как выясняется в дни кошмарных массовых расстрелов офицеров Крыма, доверчиво «зарегистровавшихся» у большевиков и тысячами расстрелянных по приказу Бела Куна, в числе прочих были арестованы и сын И. Шмелева — офицер русской армии. И. С. Шмелева тотчас же были посланы телеграммы наркомнаробразу А. А. Луначарскому с просьбой о спасении сына. От Луначарского получены были телеграммы с просьбами разыскать и спасти сына Шмелева. Однако, все розыски оказались уже позднею: молодой Шмелев был уже расстрелян вместе с остальными 4 1/2 тысячами, и даже найти труп в массовых могилах оказалось невозможным.

На отца все произшедшее произвело потрясающее действие. Постигшее его сильнейшее нервное потрясение превратилось в течение времени в серьезный недуг; и писатель и поныне находится на лечении в одной из Алуштинских санаторий.

РАЗСТРЕЛ ЖУРНАЛИСТА ЕВГ. РОЗЕНОЕРА.

Крымской областной чехо-расстрелянный петроградский присяжный поверенный, сотрудник «Ръчи» и других изданий, кооперативный журналист и редактор Евгений Розенберг. Последний, по приходе большевиков, занял низ-

ший пост заведующего комиссариатом социального обеспечения всего Крыма. Однако, в особый отдаленный поступил донос о том, что Розенберг, будучи комиссаром социального обеспечения в Феодосии в 1919 году, по приходе добровольцев, стал сотрудником октябристского «Таврического Голоса» и работал в добровольческих организациях. Розенберг был схвачен, арестован, и по удостоверению указанных фактов расстрелян по приговору областного особого отдела.

РАЗСТРЕЛЫ В СИМФЕРОПОЛЬ.

Кроме приведенных уже фамилий, сообщают следующий список жертв: Симферопольской чрезвычайной: члены окружи. суда гражд. отд. М. Войнов и Дриков; товарищи през. уголовного отделения В. П. Ляхинский и Дроздов; доктор Югансон, купец Семерджин, братья Лотошниковы, кн. Кутушев.

Как выясняется, редактор нар. соц. «Южн. Вѣдомостей» Ар. Павл. Лурье, пост в недействительной квартире, рванул почевать дома, где и был арестован. Пост в недействительных допросов он был похоро расстрелян по приговору особого отдела 13-й армии. Секретарь «Южн. Вѣдомостей» А. И. Кляшевич сотрудник г. Рымони и другие просидели в подвалах Ч. К. 4 месяца. Равно Вильгельмиде сидеть в тюрьме 5 месяцев.

Заметки из газеты "Общее дело" (Париж),
23 июля 1921 г., суббота

человек. В мае 1922 года Ю.Гавен сообщал, что в Крыму голодало 400000 человек, а от голода умерло 75 тысяч.

9 апреля 1921 года Герман Гауфлер писал в своем дневнике: "В городе страшная грязь и вонь. На Екатерининской улице лежитдохлая лошадь, и ее едят голодные собаки. На некоторых улицах лопнули трубы канализации, и по улицам текут вонючие реки. Во дворах лежат огромные кучи сору, которые не убираются. У нас во дворе лежит огромная куча сору, там же лежит шкура лошади, издохшей, вероятно, от сапа. Два клозета рядом переполнены так, что выливается. Все мужчины во дворе роют большую яму, в которую всё пустят из клозетов и заруют. В городе сильная цинга, многие наши знакомые ею больны. Некоторые семейства заражены сапом. Несколько дней тому назад расстреляли 2 семьи сапных. Многие умирают от голода. Недавно умерла одна дама, служащая. Во время работы она упала. Думали, что она упала в обморок, но привести в чувства не могли. Пошли за врачом. Тот сказал, что она умерла от голода. Один мальчик, выходя из школы, упал и тоже умер".

Голодали все, даже красноармейцы, которые совсем недавно участвовали в разграблении крымчан. Л.Кондрашев, военнослужащий 7-го стрелкового полка 3-й Крымской дивизии, впоследствии вспоминал:

"В конце 21-го и в начале 22-го года по всему Крыму свирепствовал страшный голод. Жутко оголодал и наш полк <...>; окна без стекол, выбитые двери зияли безотрадными дырами. Размещались прямо на полу, матрацами служила подстилка - собранный тут же на брустверах бурьян. Ветер, пользуясь свободным доступом (не спрашивать же у него мандат), врывается в помещение и свистел в уши. Вместо печей - доски для ликбеза.

Разжигали костры здесь же в казарме. На них мы готовили скудный обед, каждый себе отдельно или группами, так как общего котла не было, и наши бойцы получали на руки свой паек. Дров не было. Все, что можно было сжечь: заборы, террасы с флигелей — было снято и сожжено. Находились такие ребята, которые топку добывали себе с кладбища, принося деревянные кресты и ограды. За время боевых походов обмундирование изорвалось, и на нас были лишь жалкие остатки штанов и рубах, шинели истрепаны, светило голое тело, пожженное от костров сукно было сплошь покрыто дырами. Часть людей была обута в порванные ботинки, часть ходила в лаптях, другие обматывали ноги тряпками, иным приходилось шагать босиком. О белье сначала мы и не мечтали. После, когда, наконец, была получена долгожданная партия белья, так изнашивалась наша верхняя одежда, что пришлось перекрашивать нижнее, обращая его в верхнее обмундирование.

Но голод донимал хуже холода. Несколько случаев особенно ярко запомнились мне. Прислали в полк селедки - они оказались тухлыми, и в бочках кишели черви. Врач отдал распоряжение выбросить их в море, боясь заболеваний, но общее собрание изголодавшихся красноармейцев настояло на их выдаче. Селедки были тщательно вымыты и с жадностью съедены. Голод не заставлял разбираться. Дошли до того, что не брезгали дохлятиной.

- Однажды, когда я находился в карауле, - рассказывает т. Журба, - ко мне подошел красноармеец.

- Товарищ командир, - спросил он, - будешь есть свинину?

- Что за вопрос, - отвечаю, - конечно, буду. Откуда

добыл-то?

- Да как вам сказать, - замялся красноармеец, - она как будто дохлая.

- Давно ли издохла, воняет шибко?

- Нет, ничего, как будто недавно, с голодухи, думаю, не больная, уж больно тощая...

И мы, конечно, преспокойно съели ее. Не время было церемониться, желудки требовали пищи".

Этот факт со свиньей - не выдумка. Я слышал его не только от т. Журбы.

Красноармейцы добывали себе пропитание кто где и как мог. Ели камсу, дельфинов и кошек, а с наступлением весны вышли на подножный корм - рвали и ели подорожник и конский щавель (травы), ходили на городскую бойню, собирали кровь в котелки и из нее готовили себе пищу... Но все-таки, несмотря на голод, красноармейцы и комсостав полка от своего нищенского пайка отрывали часть продуктов для детского дома, над которым мы шествовали <...>.

Пали почти все лошади. Красноармейцы на себе, впрягаясь в двуколки, возили хлеб из города в казармы. изнашивал и мучил людей и голод, и холод. На посту один красноармеец, замотанный в тряпки, примерз к земле - пришлось вызывать врача для того, чтобы его оторвать. Отправили в госпиталь - ноги были отморожены <...>.

6 мая 1922 года берлинский журнал "Руль" напечатал: "Из Феодосии сообщают: "Приказом крымского совнаркома за людоедство установлен расстрел, но это не помогает. В революционном трибунале слушалось дело одного татарина-людоеда. На суде выяснилось, что в Карасубазаре существует целый склад трупов. В этом складе найдено 17 засоленных трупов, главным образом

детей. На улицах Феодосии наблюдаются страшные сцены: голодные дети умирают целыми группами".

Известный писатель, находившийся в то время в одном из городов Крыма, писал: "Голод и людоедство увеличиваются по дням <...>. В Судакe зарегистрировано за месяц 61 детоубийство, в Старом Крыму - 85. Недостаeт ещe 9/10 незарегистрированных.

Детское засоленное мясо находят всюду. Матери едят детей. Есть данные, что есть случаи и среди интеллигенции. Скоро будут есть взрослых, но это вам уже дивно... Трупоедение уже никого не пугает и не удивляет. Работаю по 18 часов в сутки, и это пока дает возможность не заниматься людоедством. Вы, по-видимому, слабо себе представляете, что здесь происходит. Пока до свиданья. Если не съедят до следующего парохода, напишу подробнее..."

В то время как берлинский журнал писал об ужасах голода, устроенного большевиками, феодосийская газета "Голос юного коммуниста" публиковала воспоминания участников кровавых побоищ Гражданской войны. Некий А.Танин писал в своем "Впечатлении": "Бух. Бу-у-х, бух... Снаряд с громом и ревом врывается в сырую землю, поднимая столб густой серой пыли... Слышатся стоны... Кровь... Несут носилки, и на них лежит бледный, умирающий... Кровь хлещет из огромной раны на груди. Но какое-то несоответствие, диссонанс поражают меня: человек умирает, находится в предсмертной агонии и какая-то таинственная торжественность, какое-то невыразимое счастье лежит на челе его...

Через час он умер.

Образ умирающего глубоко вкоренился в мою мысль, я долго думал и, наконец, разгадал причину его счастья: он

пал великой смертью, смертью борца за светлое будущее".

Не ведая о блаженной Вечности, обращенной ко всякому верующему во Христа, автор, как художественным действием, впечатлился напрасной смертью за идею вечно ускользающего светлого будущего. Высокие образцы революционной жертвенности, воспетой трубадурами новой власти, соседствовали с беспробудным пьянством красных командиров.

Уже 14 декабря 1920 года Военно-Революционный трибунал 4-й армии при 3-й стрелковой дивизии "в составе: председатель Курр, члены Окунев, Шохин при обвинителе Лавут, секретаре Е.Гемм и защитнике Крым, рассмотрев на публичном заседании дело по обвинению начальника пешей разведки 202-го полка Субботина Федора Михайловича, 22 лет, Рязанской губернии Спасского уезда Троицкой волости с. Гавриловки, в пьянстве, растрате казенного имущества и краже часов, приговорил его к принудительным работам на 20 лет".

За пьянство и мародерство в деревне Салы 16 декабря были осуждены: "Командир 1-го батальона 19-го стрелкового полка Михайлов Дмитрий Александрович, 26 лет, г.Оренбург.

Командир 2-го батальона 19-го стрелкового полка Тимофеев Тимофей Сергеевич, 24 лет, Петроград.

Порученец командира 1-го батальона 19-го стрелкового полка Алексеев Анатолий Михайлович.

Алексеев А.М. получил строгий пролетарский выговор, а Михайлов и Тимофеев осуждены на 10 лет каторжных работ условно с оставлением в занимаемой должности, со строгим предупреждением по повторении подобных деяний - расстрелять".

23 декабря тем же Ревтрибуналом был осужден "ко-

мандир 4-й роты 25 полка (бывший 205-й полк) Васин Сергей Дмигрович, уроженец Оренбурга, приговорен к 5 годам принудительных работ, т.к. в имении Ворон, где стояла 6-я рота, "предавался беспробудному пьянству в присутствии красноармейцев, угрожал револьвером командиру полка и сопротивлялся аресту".

Тема беспробудного пьянства, охватившая ряды высокопоставленных и рядовых коммунистов в 1922 году, еще открыто обсуждалась на страницах феодосийской газеты "Известия"¹.

Нетривиальный опыт, страшное знание чего-то нового и неизведанного вынесли потрясенные люди из трагедии пережитых событий, которые впоследствии назовут "историческими".

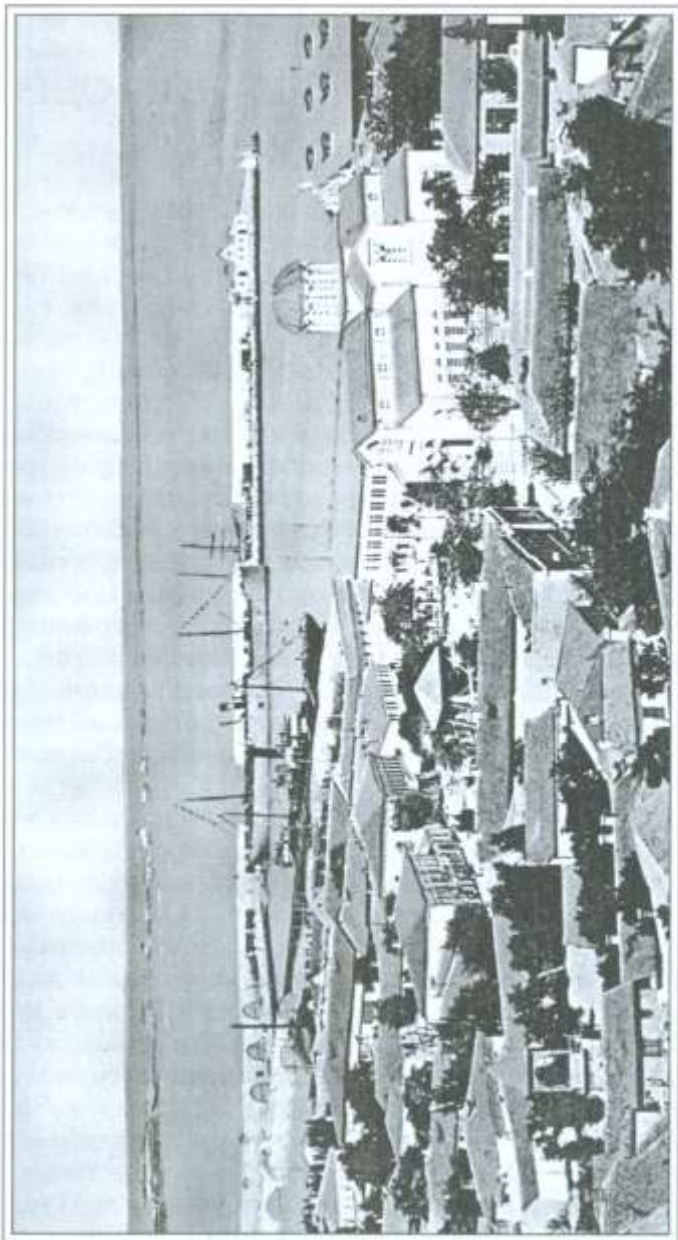
ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ

ГОРОДА В ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ

Протоиерей Владимир Поляков

В 1922 году, пожалуй, самым ярким и выразительным священником в Феодосии был протоиерей Владимир Георгиевич Поляков. Он родился 15 июля 1884 года в Кишиневе в мещанской семье. После окончания Киевской Духовной Академии до 1917 года он преподавал в Белгородской женской гимназии, а в 1919 году в Симферопольском епархиальном училище. Затем был настоятелем Успенской церкви в Старом Крыму. В Феодосии он появился в судьбоносные для Церкви и Отечества годы, когда бесцеремонно сокрушались прежние и закладывались новые основы жизни.

Протоиерей Владимир был восприимчивым и во всем ревностным христианином. Служил с воодушевлением, организовал сестричество и талантливо руководил им. Его проповеди имели замечательное влияние на слушателей, заражали молящихся подлинно христианским энтузиазмом, так что многие женщины и даже мужчины совершенно открыто плакали. В такие моменты народ, без сомнения, мог бы пойти за ним, куда бы он ни позвал молящихся. Без сомнения, его незаурядный общественный темперамент раскрылся в благоприятный момент, когда все почувствовали себя оставленными. В 1922 году по окончании общественнопоказательного суда над священномучеником Никодимом (Кротковым), архиепископом Таврическим,

Вид на порт и Александро-Невский собор. Начало XX в.

Женская гимназия; справа – здание Городской Думы (не сохранились). Фото до 1905 г.

и симферопольским духовенством священник ощутил себя тираноборцем и не скрывал этого. Феодосия была в стороне от церковных событий, и новости о происходившем в столице Крыма доходили сюда не сразу, но, однажды появившись, они начинали перевариваться в умах горожан, как в кипящем котле, просачиваться в сознание и мало-помалу, обретая форму, выходить на поверхность. И наилучшим выразителем этого процесса, переходившего в недовольство и даже в открытый протест, был, вне сомнения, настоятель Александро-Невского собора протоиерей Владимир Поляков. Ничто не ускользало от его напряженного внимания, все обретало законченную форму и называлось своим именем в его огненных проповедях. Горожане заранее приходили в храм, чтобы занять место поудобнее, увидеть и услышать все, что скажет народный любимец. Его бесстрашие и открытость позиции подкупали слушателей, внушали глубокое уважение и даже трепетное благоговение. Казалось, своею жестокой неправдой "народная" власть сама высекала огонь обличений из уст праведника, а он лишь смиренно пропускал переживаемую всеми боль через свое сердце и свидетельствовал о правде. Народ его любил и своей любви перед ненавидевшей священника властью не скрывал.

После процесса над симферопольским духовенством местное ГПУ решило и в Феодосии "навести порядок" и устранить "враждебные элементы из церковной среды". Для этого требовалось собрать необходимый оперативный материал, "в достаточной степени изобличающий врага революции". Технически задача решалась достаточно просто: протоиерей Владимир не скрывал своих убеждений, говорил все, что думал, публично, и его мысли

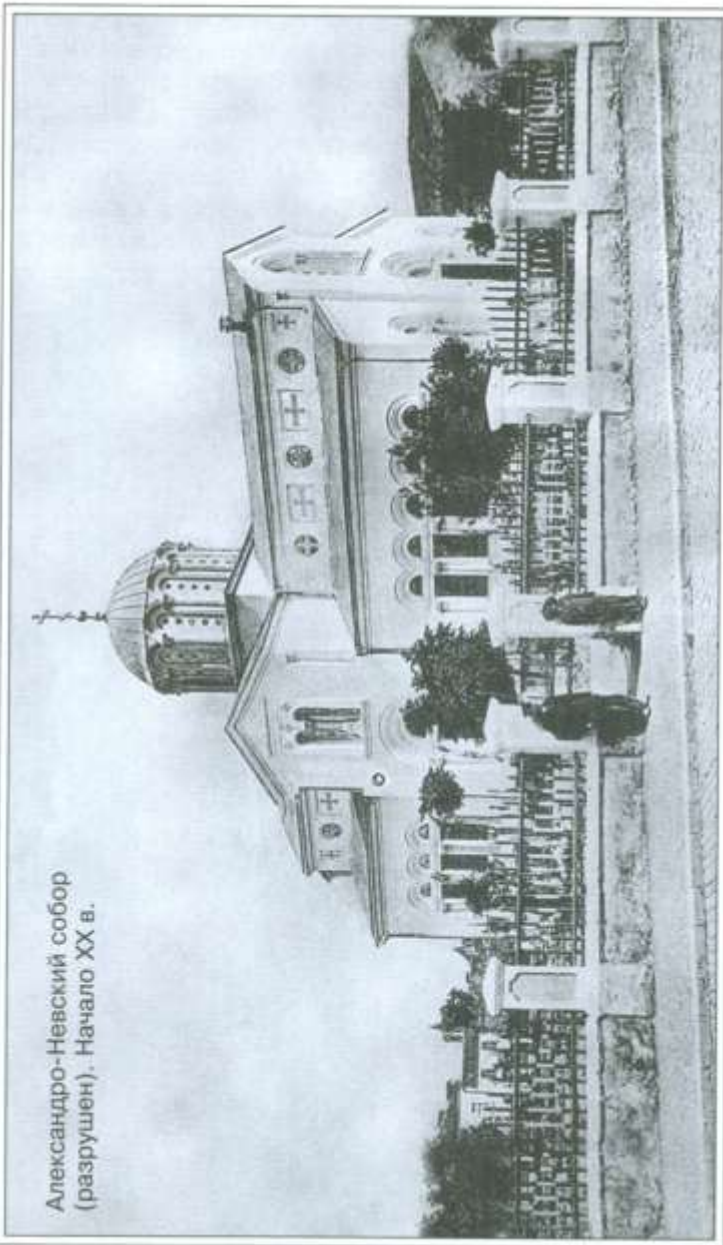
откладывались не только в сознании прихожан, но и трудами одного из сексотов в архивах чрезвычайки, благодаря чему многие проповеди священника отрывками или в его пересказе дошли до нас:

"Доношу, что 10.XII.1922 г. я присутствовал на Богослужении в Александро-Невском соборе, где священник Поляков говорил проповеди о "свободной любви",

Площадь у здания железнодорожного вокзала (не сохранилось)

Александров-Невский собор
(разрушен). Начало XX в.

в которой указывал, что "свободную любовь" проповедуют социалисты и последователи К.Маркса и Ф.Энгельса и др., что "свободная любовь" есть "зло, разрушающее не только женщин, семейный очаг, но и все общество". Все, кто проповедует свободную любовь (социалисты), есть враги общества, православной церкви и всех верующих, и кто поддается влиянию наветов "социализма, кто поверит в благовестия "свободной любви", тот тоже есть враг женщины и всего христианства. Бойтесь, женщины, "свободной любви", проповедуемой социалистами (сиречь, бойтесь самого социализма, который проповедует любовь). Те, кто отдался "свободной любви", посылает своих детей на воспитание в дома приютов, интернаты, ясли и т.д., где вместо благочестия их учат грабежу, разврату и разбою. Да и как же и чему могут научить люди, прошедшие тюрьмы и каторги и сейчас сидящие у власти - точно тому, чему они были сами раньше научены. Побойтесь Бога, будьте матерями своим детям и учите их страху Божию". Как яркий пример он выставляет ныне совершающиеся браки без благословения Церкви, браки, по его словам, очень непрочные и количественно равняются происходящим после них разводам. Чтобы избежать этого, давайте обратимся к нашей Заступнице Пресвятой Богородице, - заключил он, - Которая спасет нас и оградит от такого посягательства на права семьи, семейного очага, христианства и всего общества". В этом русле прошла вся проповедь протоиерея Полякова...".

Вот другой фрагмент проповеди от того же информатора: "<...> стоящие у власти не признают религии и вероисповедания, тем самым отравляя воздух своим нечистым дыханием и своей скверной пропагандой, и будут прокляты как неверные. Так пусть же знают они,

что никакие законы, никакие декреты, никакие узаконения не помогут в деле разложения человечества и души человеческой. И знайте, что они запрещают учить Закон Божий, они запрещают до 18 лет ходить в церковь и слушать Слово Божие. И как, братья и сестры, вы это назовете - это ли не злодеи, это ли не мерзавцы. Так пусть же они знают - из этого ничего не выйдет. Вы знаете, что человек рождается дважды - один раз телесно и один раз духовно. И как тело требует пищи и воды, так и душа хочет пищи духовной. Отечество христиан не на земле, залитой кровью и наполненной злом, а в небесах, куда должен стремиться каждый христианин. На земле все переменилось, говорят, что кто был ничем, тот стал теперь всем, а кто имел власть, тот ее сейчас не имеет. Но пусть не думают те, кто теперь стал всем, что так будет всегда. Нет, тот, кто имел власть, будет иметь ее снова. Закон Господень - это Истина предвечная. Многие потеряли честь, славу, богатство на земле, но если они веруют и живут с Богом, они понимают, что только на небесах слава, богатство и честь вечны, и никто их у них отнять там не сможет. Потому мы, христиане, должны почитать за счастье не бояться, что "они" могут повести нас на казнь. Ибо только таким путем мы приобретем жизнь вечную на небесах. На земле социальная жизнь сейчас невозможна, потому что вершители ее погрязли в грехе и зле, а возможна будет только тогда, когда грех и зло исчезнут в мире. Поэтому христианам надо очиститься от греха и зла, и тогда только христиане смогут устроить на земле то, что обещают сейчас социалисты <...>. Для того, чтобы понять Евангелие, надо жить по нему, как написано в нем. Слово Божие никогда не пропадет, ибо оно - сила Божия. Ему не помешают никакие препятствия.

И никакие декреты не смогут уничтожить Слово Божие.

Однажды в одной из пирамид нашли мумию и рядом - зерна пшеницы. Три тысячи лет находились они там. И когда посеяли их, они выросли. Так и Слово Божие никогда не пропадет", - сообщал доноситель своему начальству и от себя вопрошал: "На основании вышеизложенного, как поступить в данном случае с вышеуказанным священником, дабы впредь устранить возможность его влияния во вред социализму на массы верующих граждан?"

Хор и
священники
собора.
Фото 1920-х
годов

В другом месте "корреспондент" замечает, что "речи его были столь зажигательны, что многие боялись его ареста, и члены приходского совета просили священника быть осторожней, поддержанней к Советской власти, на что он, как правило, отвечал: "Я сам буду отвечать за все как пастырь. Вы есть только хозяева церковного имущества и не должны вмешиваться в дела пастырей. Я буду идти на смерть и буду говорить, что эта власть - наш враг". И, несмотря на все уверения и всесторонние просьбы и даже мольбы, ради своих детей, отец Владимир не собирался изменить тон, умерить пафос и продолжал говорить народу о том, что "новая власть - власть дьявольская и разбойничья". Наконец, осторожный благочинный Феодосий протоиерей Алексей Богаевский из страха перед властями запретил ему касаться политических тем, но отец Поляков проигнорировал его увещевания и продолжал с прежним запалом дерзновенно ругать врагов Церкви.

"При многочисленной публике, - сообщал негласный осведомитель, - отец Владимир с присущей ему интонацией голоса, с выкрикиванием слов, явно направленных против евреев, говорил: "кто поругал нашу веру - евреи, кто продал Россию - евреи. И этот же еврейский народ, который при Иисусе Христе сказал: "Кровь Его на нас и на детях наших", а дети их - это те, которые продали и продают Россию, и эти евреи всегда были, есть и будут нашими врагами". Эта проповедь вызвала большое напряжение у приходского совета. Они боялись, чтобы не было выкриков: "Бей жидов", но все прошло благополучно".

Вот донесение сексота, в котором он святителя Николая почему-то называет "великомучеником":

"Доношу, что сего 19 декабря я специально пошел на проповедь священника Владимира Полякова в Александро-Невский собор, где после литургии он говорил проповедь по поводу праздника в честь великомученика Николая Мирликийского, содержание которой таково: чудотворец Николай всю жизнь служил хорошим примером для христиан, он был поборник справедливости, защитник угнетенных и страждущих. Далее он приводит несколько примеров из жизни последнего о том, как он спас от гибели целое семейство, отец которого хотел из-за безвыходного положения торговать телом своих дочерей. Дальше он говорил, как Николай спас несколько граждан от рук палачей в тот момент, когда меч был занесен над их головами. Дальше он говорил о том, как в 302 году при римских императорах были гонения на христиан, как этот самый Николай был заключен в темницу, подвергся разным испытаниям и жесточайшим пыткам, но остался так же тверд и непоколебим в своей вере во Христа, что мы, верующие, должны брать пример со святителя Николая и быть поборниками такой же твердой веры православной. Затем говорит, что после таких гонений на христиан, после того, как гонители Христовой веры увидели, что физические воздействия не помогают, они стали пытаться внести разложение в среду самих верующих христиан. Так, например, один известный еретик Арий, желая внести раздор, стал проповедовать, что Иисус Христос - не Сын Божий, просто человек необычайный, - продолжал дальше говорить отец Владимир. - И теперь наступили времена такого же гонения на христиан и на христианскую веру, и что "Живая церковь" - те же древние еретики, желающие внести раздор и разложение

в среду верующих. Они также хотят морально воздействовать на христианство и отрицают Христа как Бога (здесь он оговаривается), хотя, правда, они (то есть "Живая церковь") этого пока не говорят, но это в их программе, которую они не разглашают и незаметно проводят в жизнь. И для того, чтобы первенствовать, они отдают наше духовенство под суд Советской власти за какую-то мнимую контрреволюцию, то есть обвиняют в таковой. Далее он говорит, что таким образом посредством такого суда пострадали приговоренные к восьмилетнему тюремному заключению архиепископ Никодим, двое протоиереев и несколько священников и даже двое иеромонахов, приговоренные также на разные сроки.

Священник Алексей Назаревский

Такими мерами борется "Живая церковь" и через посредство ложных доносов и судов расчищает себе дорогу, замещая своими ставленниками освобождающиеся места осужденного и приговоренного к заключению духовенства. Дальше он говорит, что нам не нужна никакой "Живой церкви" и что мы как стояли, так и будем стоять за единую Православную Церковь, и что нам никто не может препятствовать в этом. И тем более Советская власть, издавшая Декрет об отделении церкви от государства. Мы, - говорит он дальше, - возьмем пример со святого

Николая чудотворца и будем тверды, как и он. Если нужно, перенесем все пытки и умрем, но не примем "Живой церкви". (В последних словах своей речи отец Владимир так воодушевился, что сильно повысил голос и стал почти истерически выкрикивать. Впечатление было таково, что он действительно идет умирать за какую-то идею, и стал жертвой какой-то несправедливости. Множество женщин в продолжение второй половины проповеди тихо плакали, а по окончании таковой уже голосили вовсю, как будто бы тоже шли с ним помирать. Нужно заметить, что стечение молящихся сегодня было больше, и отец Владимир (явно контрреволюционно настроенный) играл на чувствах верующих и, по-видимому, имеет на них довольно-таки сильное влияние.

Уполномоченный по П/П (Ниц)

19.XII.22 г. .

Были и краткие эмоциональные сообщения: "Отец Владимир ведет подпольную агитацию против "Живой церкви" с упрямым козлом Василием Ильченко и вдовой расстрелянного полковника Варварой Шуцкой".

После расправы над архиепископом Никодимом и

симферопольским духовенством обновленцы почувствовали свою силу. Поддержка властей многое определяла в этой борьбе, и они, как революционеры по призванию, не теряли инициативы и в полной мере использовали благоприятные для себя обстоятельства. С особыми полномочиями в Феодосию был послан представитель "Живой церкви". Он четко и ясно объяснил колеблющимся, на чьей стороне сила и государственная власть, кому именно улыбается историческая фортуна, а также, что может случиться (и уже случилось) с теми, кто не прислушивается к его рекомендациям. Сомневаться в его словах, а также в серьезности намерений не приходилось, и священники решили собраться и обсудить создавшееся положение. Благодичный Алексей Богаевский пригласил на собрание все духовенство. Из Симферополя приехал настоятель кафедрального собора протоиерей Алексей Назаревский с докладом о сложившейся ситуации и своим взглядом, как ее надо разрешить. После всестороннего освещения вопроса слово попросил протоиерей Богаевский и, поддерживая своего родственника отца Назаревского, предложил признать, что "архиепископ Никодим сделал грубую ошибку в отношении "Живой церкви", не понял текущий политический момент и очевидные интересы Церкви"; прекратить обсуждение и всем благочинием признать "Живую церковь", а также безоговорочно сдать все церковные ценности в пользу голодающих. Священники Феодосийского благочиния глухо роптали, а если нельзя было отмолчаться, тихо и неуверенно соглашались, подыскивая нейтральные слова. И только протоиерей Владимир Поляков и настоятель Никольской военной церкви протоиерей Петр Маккавеев его предложение бесцеремонно подняли на смех.

Резюмируя умозаключение протоиерея Алексея Назаревского, они сказали: "Лучше в ссылку, чем в "Живую церковь". После такого заявления благочинному не оставалось ничего, как только предложить каждому приходу определяться самостоятельно.

На ближайшем богослужении отец Владимир громко и ясно обратился ко всем: "Дорогу Православной Церкви с ее догматами и семью Вселенскими соборами. Пусть она крепнет и процветает, и никакие силы ада не одолеют ее. И прочь "Живую" дьявольско-антихристову церковь, да пусть же она погибнет, как погибли Содом и Гоморра. Будем стойко стоять за нашу Православную Церковь. И легче на каторгу, ссылку, смерть, чем в "Живую церковь". До тех пор, пока я настоятель собора, никого из обновленцев не впущу в собор служить, и ключи его могут взять у меня только силой". В результате последовал очередной донос: "Освещая "Живую церковь", ярко выражался против нее. Он указывал на отличие "Живой церкви" от православной <...>, говорил, что из центра должен прибыть епископ-еврей, поддерживаемый Соввластью для смещения старых священников. Называл его антихристом. Пусть, мол, правительство действует этим оружием, в этом направлении, он найдет против этого вторжения силу в истинной Церкви и в силе Креста. Он призвал прихожан идти за ним, поддерживать его и стоять за веру. Все ответили утвердительно. "И я знаю, - добавил отец Владимир Поляков, - что здесь, в храме, есть советские уши. Но не боюсь я советских ушей, если бы мне и пришлось идти на смерть, я знаю, что говорю, и буду говорить не переставая!" И стал говорить, как не допустить в храмы "иезуитско-жидовских попов". В храме плач, рыдания, стоны, обмороки.

Поляков являет собой резкую оппозицию Советской власти и по своему содержанию является очень сильным агитатором против народовластия. Он обещает врагам Православной Церкви скорую гибель, а верным сынам ее светлые и радостные дни. "Чем темнее ночь, тем ярче звезды. Чем больше Православная Церковь терпит гонений, тем светлее горят свечи ее учения", - закончил Поляков".

С каждым днем в Александро-Невский собор приходило все больше и больше людей, и не только, чтобы помолиться, но и чтобы послушать настоятеля, самим оценить, что и как он говорит о уже надоевшей власти и ее "Живой церкви". Поначалу люди со вниманием осторожно прислушивались, сочувствовали, но по окончании проповеди все оживлялись, сомнение или недоверие к священнику рассеивались. В большие праздники отец Владимир говорил только на религиозные темы, а по будням - о зловещих проблемах, которые парализовывали речь у большинства его собратьев. В скором времени многие признали, что протоиерей Владимир — выразитель чувств и мыслей горожан, в некотором роде неумолкающая совесть. С расчетом приструнить священника местная власть наложила на Александро-Невский храм непосильный налог, но портовые рабочие, сами находившиеся в большой нужде, втайне от всех собрали деньги и за-плати-ли необходимую сумму. Когда отец Владимир рассказал об этом на проповеди, все были под большим впечатлением, для многих происшедшее стало убедительным духовно-оздоравливающим примером.

Через несколько дней на основании церковных событий был составлен рапорт: "С момента самоотречения

Патриарха Тихона от правления Российской иерархией и издания Декрета об изъятии церковных ценностей в пользу голодающих в церковных кругах стали большие прения. Более сознательные члены того или иного прихода и любящие свою паству быстро разобрались в текущем моменте церковной политики и примкнули туда, куда подсказывает долг, как пастыря вверенной ему пастве. Но, к сожалению, таких оказалось очень немного по сравнению со всеми отцами Православной Церкви, как в целом в РСФСР, а в особенности в Крыму, который всегда был в хвосте революционного движения. Это объясняется тем, что сюда нахлынула волна со всех концов России под крыло Врангеля. Этот элемент, как было раньше, и теперь всегда находит оплот в духовенстве, как в лице поборника темных масс, чтобы последние, страшась адских мук, не шли против капиталистов и приспешников царского режима, а всегда были с ними и шли рука об руку, чтобы скорее сломить давно ненавистную им рабочую власть в России. Эта весть и эти настроения докатились и до нашего Крыма и, наконец, до Феодосии. С получением сведений о событиях в Симферополе по изъятию церковных ценностей благочинным Феодосийского округа протоиереем А.Богаевским немедленно было созвано пастырское собрание исключительно из священников, и им было предложено принципиально беспрекословно сдать все имущество гражданской власти, предварительно подготовив к этому всех своих прихожан, разъяснить им цель и задачу такого шага гражданской власти и ошибку Патриарха Тихона в насильственном сопротивлении. Но, к сожалению, предложение его послужило темой насмешек со стороны некоторых настоятелей церквей: отца Владимира Полякова и отца Петра Маккавеева, которые

говорили, что он - явный сторонник большевизма и его идей. Совещание на этом было прервано, и решили, что каждый поступит самостоятельно. Наступило время изъятий церковных ценностей. Соборный настоятель вместо увещевания

В феодосийском порту.
Фрагмент стереооткрытки начала XX в.

своих прихожан об отдаче добровольно ценностей начал говорить, что приближается время, когда "наши враги" задумали посягать на наши святыни, хотят отобрать не только такие ценности, как металл, но и сокровища, которые мы хранили как зеницу ока <...>, как, например, крест, Евангелие, дарохранительницы, чаши и сосуды, из которых мы принимали таинство Святого Причастия, таинство крещения. Этим самым он

восстановил народ против власти, как выступающей против церковных канонов, которые дали нам апостолы. Но свершилось. За ночным богослужением, когда собралось много публики, не только молящихся, а и указывая на иконы, Евангелие и жертвенник, сказал с амвона горячую проповедь:

"Братия и сестры! Все свершилось. Вы видите перед собою ободренные и поруганные наши святыни, и это все пошло в пасть ненасытному нашему так называемому Рабочему правительству. Вы рабочие, вы граждане, которые строили, украшали, вносили последнюю лепту на украшение храма, и эта же рабочая же власть поругала ваше самое дорогое - вашу совесть, вашу веру... Слова, с присущей Полякову натурой, "рабочие, рабочая власть", были сказаны с особым акцентом и криком в голосе, что вызвало истерики, обмороки и рыдания. Такие выступления с сего момента начались каждое воскресное богослужение, после каждой литургии, в которых проскальзывали словечки по адресу гражданской власти в целом - "наши враги", "наши убийцы, грабители" и т.п."

Свинцовая тяжесть неминуемого ареста нависла над настоятелем Александро-Невского собора: власти больше не намеревались терпеть в Феодосии неподконтрольного священника. Его пламенные слова меняли духовный климат, становились нравственным нервом всего города, приводили к Богу прежде теплохладных, безразлично проходивших мимо храма людей, и, осознавая это, отец Владимир уже не мог вернуться в обыденную тишину повседневной приходской жизни. Психологическая поддержка народа была настолько ощутимо реальной, что житейский страх возможной расправы представлялся чистой теорией.

Между тем газеты продолжали злобствовать, публиковали явно оскорбительные для верующих материалы, подчеркивая непролетарское происхождение праздника Рождества Христова. В пятничном номере газеты "Рабочий" за 21 декабря была помещена очередная статья: "Если же разобраться, то окажется, что праздник это совсем не рабочий, и если он и радует кого-нибудь, так только попов да представителей буржуазии. Наука давно доказала, что никаких "непорочных" зачатий не бывает, и никаких доказательств, что Христос был когда-либо — нет, и никто таких доказательств дать не может.

Наконец - это рабочим не важно. Ведь если бы даже Христос был, то все равно Его учение рабочим не годится, оно выгодно лишь врагам рабочего класса. Вспомним, чему учил Христос: терпению, повиновению старшим, прощению обид и т.д.

Все это не для рабочих! Ведь если бы рабочий жил бы по учению Христа, то он и революцию не должен был делать, а терпеть и повиноваться капиталистам <...>. Капиталистам выгодно смирение трудящихся, а потому им и выгодно учение Христа <...>. Собрание рабочих, уполномоченных международным обществом помощи борцам революции (МОПР), предприятий и учреждений г. Феодосии постановило: призвать всех рабочих и служащих Рождество не праздновать, а работать. Зарботок передать МОПР для помощи нашим товарищам по классовой борьбе, для помощи их семьям и детям".

По городу были развешены плакаты, сообщающие о том, что 24 декабря в 8 часов вечера в здании городского театра состоится вечер, посвященный "комсомольскому рождеству", на который приглашаются члены РКСМ, РКП(б), члены профсоюзов, члены горсовета, а также вся

беспартийная рабочая молодежь. Собравшимся будет предложен доклад о существовании религии, содоклад "Почему мы празднуем комсомольское рождество", а в конце - спектакль-концерт².

Праздничное настроение в преддверии Рождества Христова 1923 года у верующих, а их в Феодосии оставалось еще много, ничем не омрачалось, даже заведомо оскорбительными выпадами воинствующих безбожников. В такие дни власти опасались предпринимать откровенно непопулярные меры, арестовывать священнослужителей или закрывать храмы, и отец Владимир, в свою очередь, ради светлого торжества, говорил исключительно о неотмирной радости Боговоплощения. К каждому его слову прислушивались не только верующие, но и засланные казачки, и уже на следующий день было составлено очередное сообщение, пополнившее материалы агентурного дела:

"Утром, 8 января 1923 года, протоиерей В.Поляков произнес проповедь перед гражданами, заполнившими весь храм. Она начиналась рассказом о том, как родился Христос, как узнали о Его рождении волхвы, считавшие себя мудрейшими из людей, и пришли поклониться Ему. И принесли Ему дары: золото, ладан и смирну. Золото как Царю, ладан как Богу и смирну как Человеку. "Что же мы можем принести в дар новорожденному Младенцу?". Портовые рабочие на днях собрали полтора миллиарда рублей Александро-Невскому собору для уплаты налога за освещение - это дар родившемуся Христу. Известно, что рабочие очень нуждаются, но они оторвали от своих скудных средств и собрали для уплаты налога. Кланяюсь портовым рабочим и благодарю их! Я читал легенду, в которой говорится так: когда родился Христос, многие

узнали об этом и спешили поклониться Ему и приносили различные дары, кто что мог. Одна девочка тоже захотела увидеть Иисуса Младенца и пошла к пещере, где Он находился со Своею Матерью. Некоторые, увидев, что она ничего не несет в дар Иисусу, говорили, чтобы она не шла к Нему с пустыми руками. Девочка остановилась у входа в пещеру и плакала. Вдруг явился ангел и сказал: "Ты имеешь такой дар, который не имеет никто из пришедших сюда. Посмотри, твои слезы страдания сделались розами". У ног девочки оказались чудные розы, которые она сорвала и понесла Младенцу, Который равнодушно относился ко всем богатым дарам, но на этот раз протянул к розам Свои Божественные ручонки. Если это и вымысел благочестивой фантазии, то в нем кроется глубокий смысл. Богу нужно не золото, а сердечность и вера. Когда по Божественному Откровению Иосиф бежал с Марией в Египет, и царь Ирод, боясь претендента на иудейский престол, послал волхвов узнать место рождения Иисуса, чтобы самому поклониться Ему, втайне намереваясь умертвить Его, волхвы получили откровение и отошли в сторону своей дорогой. Они, считавшие себя мудрейшими из людей, почувствовали ничтожество человеческой мудрости перед Божеством. И мы, пришедшие в этот храм, уйдем и мы из него другим путем - не тем путем, которым пришли сюда, ибо, как я сказал, Христос родился в наших сердцах. Но что мы с вами можем принести Новорожденному Младенцу - у каждого из нас есть свои страдания, свои слезы. Их-то и можем мы принести. И, сохранив тайну веры от богоборцев, сохранить тот мир, который нам даровал Младенец Иисус и т.д."

И далее резюме автора: "Соборный поп поздравлял прихожан и говорил, что этот день - великий для веру-

ющих православных христиан, потом говорил: "В настоящее время правят православными христианами антихристы, которые продали православную веру антихристу. Не поддавайтесь, православные христиане, этим врагам и поддерживайте храм Божий".

В воскресенье, 14 января, отец Владимир говорил: "Вспоминайте, братия и сестры, как начинался прошедший год ужаса и страданий, год, когда голод принимал такие размеры, что сотни и тысячи людей умирали. Когда на улицах слышались вопли и костлявые руки беспомощно протягивались за помощью.

Вспомните то время, когда умирали бедняки, гонимые пролетарии в стране, в которой были провозглашены золотые лозунги: свобода, равенство, братство. Между тем тогда были такие, кто имел все, чтобы хорошо питаться, а другие умирали от голода; где же были эти "равенство и братство"?

Какой-то чужак написал на братской могиле: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь".

Вспомните, братия и сестры, затем, как потом наступили болезни, унесшие в могилу также немало жертв. Почему же это произошло? Потому что мы забыли Бога, потому что мы отвернулись от Неба.

Достоевский в одном из своих произведений говорит: "Какой архитектор взялся бы строить здание, в фундамент которого пошла бы хоть одна душа невинно погибшего ребенка?" Мы же задумали строить государство, погубив тысячи невинных людей. Мы задумали сделать сад и насадили самые лучшие деревья: свободу, равенство, братство. Но забыли дать им влагу, забыли дать им солнце, тепло, забыли дать Бога - и они засохли, ибо без Бога ничего нельзя сделать.

Мы отвергли Бога, и что же видим: в семье идет разлад, родители не признают своих обязанностей в отношении детей. Дети не признают своих обязанностей в отношении родителей. В общественной жизни идет ожесточенная классовая борьба. Где тот интернационал, к которому все стремились? Как видите, мы не достигли единства, а, напротив, пришли к разложению, ибо забыли Бога. Но эти испытания пойдут нам на пользу.

Посмотрите, не слишком ли сильно сгущается вокруг нас мгла. Но не отчаивайтесь и не падайте духом - в этой мгле цветут цветы утешения.

Взгляните на храм, полный молящихся. Вспомните дни праздников, когда храм не мог вместить всех желающих. Это говорит, что, несмотря на мрак, цветы утешения цветут, ибо с нами Бог". И оперативный работник закончил свой доклад небольшой припиской: "О том, какое впечатление производят проповеди протоиерея на граждан, можно судить по тому, что за некоторое время до проповеди граждане толпятся у амвона и даже восходят на него и с боков в ожидании".

15 января, в понедельник, по окончании службы протоиерей Владимир был арестован. В тот же день, к 5 часам, в соборе Александра Невского собралось множество верующих. Протоиерей Владимир Соколов, отслужив вечерню с акафистом, сообщил прихожанам, что протоиерей Владимир и диакон Василий Ильченко арестованы и обвинены не в противном отношении к "Живой церкви", а в антисоветских выступлениях: "Мне сказали, что он [Поляков] арестован за выступление в своих проповедях против Советской власти. Он никогда не составлял черновиков для своих проповедей, каковые теперь доказали бы, что отец Владимир ничего против

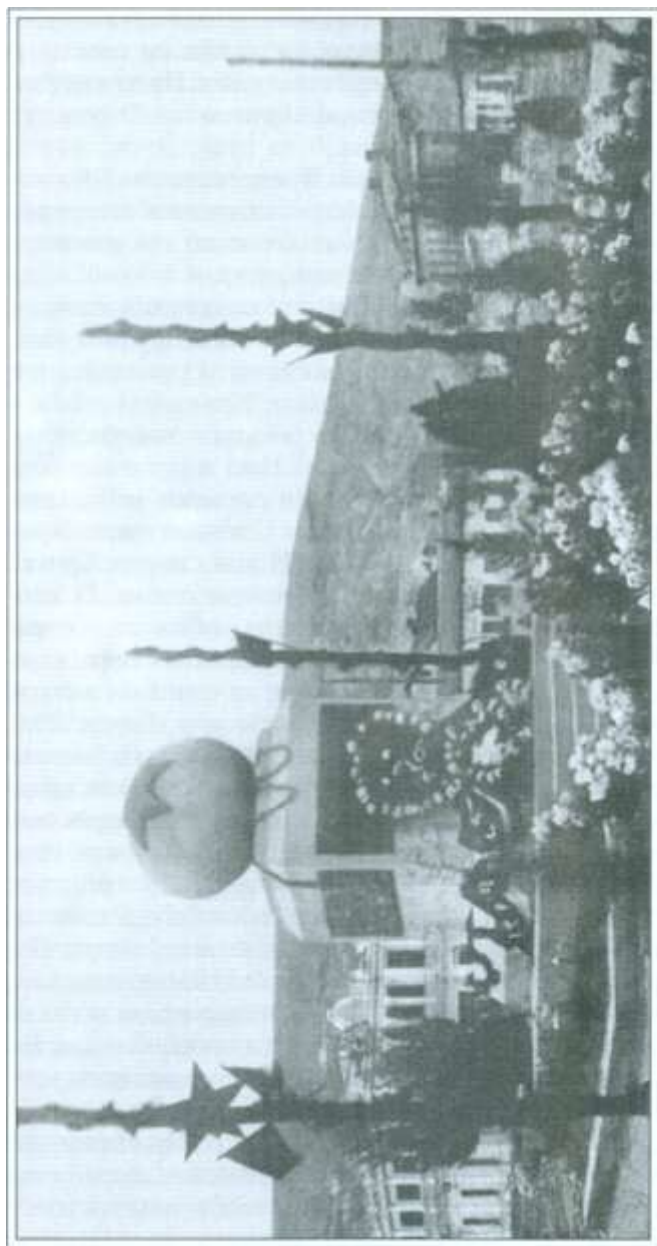
власти не говорил". В этот момент люди зашумели, стали выкрикивать, что настоятель ничего против власти не говорил. Священник Соколов, симпатизировавший обновленцам, чтобы к нему не приставали с духовной бранью и не нарушали его душевный покой, в угоду собравшимся согласился с народом, что в проповедях отца Полякова не было ничего, касающегося власти, и он не высказывался против правительства. Из толпы раздавались выкрики: "Правильно! Правильно! Это могут подтвердить многие верующие!"

"Из Симферополя приехал представитель "Живой церкви", - продолжал Соколов, - и хочет побеседовать с вами, и просит не перебивать его и не производить шум, так как это не какой-то дом, а храм Божий".

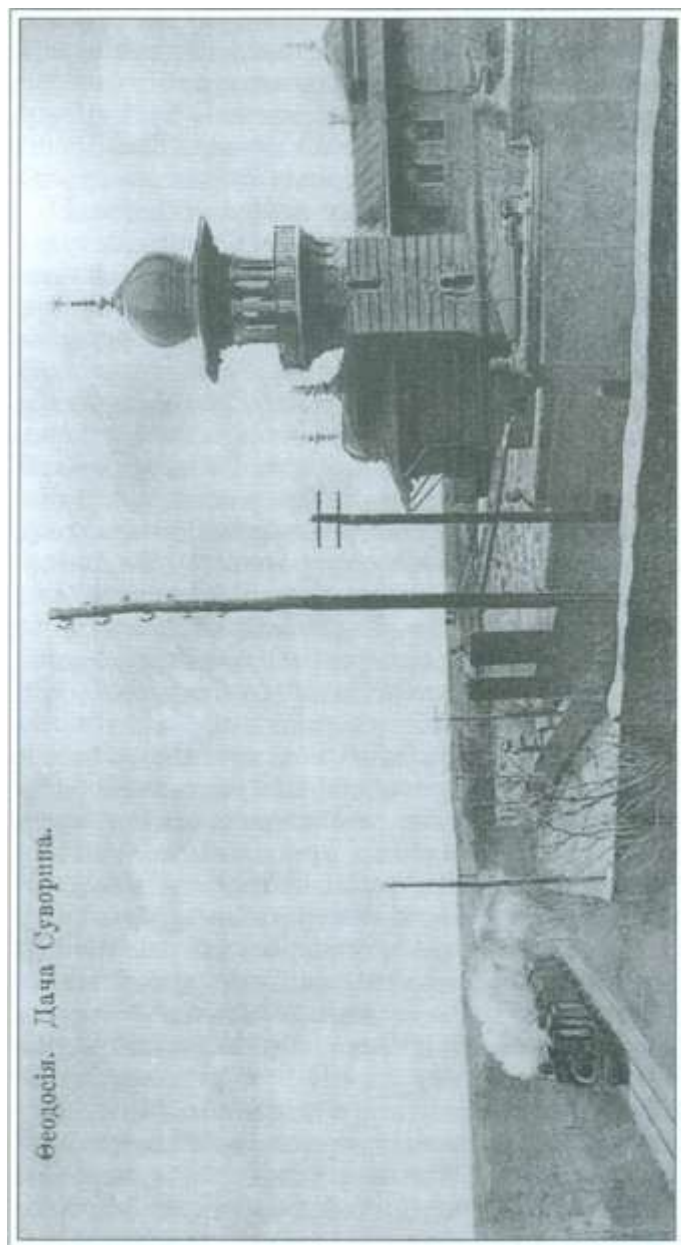
Обновленческий представитель начал свою речь:

"Братия и сестры, я хочу с вами поговорить о важных событиях, происшедших в нашей церковной жизни. Прежде всего, я скажу о Христе. Христос родился в <...> бедной обстановке, а не в богатых палатах, хотя Он мог родиться во дворце, и за Ним пошли все бедные и угнетенные, а не богатые и сильные мира сего, которые и постарались распять Его. Следовательно, Христос - Бог бедных и угнетенных. После смерти Христа христиане стали объединяться в тесные союзы. В этих союзах была одна душа и одно сердце, ибо они, все что у них было, делили между собой. Сильные и богатые боролись с ними, но ничего не могли с ними сделать, ибо христиане были сильнее своим духом. Когда Константин признал христиан, Церковь Христова попала на служение государству, стала оружием в руках государства, защищая интересы государства, вмешивалась даже в политику и служила ей. Появилась масса надстроек и наслоений, противных вере:

так, духовенство стало благословлять на убийство, на войну. Рядом со священными хоругвями в церкви появились знаки Союза русского народа. Более, епископство оттеснялось от близкой связи с пресвитерами и мирянами и стало благословлять народ через окошечко своей кареты. Во главе правления стал обер-прокурор, совершенно светский человек для Церкви, какой-то офицер. Одним словом, Церковь попала в рабство государству. Затем совершилась революция, за ней голод, тысячи людей стали умирать с голоду, и вот власть, чтобы помочь голодающим, решила взять некоторые ценности у Церкви.

Монумент "Раскрепощение" на братской могиле красных бойцов, погибших в Гражданскую войну (не сохранился). Фото 1920-х. Публикуется впервые

Дача издателя А.Суворина (разрушена в Великую Отечественную войну). Начало XX в.

Тогда Патриарх Тихон издал приказ духовенству не давать ценности. Подчиняясь приказу высшей власти, духовенство не давало ценности власти, шло на расстрелы, тюрьмы. Было зарегистрировано 5414 случаев кровавых столкновений на этой почве. Тогда группа прогрессивных священников, видя всю нелепость положения, обратилась к Тихону, чтобы он отказался от управления, и таким образом в Москве создано Высшее Церковное Правление. В новой обновленной церкви появилось три течения: группа церковного возрождения, группа прогрессивных священников (называемая "Живой церковью") и группа евангельских христиан. Вам говорят неправду о "Живой церкви", что якобы иконы и аналои выносятся из церкви. Не верьте никому. Иконы остаются на месте. "Живая церковь" хочет быть только аполитичной, в гражданскую жизнь страны и политику государства не вмешиваться, хочет пресвитерско-коллегиального управления, объединения верующих в общины при церкви и улучшения положения священников. "Живая церковь" не хочет, чтобы могло повториться то, что случилось при Тихоне с изъятием церковных ценностей, так как не хочет, чтобы контрреволюция нашла себе убежище в церкви, ведь поступок Тихона в отношении изъятий церковных ценностей есть контрреволюция. И еще очень много недостойного совершившейся революции всосалось в церковные круги и скрывается в них. "Живая церковь" хочет быть свободной от служения государству, как это было раньше, и не благословлять войну и убийства".

На этом месте поднялась волна возмущения: "Зачем же тогда власти арестовывают и расстреливают священников?" И многие демонстративно стали уходить,

называя живоцерковного представителя красным попом и коммунистом.

На следующий день тот же делегат от "Живой церкви" попытался говорить с народом о Рождестве Христа: "Он родился не в пышных хоробах, не окруженный нянями и т.д., а в простой семье и самой простой обстановке - в яслях. Учение Его в силу этого было коммунистическим", на что раздались крики протеста и недовольства. Когда восстановилась относительная тишина, обновленческий священник заговорил о той привилегии, которую будут иметь священнослужители "Живой церкви", тогда как другие будут существовать на жалкие гроши.

"Братья и сестры, - продолжал он, - между вами ходят ложные слухи о снятии икон и многих изменениях в церкви. "Живая церковь" почти ничего не меняет внутри храмов. "Живая церковь" говорит: мы не касаемся власти и просим власть не касаться ничего в церкви, и таким образом, не вмешиваясь в политику, тем самым приобретаем право на легальное существование. Наше дело не политика, а любовь Христова. Теперь церковь представляет корабль без руля и без ветрил, нет ни школ духовных, ни училищ и т.д. Вымрут прежние священнослужители и верующие. Кто же будет провозглашать слово Христово? Вы скажете: на наш век хватит, но ваши дети! Надо получить право на легальное существование, свободно проповедовать слово Христово с высоты кафедры богословской науки. Этого же не может сделать какой-то ремесленник" и т.д.

Народ, находившийся в соборе, к происходившему отнесся заинтересованно, вдумчиво вслушивался, но когда понял, к чему клонит проповедник, стал выкри-

кивать: "Долой все это! Дайте нам отца Владимира! Мы хотим его освобождения!" Прихожане столпились на амвоне; шум, неразбериха. Представителю живоцерковников пришлось уйти в алтарь. Особенно волновались портовые рабочие. Они требовали представителя "Живой церкви", и, наконец, тот вышел. Раздались возгласы: "Мы хотим отца Владимира, помогите освободить его!" Представитель сказал: "Я выражаю большое прискорбие относительно его ареста". Храм снова наполнился шумом, заглушившим невнятные слова представителя живистов: "Пойдемте вместе в исполком просить его освобождения!" "Сейчас ночь, ответил представитель "Живой церкви", - мы это сделаем завтра днем". Снова раздались возмущенные требования: "Сейчас, сейчас!"

"Прихожане, я повторяю: я со скорбью отношусь к аресту отца Владимира, но сделать для него сейчас что-либо невозможно". "Нет, нет, сейчас! - протестовали прихожане собора. - Набирайте сейчас делегатов".

Верующие, проявившие инициативу при выборе официальной делегации в исполком, преодолев, наконец, все трудности, сформировали группу из трех портовых рабочих, двух железнодорожников и двух представителей от прихода, которая сразу же вместе с посланцем от "Живой церкви" отправилась в исполком к некоему Гончарову.

Ожидая, что будет, люди собирались кучками, спорили, обсуждали происходящее. Женщины открыто ругали власть, с возмущением говорили: "Почему синагоги не грабят и еврейских священников не арестовывают. Только русские церкви грабят и священников убивают на глазах. В какой вере мы родились, в той и умрем!" Иногда

малодушные или провокаторы говорили в толпе: "Слушайте, здесь опасно находиться - будут стрелять из пулеметов, могут бросить и бомбу" и прочее. Но другие, настроенные решительно, на полуслове обрывали подобные разговоры. "Нам наплевать, - говорили они, - пусть стреляют, так жить надоело, разве это жизнь?"

Наконец, делегация вернулась и объявила, что Гончаров об аресте ничего не знает (и вновь шум, крики возмущения), но завтра в 12 часов он сможет прояснить обстановку. А затем прихожане в три часа дня могут собраться в храме, куда придет сам Гончаров, чтобы обсудить этот вопрос. Обновленческий представитель предложил всем верующим в срочном порядке покинуть храм, так как служба уже закончилась. "Нет, мы отсюда никуда не уйдем, - закричали люди, - до тех пор не уйдем, пока отец Владимир не будет стоять рядом!" На этом фоне общегородской обеспокоенности следователь С.Ниц 18 января допросил протоиерея Владимира:

- Знаете ли вы или предполагаете о причинах вашего ареста?

- Не знаю. Но мог бы предположить, если бы не был арестован вместе с диаконом, что за мое отношение к "Живой церкви", но теперь и это предположение отпадает.

- Ваше отношение к отделению церкви от государства.

- Я этого давно ожидал и к этому стремился, так как это идеал, к которому нельзя было не стремиться.

- Скажите ваше отношение и взгляды на декрет, изданный Советской властью об изъятии церковных ценностей.

- Я полагаю, положением об отделении Церкви от государства все церковное имущество и ценности есть достояние государства, и оно вправе ими распоряжаться

по своему усмотрению.

- Знали ли вы цели, для которых брались государством церковные ценности, и сочувствовали этому мероприятию Соввласти?

- Знал, для какой цели брались церковные ценности, и если бы был уверен, что они пойдут по прямому своему назначению, то вполне бы сочувствовал этому мероприятию.

- Что за причина вашей неуверенности в прямом назначении изъятых ценностей?

- Незнание настоящих размеров голода, не казавшегося таким чудовищным, как это впоследствии оказалось.

- Скажите, куда девались ценности с иконы Успения Божией Матери?

- В феврале месяце 1922 года ценности были украдены прислуживающим в алтаре Пантелеем (фамилию не помню). О хищении ценностей был составлен акт, который находился при канцелярии собора.

- Скажите, к какому приходу принадлежит Карантинная церковь и у кого находится ее имущество?

- Принадлежит к соборному приходу, а имущество находится у кого-то <...>, так как группа верующих, по-видимому, имела особый договор на церковь и имущество.

- Скажите, известно ли вам о том, изъяты ли ценности из Карантинной церкви или нет?

- Мне известно, что ценности не изъяты, причина же этого мне не известна.

- Скажите, были ли ценности в Гимназической церкви и было ли что изъято из них?

- Ценности входили в общую опись собора и были изъяты с прочими ценностями.

- Скажите, все ли ценности входят в опись собора?

- Опись, которая за печатью, не имеет полного перечня имущества и ценностей, кроме нее имеется список всего имущества, в который входит все имущество.

- Можете ли вы указать, из каких церквей не были изъяты ценности и по какой причине?

- Насколько мне известно, ценности не были изъяты из Карантинной и во всех храмах города Старый Крым. Причины этого я не знаю. Где еще — не знаю, кажется, в местечке Судак также не были изъяты. Более же точно может указать благочинный Алексей Богаевский, который, кажется, навел справки.

- Скажите, действительно ли в ваших проповедях было антисемитское настроение и каково ваше отношение к еврейской нации?

- Антисемитских настроений я не имею и в проповедях этого не развивал. Отношение, как и ко всякой другой национальности, основанное на стремлении объединить людей между собою - любовью, миром и согласием. Такое отношение вызывается самим понятием христианской любви, а не вражды.

- Скажите, почему же у вас имеется несколько листов, заполненных афоризмами, направленными против евреев?

- Это у меня выборки интересных мест из книги "Свобода и евреи" сочинения Шмакова, чисто антисемитского настроения.

- Скажите, не знаете ли вы, кто собирал подписи на подписном листе с просьбой оставить ценности нетронутыми и чья была инициатива составить такой список?

- Кто собирал подписи, и чья была инициатива, я не знаю. Мне этот лист был вручен для направления властям,

но я его по прочтении не отправил по той причине, что считаю эту просьбу неуместной.

- Скажите ваше отношение вообще к власти?

- Отношение к Соввласти такое, как должно быть у каждого христианина, который считает каждую власть от Бога.

- Скажите, на какую тему была ваша проповедь в Ильин день у часовни Святого Ильи?

- Общая тема была такова, что все бедствия, которые мы переживаем, происходят от отпадения людей от веры в Бога.

- Какую цель вы преследовали в своих проповедях в соборе?

- Исключительно религиозную цель, которая выражается в отстаивании интересов церкви и веры в борьбе с неверием и атеизмом.

- Почему в ваших проповедях преобладало несочувственное и почти антипатичное настроение?

- Несочувственного отношения к Соввласти быть не должно, так как умышленно я этого не делал, я и не могу отвечать за то или иное понимание моих проповедей.

- Задумывались ли вы над тем, как будут толковаться ваши проповеди и верно ли они могут быть поняты всеми верующими?

- Прежде чем читать проповеди, я их обдумывал.

- Можете ли вы поручиться за ваши проповеди, могли они иметь только религиозное действие на слушателей, что они не могли истолковываться в другую сторону, например, не могли ли они истолковываться как призыв к недовольству к Соввласти.

- Если бы я не был уверен в прямом их понимании, то не стал бы и говорить.

- Скажите, предупреждал ли вас кто-то о том, чтобы вы не читали таких проповедей? Кто делал это предупреждение?

- Таких предупреждений было много и от разных лиц.

- Скажите, что побуждало делать вам предупреждение, раз проповеди были чисто религиозного характера и на них не могло быть ни от кого запрета?

- Объясняю я это просто тем, что многие запуганы и Советская власть кажется им пугалом, преследующим даже за борьбу с неверием и атеистами, которую я вел с ними в проповедях.

- Раз эти предупреждения были по невнимательности, то как понимать предупреждение благочинного Алексея Богаевского о том же?

- Я его отношу к тому же разряду людей, которые отрешаются от своих слов и обязанностей от той же запуганности, неправильного представления о Советской власти.

- Расскажите ваш взгляд на Октябрьскую революцию, социализм и коммунизм.

- Отношение к Февральской революции у меня было самое сочувственное, несмотря на мой священный сан, в то время я ликовал, так как та революция была бескровная и потому что эта революция положила предел существовавшему безобразию и произволу. К Октябрьской революции я относился иначе, поскольку Октябрьская революция не касалась чисто религиозных воззрений, и отношение оставалось почти прежним, но меня смущало то, что во главе этого движения стоит антирелигиозная партия. Осуществление идей социализма и коммунизма вне религии немыслимо. Если бы тот и другой не касался религиозных вопросов, то для всякого христианина он мог

бы быть приемлемым. Идеи равенства, братства и свободы впервые брошены в мир христианством, но для осуществления их необходимо вспахать почву человеческого сердца.

На этом закончился допрос отца Полякова, и после него был допрошен диакон Василий Семенович Ильченко. Как выяснилось, родился он 15 марта 1873 года в местечке Царичанке Полтавской губернии в крестьянской семье. Трехклассное образование в народной школе не способствовало быстрому продвижению. Был

Александровская площадь. Видовая открытка начала XX в.

кузнецом, работал на трубопрокатном заводе в Екатеринославле, но слабое здоровье не позволило ему оставаться на этой работе; он переехал в Полтаву и поступил в архиерейский хор. Красивый голос, внешние данные, а также любовь к церковному благолепию помогли ему в 1912 году стать диаконом. Вначале он служил при Новокладбищенском храме в Симферополе, потом в селе Петропавловке Бердянского уезда, пока в 1917 году не

попал в Александро-Невский феодосийский собор. Там он быстро освоился. Обаяние сильной личности отца Владимира и крестьянский здравый смысл увели его от лжемудрия, и он сразу же определился в пользу патриаршей церкви. Следовательно задал ему практически те же вопросы, что и настоятелю.

- Знаете ли вы или предполагаете, в чем вас обвиняют?

- Не знаю и не предполагаю, так как не чувствую за собой никакой вины.

- Не выражали ли вы недовольства вслух или где-нибудь перед гражданами, не подавали ли намеков к такому недовольству?

- Нигде и никогда не выражал недовольства и не вызывал намеками к таковому.

- Ваше отношение и взгляд на отделение церкви от государства.

- Как на осуществившийся факт, к которому рано или поздно должны были прийти, и отношусь к нему вполне сочувственно.

На вопросы об изъятии церковных ценностей диакон ответил:

- Считаю это явление вполне нормальным, так как это делается на пользу государству и на пользу ближним. Советскую власть признаю как вообще государственную власть и сочувствую ей как защитнице интересов трудящихся масс, к среде которой я и принадлежу по социальному положению.

Об отношениях с настоятелем отец Василий высказался уклончиво, мол, соприкасался только по долгу службы, а лично мало знает, и дружественных бесед не имел.

- Со своей точки зрения я замечал или предполагал,

что он идеалист, но цели его идей уяснить лично не мог. Деятельность в смысле приходской жизни в течение года, в который я с ним служил, выражалась в том, что он руководил Знаменским сестричеством и исполнял свои богослужебные обязанности ревностно. В духовной жизни с моральной точки зрения В.Поляков имел, судя по впечатлению, производимому проповедями, замечательное впечатление на слушателей в религиозном отношении. Влияние проповеди имели сильное. Он заражал молящихся энтузиазмом, так что многие мужчины и женщины плакали и чуть ли не падали в обморок, и, возможно, в эти моменты толпа могла бы пойти за ним туда, куда он пошел и призвал молящихся.

- Могли ли эти речи, - уточнил следовательно, - возбудить и настроить массу против Соввласти?

- Не могли, - ответил диакон.

- Почему вы думаете, что они не могли возбуждать и настраивать против Соввласти?

- По моим лично впечатлениям, после речей Полякова не было никакого возбуждения постольку, поскольку для меня были не понятны речи Полякова.

Далее следовательно перепроверил информацию, полученную от настоятеля относительно церковных ценностей на случай, если непослушное духовенство что-то утаило от рабоче-крестьянской власти. Но отец Ильченко уклонился от прямого ответа, сославшись на неосведомленность в этом болезненном вопросе. Относительно ценностей Гимназической и Карантинной церквей и украшений иконы "Знамения" следовательно также ничего не удалось узнать. Диакон Василий сказал, что драгоценности с данной иконы были украдены в 1922 году перед Масленой неделей каким-то мальчишкой, и

отцу Владимиру удалось его найти. Тот сознался в краже и пообещал принести, и когда был отпущен под честное слово, бесследно исчез. Далее диакон признался, что "все религиозные взгляды своего настоятеля он разделяет", а к власти имеет лишь одну претензию: "Свобода, равенство, братство, неприкосновенность личности считаются только словами и пустыми обещаниями, и меня несколько раз беспокоили беспричинными обысками, как какого-то преступника".

На допрос была вызвана вдова расстрелянного офицера Варвара Митрофановна Шуцкая. Она возглавляла Знаменское сестричество, насчитывавшее около двадцати человек, и была на особой примете в ЧК. Со следователем она держалась независимо и на вопросы отвечала просто:

- К власти отношусь безразлично, для меня, как для женщины, всякая власть есть власть. Проповедей отца Полякова я не слыхала, так как после службы выходила всегда курить, и какое впечатление на сестричество производили проповеди - не знаю.

На вопрос, как настоятель относился к власти и говорил ли о ней неодобрительно, решительно заявила:

- Никогда и ни при ком, и как верующий человек могу в этом принять присягу.

- Скажите, - спросил следователь, испытывая Шуцкую на лояльность, - довольны ли вы Советской властью и всеми ее порядками вполне?

- Вполне, - ответила вдова.

Но следователь, видимо, решил ударить по еще не зажившим ранам и додавить вдову Шуцкую очевидно провокационным, ранившим душу вопросом.

- А скажите, расстрел Советской властью вашего мужа не вызывает в вас мести или отвращения к Соввласти и

каковы причины вашего примирения?

- Я смотрю на это так, что нет такой раны, которая бы не заживала. Правда, первое время разлуки было тяжелое, но со временем я примирилась с этим, как со стихийным бедствием.

За отсутствием состава преступления Варвару Шуцкую пришлось отпустить.

Во избежание протестов со стороны верующих, протоиерей Владимир был переведен в Симферополь и наскоро допрошен. О нем уже сложилось устойчивое мнение как о враждебном власти человеке, и допрос носил, скорее, формальный характер. Протоиерей Владимир категорически отверг, что в своих проповедях касался того, как власть устраивает гонения на Церковь, производит аресты священников и что управление Церковью находится в ее руках, но подчеркнул, что "давление на Церковь производится не гражданской властью, а властью ВЦУ.

Я указывал даже, что гражданская власть не вмешивается в дела церкви и что был издан декрет об отделении церкви от государства. Я даже приветствовал этот декрет".

На вопрос: "Указывали ли вы, что социализм - вещь неосуществимая?", священник ответил:

- Должно кесарю воздавать кесарево, а Богу - Божие. Я указывал, что социализм может быть осуществим при помощи религии. Указывал и понимал их в смысле отсоединения церкви от государства.

- Называли ли вы Советскую власть и ее представителей антихристами, посягающими силой оружия на церковь?

- Я называл "Живую церковь" антихристианской, а о

гражданской власти я ничего не говорил.

- Призывали ли вы прихожан идти с протестами против посягательств на церковь?

- Нет, никогда не призывал.

На этом беседа с симферопольским следователем закончилась. Для энергичного, неутомимо деятельного отца Владимира одиночество заключения было тягостным, худшим из возможных испытаний. Неспешно ползущее, удушающее время тюрьмы вдали от паствы и любимых детей понуждало забыть, что в этом мире не надо искать справедливости для себя, и священник обратился к своим гонителям с прошением:

"В городе Феодосии я пробыл в должности настоятеля Александро-Невского собора целый год, и в продолжение всего этого времени проповеди мои носили один и тот же характер. В них никогда не только не было никакой агитации, ничего специфически политического, но и не могло быть, так как все свои проповеди я говорил только и исключительно с религиозной точки зрения. Когда я выходил говорить, я всегда помнил, что я выступаю с церковной кафедры, в храме и во время богослужения. Никакими другими целями и никогда я не только не руководствовался, но и считал прямым преступлением пользоваться церковною кафедрою в каких бы то ни было других смыслах, а тем более в смысле политической агитации; так как всегда, и в дореволюционное время, я стоял на точке зрения отделения церкви от государства, а когда был издан этот долгожданный мною декрет, я приветствовал его как идеальный акт. Иного взаимоотношения между церковью, между религией и государством я и не мыслю, так как основные принципы и руководящие начала совершенно

различны. Государство имеет дело с коллективом, с обществом и в осуществлении своих целей действует путем принудительных и государственных актов, то есть применяет принцип насилия - религия же имеет дело с личностью человека, с индивидуумом (частное дело) и ни в коем случае не может действовать принудительно. Свобода восприятия - вот единственный путь религии. Исходя из этого положения, я мог иметь в виду только личность человека и свободное восприятие им проповедуемой религии. Всякая агитация, а тем более в контрреволюционных целях, как призыв к насилию, не совместима с религией в том смысле, в котором я ее понимаю. А потому я спрашиваю: мог ли я говорить с церковной кафедры с агитационно-политической целью? Нет, нет и тысячу раз нет! Я не мог призывать к насилию! Не таков дух христианской религии, религии мира и любви, чтобы можно было пользоваться ею в контрреволюционных целях, я осуждаю, больше этого, я проклинаю всякого, кто осмелился под покровом религии Христа проповедовать какое бы то ни было насилие. Но тогда почему, спросят меня, проповеди мои носили иногда страстный характер, таили в себе дух возмущения? Ответ очень ясен и прост: потому, что целью своей жизни я считаю проповедь религии и борьбу с возрастающим неверием. Основная тема моих проповедей - борьба с атеизмом, с безбожием во всех его проявлениях. Я спрашиваю, есть ли в РСФСР декрет, запрещающий использовать какую бы то ни было религию? Нет! Есть ли, далее, декрет, вменяющий в обязанность каждому гражданину бороться с религией? Нет! Можно ли быть религиозным человеком в РСФСР? Можно! Можно быть атеистом и открыто исповедовать свой атеизм? Можно!

Можно вести борьбу с религией путем слова, печати и антирелигиозных демонстраций в типе рождественского комсомольского карнавала? Можно! Следовательно, можно бороться теми же средствами и с атеизмом, безверием и безбожием! Когда усиленно работает книгоиздательский кооператив с антирелигиозной целью, когда в печати и в обществе высмеивают самые святые религиозные чувства, устраивают антирелигиозные демонстрации - распространяют тысячи экземпляров антирелигиозных книг, - может ли тогда религиозный человек не возмущаться? Может ли, тем более служитель культа, пастырь церкви спокойно проходить мимо? Может ли он не бороться с атеизмом <нрзб.>? Отрывая от религии и пересаживая на другую почву эти идеи - мы делаем то же, что делают, пересаживая тропические растения на крайний север. Религия - основа жизни; религия - основа морали, нравственности. Вера в Бога и в бессмертие есть та единственная сила, которая может удержать человека на пути к эгоизму, эксплуатации ближнего и к буржуазным импульсам. Не декреты меняют жизнь человека, а жизнь меняет и ломает все декреты, человеческие законы. Нужно изменять не формы жизни, а изменить содержание жизни - сердце человека; нужно изменить личность человека, убить в нем эгоизм, его чисто животные страсти - и все это в значительной мере достигается при помощи религии; но, разумеется, не фарисейством и ханжеством, а религией в собственном смысле этого слова, как чувством зависимости от Бесконечного. В ком нет этого чувства, тому все позволено - и эксплуатация, и насилие над ближним, и отнятие самой жизни. Для такого человека заповеди - только пугало; если он и исполняет их, то лишь из страха наказания, но не по внутреннему убеждению в

их пользе. Из этого следует, что идеи социализма и коммунизма мною не отвергаются. Но наряду с революционным путем, свойственным государству, есть еще иной путь к достижению этих идей - путь, указываемый религией. В том пункте, где социализм и коммунизм отвергают религию как заблуждение, как анахронизм, - я не согласен ни с социализмом, ни с коммунизмом, и не соглашусь до тех пор, пока ношу священный для меня сан. Следовательно, дело не в социализме и коммунизме, а опять в религии; всюду и везде я веду борьбу не с социализмом и коммунизмом, а с атеизмом, неверием и безбожием. Что в моих проповедях не было и не могло быть контрреволюции, это видно из того, что когда в народных массах стали усиленно распространяться слухи об оккупации Крыма и Украины, о приходе Врангеля, я с церковной кафедры, с амвона говорил: "Вы ждете помощи от иностранцев, не ждите ее ни с севера, ни с юга, ни с востока, ни с запада. Никто не переделает нашего сердца, и люди останутся людьми. Напротив, иностранные державы заинтересованы не в наших, а в своих личных выгодах, и оккупация принесет пользу не нам, а иностранцам. Мы должны сами ковать свое счастье. Счастье же наше, мощь и сила — в религии. Вот основная мысль моих проповедей, цели их исключительно религиозные. Когда появилась "Живая церковь" и началось обновленческое движение в Православной Церкви - все мои проповеди, касавшиеся этого вопроса, произносились мною тоже с исключительно религиозной целью и, конечно, не могли иметь контрреволюционного характера, ибо обновленческое движение имеет, как лишь кажется, только религиозный характер, или, по крайней мере, должно иметь таковой. Я

призывал верующих твердо стоять на прежней позиции православия, ибо никакие реформы, без Собора, не могут проводиться в церковноприходской жизни не только по приказу ВЦУ, но и по постановлению съезда, ибо съезд, бывший в Москве в августе месяце — съезд групповой, партийный, и постановления его имеют такой же партийный характер. Программа, которую выставила "Живая церковь" (см. №10 журнала "Живая церковь") имеет антихристианский характер в части догматики и морали и потому не может быть воспринята христианским сознанием. Поэтому обновленческое движение я называл антихристианским, сектантским. Для этого у меня есть основание - снятие отлучения с Л.Толстого, отлученного за свои еретические мысли (он не признавал Троичности Лиц Божества, отвергал Божественную природу Иисуса Христа, не признавал Божией Матери, Таинств и пр.). Если я не признавал и не признаю вследствие этого "Живой церкви" и предостерегал от этого верующих, можно ли видеть в этом контрреволюцию? Какое отношение имеет это к государству, к политике? Абсолютно никакого! Поэтому я и призывал смело и открыто стоять за православие, т.е. быть твердым в своих убеждениях, опираясь на декрет об отделении церкви от государства. При этом весь приход, все прихожане Александро-Невского собора помнят, как я неоднократно говорил с амвона, что защищать интересы религии, отстаивать православие мы должны не при помощи грубой физической силы, не кулаками, не палкой, а силой своего духа, стойкостью своих убеждений. В делах религии не может быть никакого насилия, а потому никто, а тем более Советская власть, не может заставить нас признать "Живую церковь". Я старался внедрять в сознание

народных масс, что Соввласть не вмешивается в религиозные дела; и когда некоторые лица из малосознательных прихожан, имея неправильное представление о Соввласти, предостерегали меня от выступлений против "Живой церкви" и намекали на возможность репрессии за это со стороны Соввласти, - я указывал им на Закон отделения церкви от государства и твердо был уверен, что Народная Власть за религиозные убеждения не может преследовать. В этом я уверен и сейчас, и если меня арестовали, то по подозрению в контрреволюции, а не за противодействие "Живой церкви". Но из моих показаний видно, как далек я от контрреволюции.

Я мог много написать еще в свое оправдание, мог бы указать на то, что за время моего пребывания в Феодосии не было ни одного случая противодействия активного или пассивного постановлениям Соввласти ни при изъятии ценностей, ни, тем более, при приезде уполномоченного ВЦУ, но и того, что я написал, достаточно, чтобы видеть мое отношение к контрреволюции.

Что касается обвинения моего в антисемитизме, в агитации национальной розни, то я даже не нахожу нужным говорить об этом, настолько безосновательно это обвинение. Скажу только, что я сам сын еврейки и рабочего, и во мне течет еврейская кровь, а потому обвинение это мне кажется прямо диким.

31 янв. 1923 г.

Владимир Поляков».

Красноречие протоиерея Полякова, в течение года потрясавшее души верующих Феодосии, не возымело ровным счетом никакого действия; чиновники новой советской законности остались глухими к его мольбам. Его

обращение подшили к делу, а самого священника оставили в тюрьме. На допросы его больше не вызывали, не предъявляли обвинения, но и не выпускали. За его детьми, 13, 11 и 9 лет, оставшимися без матери, которая недавно умерла, а теперь и без отца, присматривали прихожане Александро-Невского собора. Но от этого не становилось легче, и более всего угнетало протоиерея Владимира двусмысленное, непонятное положение: что думать, какую занимать позицию, как относиться к происходящему. Для него, как и для огромного количества священнослужителей в Советской России, все было ново и неожиданно. Душевные силы священника истощались, появлялись недовольство, возмущение, которые, как и другие пороки, проистекают от недостатка сил. В сугубой тишине тюремного одиночества, на стыке тягостных дум и слезных молитв священник пытался найти в душе точку опоры, с которой

Пристань пароходства Российского транспортного и страхового общества. Начало XX в.

мог бы начаться новый отсчет времени. В конце февраля он снова напомнил о себе:

"Начальнику Секретно-Оперативной части ГПУ
арестованного Владимира Полякова Заявление.

Я арестован 15 января 1923 года, т. е. ровно шесть недель тому назад, и уже более трех недель прошло с тех пор, как мне объявлено об окончании моего дела, а между тем я до сих пор нахожусь под арестом. Если дело мое кончено и имеет характер преступления, почему оно не передается в суд, а если не закончено, почему меня в течение месяца не допрашивают? Если в проповеди Слова Божия нет характера преступления, то за что меня собираются судить, и если, тем не менее, я являюсь, как мне было здесь сказано, вредным элементом, то меня можно в административном порядке выслать из пределов Крыма и даже из пределов Советской России. Наконец, мне можно запретить заниматься моей профессией, так как проповедовать Слово Божие я могу, только будучи священником. Но держать меня под стражей, если дело мое закончено, мне кажется, нет никаких оснований, тем более, что трое моих малолетних детей и без отца, и без матери остались в чужих руках. Во имя справедливости и Закона РСФСР прошу ускорить окончание моего дела, если же таковое еще не кончено, и ради детей-сирот освободить меня под подписку о невыезде из Феодосии, а если нужно, и под подписку о несовершении Богослужения впредь до особого распоряжения. Пожалейте детей.

1923 г., 27 февраля гражд.

Владимир Поляков".

Мольбы и просьбы утратили прежний нравственный смысл, их относили к слабости, малодушию и просто не

замечали. Просидев еще несколько недель под стражей, в надежде быть услышанным, отец Владимир написал в Наркомат Внутренних Дел Крыма заявление:

"Уже четыре (4) месяца как я томлюсь в заключении, не чувствуя за собой абсолютно никакой вины.

Вся Феодосия, где я служил, как один человек, может за меня поручиться и за мою политическую благонадежность. И я не понимаю, какую пользу может принести государству мое четырехмесячное томление в заключении. А между тем, мое пребывание в тюрьме губит и уничтожает мою семью. Я окончательно расстроил свои нервы, приобрел мучительную малярию, а семья моя, состоящая из трех малолетних детей, недавно лишившихся матери, должна почему-то томиться и гибнуть в чужом для себя городе Феодосии, где нет у них ни одного самого дальнего родственника. Неужели же слезы детей-сирот не явились для Вас достаточным основанием, чтобы не томить меня больше в мрачной тюрьме и возвратить меня, хотя уже и потерявшего здоровье, детям? Какое преступление сделал я, чтобы в течение почти четырех месяцев можно было терзать не только меня, но и моих невинных малых детей, у которых осталось одно утешение - их отец?! Если я преступник - почему меня не судят, почему меня не передают в суд? <...>. А если проповедь Слова Божия не является преступлением, почему держат меня до сих пор в тюрьме, ибо я сижу исключительно за проповедь Слова Божия?! Посему во имя справедливости, во имя высоких девизов равенства, братства и свободы, которые я проповедовал с церковной кафедры и которые написаны на знамени РСФСР, во имя наступающего мирного пролетарского праздника 1 мая - прошу положить конец моему заключению в тюрьме и освободить меня из-

под ареста. Смею уверить Вас, по своим убеждениям я решительно не могу быть вредным для РСФСР. И, тем не менее, моя проповедь Слова Божия является, по Вашим убеждениям, все же вредной для государства, и Вы можете запретить мне заниматься священнической деятельностью, и я подчинюсь этому. Мало того, если мое дальнейшее пребывание в г. Феодосии будет найдено невозможным или по иным политическим соображениям, я прошу разрешить мне перебраться в город Ялту, где меня решительно никто не знает. Если почему-то и это невозможно, прошу разрешить выезд за границу с моей семьей, в Румынию, ибо я родился и вырос, воспитан и жил до 1914 года в Бессарабии, в г. Кишиневе, где и сейчас находятся мои родители и родственники, которые могли бы оказать помощь мне и моим детям-сиротам! Одно только прошу - если же неизбежна так моя высылка, не высылать меня с малолетними детьми на Крайний Север, ибо для меня, потерявшего свое здоровье, родившегося и жившего при этом все время на юге, а равно детей моих (жена моя и ее мать умерли от туберкулеза легких в Старом Крыму в 1921 году), не отличающихся природным здоровьем, высылка на север равносильна смерти. Глубоко убежден, что слезы детей побудят Вас к моему скорейшему освобождению из тюрьмы.

Гражданин Владимир Поляков.

1923 г., 3 мая».

В связи с голодом в Крым приехали председатель ВЦИК М.Калинин со своим украинским коллегой Г.Петровским и вместо преследований рабочих Феодосийского порта за поддержку арестованного священника во избежание роста недовольных 19 марта предложили наградить их орденом Трудового Красного Знамени. А так как ходатайства еще

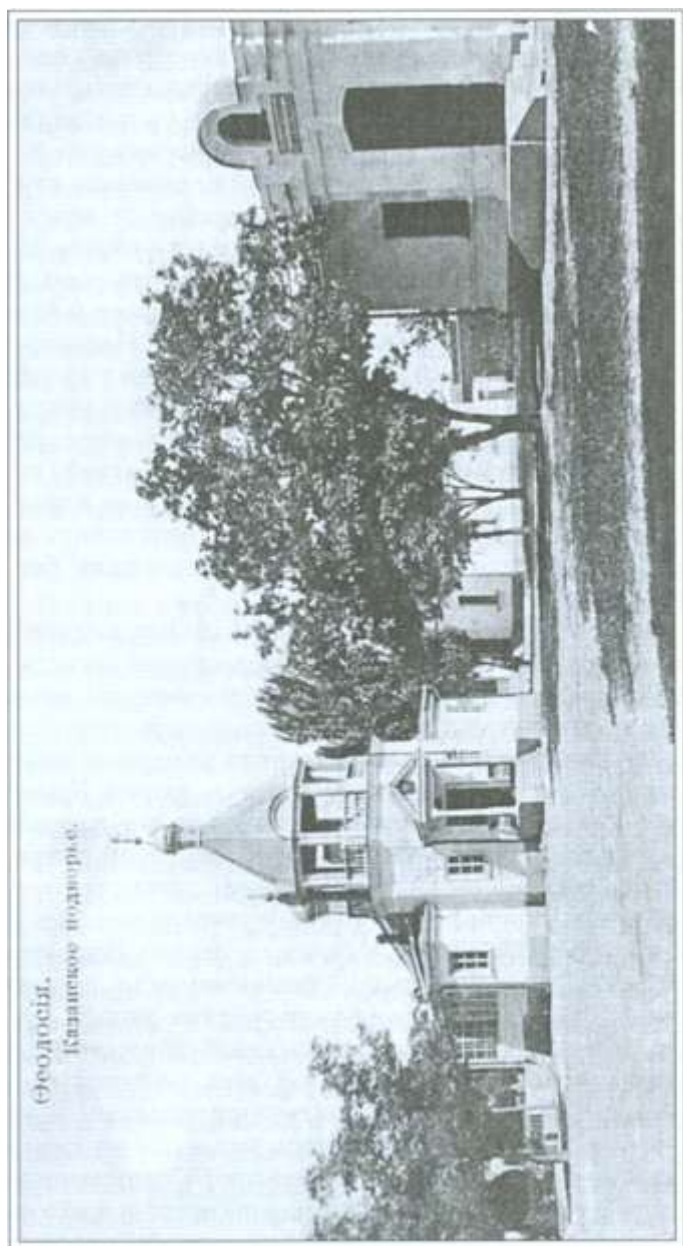
многочисленных верующих о священнике не прекращались, власти сочли дальнейшее нахождение протоиерея Полякова в тюрьме нецелесообразным³. Судить его не стали, в Ялту непустили и, обвинив в том, что он при большом скоплении народа "вел антисоветскую агитацию, использовал религиозные предрассудки масс с целью возбуждения к сопротивлению законам и постановлениям Советской власти, умышленно распространял с контрреволюционной целью ложные слухи, вызывающие недоверие власти и дискредитируя ее", приняв во внимание покаянные обращения, выслали не на крайний север, а в Ивановскую область. Однако, вопреки судебному решению, он поехал в Одессу, где был арестован, а затем выслан в Туркестан.

рымский обкомКпартии 12 ноября 1924 года принял решение создать на полуострове общество "Безбожник", основной деятельностью которого предполагалась атеистическая пропаганда⁴. Должно быть, разгул мрачных богоборческих сил достиг нежелательно высокого уровня, и, опасаясь стихийных протестов в большинстве своем еще верующего народа, 24 февраля 1925 года тот же обком направил во все райкомы партии секретное письмо. В нем рекомендовалось быть более деликатными в своей непопулярной в народе деятельности: "Несмотря на целый ряд указаний и постановлений, до сих пор еще заметны случаи неправильного подхода и неправильных методов антирелигиозной пропаганды, задевающих чувства верующих (закрытие церквей, демонстративное курение в церкви, посещение ее в шапках и т. д.)". Но партийные циркуляры оставались на бумаге, а утратившие веру толпы продолжали бесчинствовать.

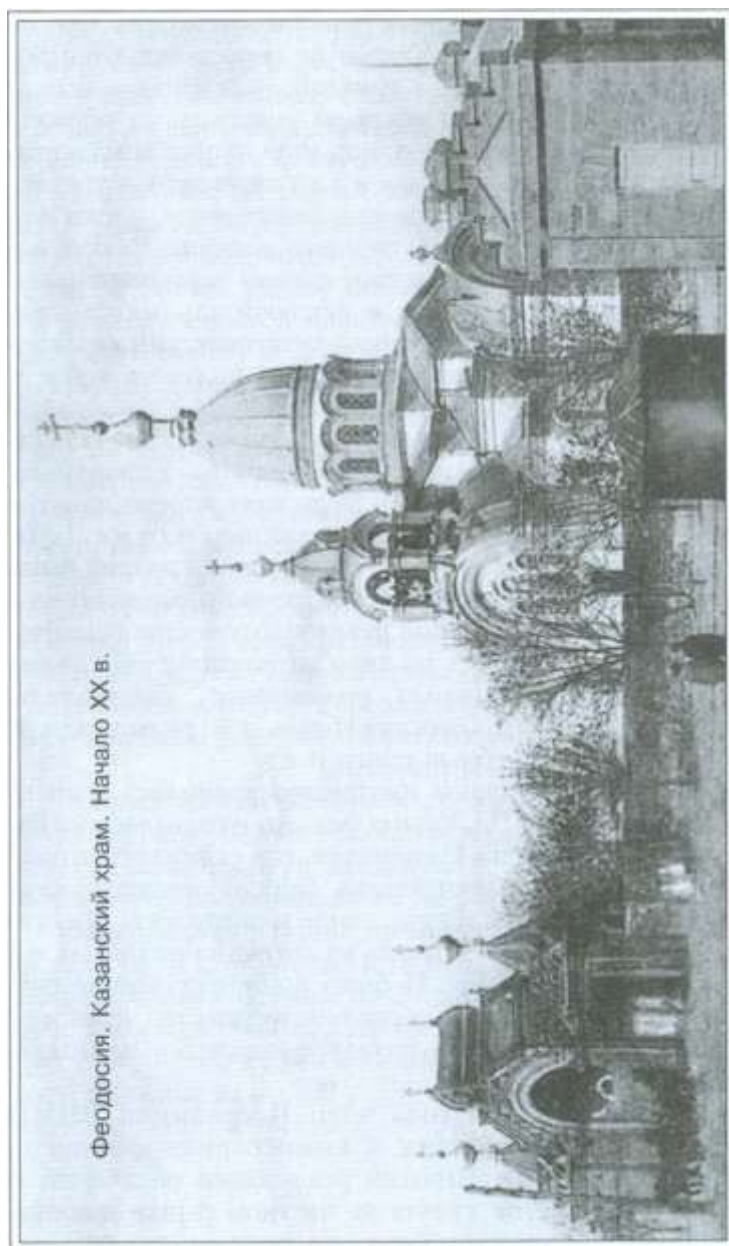
2 апреля 1925 года в двух храмах Симферополя и в Евпаторийском соборе во время праздничного богослужения ворвалась молодежь во главе с комсомольцами и стала выхватывать вербы и ими же бить молящихся.

Узаконенное хулиганство, невзирая на окрики идейных вождей, непрестанно увеличивалось, так что Крымский обком разослал новые циркуляры во все партийные организации: "Некоторые члены партии и значительная часть комсомольцев допускали случаи грубого оскорбления чувств верующих, с шумом врывались в головных уборах в храмы, учиняли в период Вербного Воскресенья в храмах драки, организовывали антирелигиозные спектакли, оскорбляли чувства людей".

Но атеистическое хулиганство стало привычным и безнаказанным развлечением для всех бесноватых в такой мере, что Феодосийскому горисполкому пришлось еще раз напомнить своим коллегам из сел о формальном соблюдении законности: "Советское законодательство (ст. 125 УК) приравнивает к уголовному преступлению всякое действие, препятствующее

Подворье Толповского женского монастыря. Храм св. Пантелеимона. Открытка начала XX в.

исполнению религиозных обрядов, поскольку они не нарушают общего порядка и не сопровождаются посягательством на права граждан. <...> Всякое исполнение установленных обычаев религиозных обрядов (например, крестный ход, ношение икон в дома желающих их принять граждан и т.д.) не должно встречать препятствий в распоряжении сельсоветов, поскольку они не нарушают общественного порядка. Всякое административное препятствие такому исполнению может иметь место только в исключительных случаях (эпидемия, ярко выраженный антисоветский характер шествия и т.п.), почему и должны получать ясное и понятное для верующих разъяснение".

22 февраля 1924 года по распоряжению начальника Центрального Административного Управления Лаубе из храмов в Крыму было прекращено изъятие ценностей. А в марте по распоряжению того же Лаубе из всех государственных и общественных зданий были изъяты иконы и картины религиозного содержания.

При закрытии храмов изъятное имущество согласно инструкции делилось по двум категориям: обиходные предметы, т.е. колокола, подсвечники, паникадила, хоругви и т.д., и богослужебные, т.е. ризы, кадила, иконы, богослужебные книги и т.д.

Изъятное церковное имущество хранилось в спецхранилищах НКВД Крыма, все это находилось на балансе Наркомфина. Разумеется, там скопилось огромное количество парчи, шелка, бархата, оставаясь бесхозным, поедалось молью, гнило и портилось. Кое-что передавали обновленцам за их сотрудничество, но это не решало проблемы. И было принято решение реализовывать обиходное церковное имущество через торговую сеть, но

богослужбное реализации не подлежало.

21 января 1925 года член Президиума ВЦИК П.Смидович направил в комиссариат финансов РСФСР записку: "Против реализации облачений и других предметов культа на частном рынке принципиальных возражений нет, но порядок реализации должен быть продуман: не следует производить продажу в государственных, кооперативных и других общественных магазинах, следует сдавать вещи на комиссию в специализированные частные магазины.

По отношению к колоколам (в Феодосии было изъято 53 колокола, общий вес которых составил 815 пудов. - *Авт.*) следует оставить установившийся порядок. Продажа колоколов верующим для культа может происходить как редкое исключение, ибо все предметы культа остаются собственностью государства, а продавать самому себе неудобно".

На основании записки П.Смидовича облачения, парча и прочее продавалось театрам, кинотеатрам и "другим культурно-просветительским организациям", а также допускалась "продажа этих предметов в распоротом или разобранном виде для разного рода изделий, как-то: шапки, туфли и т.д."

Так, в Ялте появились в продаже шапочки, на которых отчетливо просматривались кресты и ангелы, о чем протоиерей Петр Сербинов сообщил в НКВД, и эти вещи были изъяты из продажи.

По таким поводам в феодосийских газетах появились забавные реплики о местных спекулянтах:

"Спекулянты

30 июля на феодосийском рынке работниками горотдела Наркомвнуторга были задержаны 6 спекулянтов, скупавших обувь, предметы ширпотреба в магазинах и

перепродававших их на рынке.

Так, гражданин Иткин продавал по 25 руб. парусиновые туфли стоимостью в 16 руб. 75 коп., гражданин Иофе продавал тапочки по 20 руб. стоимостью по 11 руб., Мелешко продавал патефонные пластинки по 10 руб. стоимостью 2 р. 80 коп. Настенко и Марус продавали велосипеды по 500 р. Все они привлечены к уголовной ответственности.

Клещ.

Анатолий Воронин. Фото 1905 г.

Священники Анатолий Воронин,

Алексей Богаевский,

Петр Маккавеев

Вопреки ожиданиям атеистов, смотревших на мир через идеологические очки со своей партийной колокольни, на смену сосланным и расстрелянным священнослужителям приходили другие, занимали их места, бесстрашно служили Православной Церкви. И когда наступало их время, свидетельствовали об Истине, за что были ненавидимы властью, и как следствие, исчезали под железной пятой гонителей, безмолвно уходили из бурлящего житейского моря, чтобы остаться в Вечности.

Анатолий Леонидович Воронин родился 7 февраля 1903 года в семье потомственного почетного дворянина присяжного поверенного Леонида Ивановича и учительницы низшей школы Веры Викентьевны, принадлежавшей к известной феодосийской фамилии Дуранте.

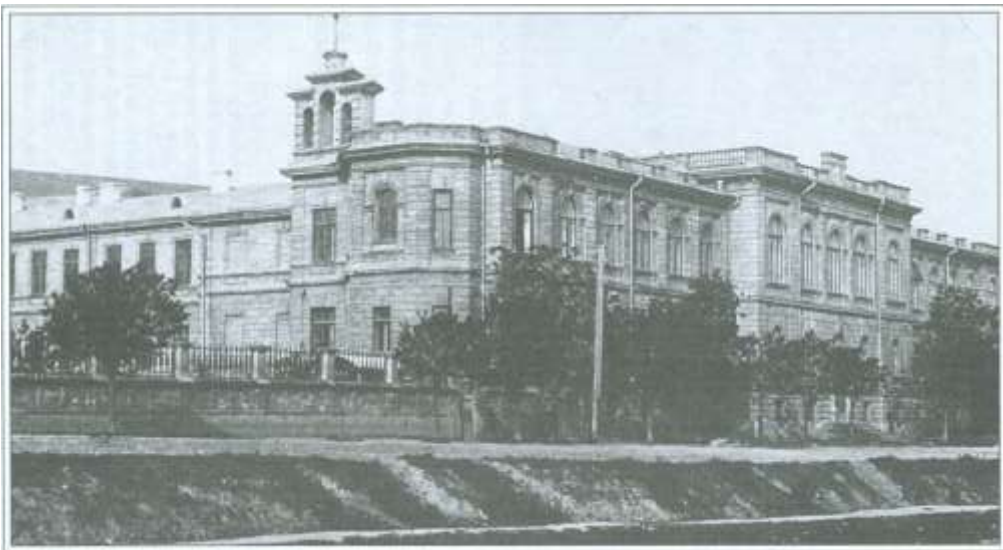
В гимназию юноша поступил в 1913-м и окончил ее в 1921 году. В семье никогда не было духовных лиц, но Анатолий еще с детства решил стать священником, что озадачило родителей. С удивленным недоверием они спрашивали: "В кого это у него?" — и не находили ответа.

Военный Свято-Никольский храм (разрушен). Начало XX в.

Все годы учебы в мужской гимназии Воронин прислуживал в гимназической церкви у протоиерея Владимира Соколова¹, который видел и одобрял стремление отрока к Богу и поощрял его желание принять священный сан. По окончании гимназии Воронин поступил на службу в школу №1 первой ступени в качестве делопроизводителя. Через три месяца его сократили, и он пошел работать в Окрпрофбюро на должность

¹ Родился Владимир Геннадьевич Соколов в 1861 г. в семье священника в Костромской губ. в селе Шухомоши. В 1881 г. окончил Костромскую семинарию. В 1885 г. Соколов получил диплом Московской Духовной Академии со званием кандидата богословия. После он учительствовал до 1900 г. в городе Макарьево, затем Сарапуле Вятской губернии. По принятии сана священника Соколов переехал в Феодосию и со временем стал настоятелем собора.

Мужская гимназия с домовою церковью. Видовая открытка начала XX в.

делопроизводителя отдела нормирования труда, но и там пробыл недолго - полтора месяца, после чего был уволен по сокращению штатов и поступил на должность сторожа в Центрсоюз. Здесь прослужил 9 месяцев и опять-таки в октябре 1922 года был уволен по сокращению, некоторое время оставался без работы.

Еще в детстве двоюродная сестра Анатолия Наталия Дуранте познакомила его с будущей матушкой Ольгой Наумовной. В 1923 году их повенчал протоиерей Петр Маккавеев, настоятель военной Свято-Никольской церкви. В день венчания, проходя мимо собора, Ольга Наумовна случайно наступила на какой-то предмет. "Мы подняли его, - вспоминала она впоследствии. - Это был серебряный браслет с очень красивым плетением. "Хороший ли знак?" - подумала я, ведь нашли мы его в день венчания. Браслет нам пришлось потом отдать как плату за квартиру".

Спустя много лет Ольга Наумовна вспоминала, как уже после войны, задумавшись, проходила по заброшенному скверу с тополями и услышала незнакомый женский голос: "Куда вы идете? Здесь же был алтарь Свято-Никольского храма!"²

В том же году в марте месяце настоятель кладбищенской церкви благочинный Феодосии протоиерей Алексей Феофилактович Богаевский отправил двадцатилетнего Анатолия Воронина в Симферополь для рукоположения. О Богаевском восторженно отзывалась Ольга Наумовна:

Видовая открытка начала XX в.

2 Свято-Никольский храм до постройки Александро-Невского собора, т.е. до 1873 года, был собором. Феодосийский градоначальник С.М. Броневский пристроил к церкви притворы с навесами и под притворами с западной стороны - деревянную колокольню. Впоследствии в храме стали производиться богослужения для нижних офицерских чинов. Императрица Мария Александровна подарила храму серебряный складень: в центре - святитель Николай, слева - св. Кирилл и св. князь Владимир, справа - благоверный князь Александр Невский и Мария Магдалина с подписью на обратной стороне: "От Государыни Императрицы 52-му пехотному Его Императорского Высочества Великого Князя Кирилла Владимировича полку. 30 сентября 1876 года". В 1924 году древний храм, сохранивший верность Патриарху Тихону, был разрушен.

"Заслуженный и награжденный протоиерей, полвека прослуживший в церкви (прожил более 90 лет), он был нашим учителем Закона Божия в частной гимназии Гергилевич. Отец Алексей пользовался глубоким уважением всего уездного духовенства как справедливый, мудрый и знающий духовный отец. Уважали его и власти города, постоянно приглашая выступать на торжествах. Запомнила такие торжества на площади у памятника Александру III. Здесь выстраивались военные, учащиеся и преподаватели всех учебных заведений Феодосии во главе со своими начальниками.

Наш настоятель обладал красивым зычным голосом. Проповеди и речи его были очень содержательными. Когда в город приезжали знаменитые музыканты, писатели, художники, были лекции и концерты, отец Алексей не пропускал этих встреч. Он всегда сидел в первом ряду в красивой фиолетовой рясе. Нам он также советовал чаще посещать такие встречи. Некоторые

считали, что наш батюшка слишком светский, а мы понимали, что он человек с широким кругозором. Как учитель Закона Божия (законоучитель) он был необыкновенным. Преподавая нам постулаты Библии, он приводил примеры не только из Слова Божия, а подкреплял их отрывками из произведений великих писателей. Нам, гимназисткам, он объяснял, какую роль играет женщина-мать. Говорил, что мы должны хранить семью и воспитать детей в глубокой вере.

Он помогал нашей начальнице Вере Матвеевне Гергилевич управлять гимназией, особенно улаживать всякие конфликты. Отец Алексей умел найти подход к любому человеку. Когда - добротой, когда - строгостью, а когда просто остроумной украинской шуткой. Батюшка отучил нас от всевозможных суеверий, взяв с нас слово никогда этим не заниматься (дело в том, что одно время наша гимназия была охвачена магией спиритизма и гаданий). Батюшка убеждал нас во всем полагаться только на Бога. Он был глубоко верующим человеком, но вера его была легка и крылата. Нам казалось, что батюшка летит на крыльях этой веры к немеркнущему, сияющему свету, увлекая нас лететь за ним. И мы летим все, взявшись за руки, батюшка зовет не отставать".

Эти годы для церкви были особенными, полными великих испытаний и всевозможных противоречий, которые даже для умудренных опытом были трудноразрешимыми. Первые дни служения иерея Анатолия омрачились досадным недоразумением. Он побывал у епископа Сергия (Зверева), был принят и одобрен для хиротонии. Но молодой и неопытный, он по совету отца Богаевского принял сан из рук архиепископа Александра (Раевского), временно ушедшего к обновленцам. "Сан

священника, - говорил позже отец Анатолий на допросе, - я принял по призванию. В сан священника меня рукоположил епископ Александр (Раевский), временно управляющий Таврической епархией. В то время, на мой взгляд, лица, возглавляющие Российскую Церковь, примешивали политику к церковной жизни. Мой взгляд на это был отрицательный, и я стоял за церковь вне политики". Вернувшись в Феодосию, он осознал свой грех. Епископом Сергием был отстранен от службы, очень скорбел и сокрушался о непослушании. Вскоре владыка Александр вернулся в патриаршую церковь, а с иерея Анатолия Воронина было снято прещение.

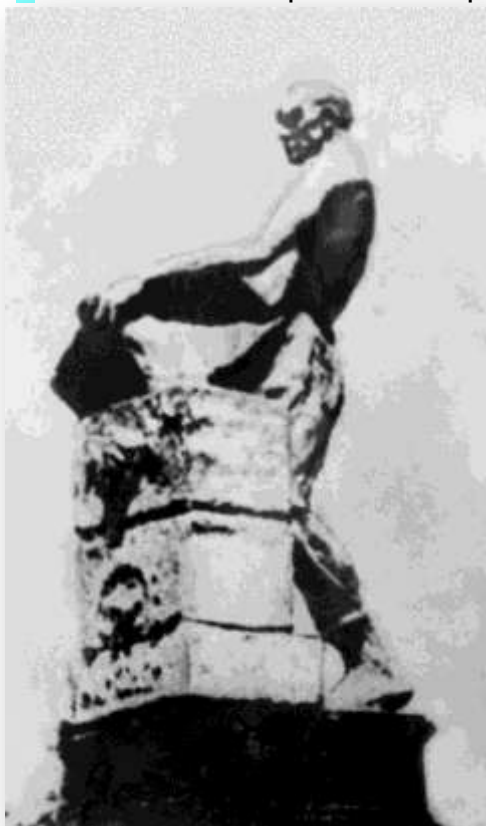
Воронин был определен служить вторым священником в Александро-Невском соборе. Церковь была построена в византийском стиле и украшена внутри колоннадой, в которую были вмонтированы мраморные колонны, найденные при раскопках древнего христианского храма, стоявшего на этом месте. Каменная плита с изображением святителя Николая, там же раскопанная археологами, находилась в алтаре собора. В 1875 году в стенах Александро-Невского храма был похоронен вице-адмирал В.М.Микрюков.

Ольга Наумовна вспоминала: "А собор был замечательный, такой, что можно и в Москве на любой площади поставить. Специально для собора Айвазовский написал картину "Хождение Христа по водам". Море на холсте было так прописано, что казалось, оно хлынет в храм. Был чудный в соборе хор. До сих пор вспоминаю его благозвучное пение. В храме было всегда чисто и убрано: мой муж любил видеть во всем великолепие и порядок. Территория собора была довольно большая. Ее обрамляла изящная ограда. Среди деревьев, посаженных у храма,

запомнила, что были березки - две или три. Их привез какой-то северянин и здесь посадил. Это было как-то необычно для крымских мест".

Настоятелем Александро-Невского собора был протоиерей Василий Соколов - пожилой и уже ко многому безразличный священник.

Отец Анатолий, с начала своего пастырского служения наученный горьким опытом, проявил большую духовную осмотрительность. В то время, когда все храмы, кроме Свято-Никольского, в котором был настоятелем протоиерей Петр Маккавеев, примкнули к обновленцам (Топловский монастырь был нейтрален и

В 1922 г. на месте памятника Александру III была установлена статуя пролетария "Марксизм" (скульптор П.В.Сныткин)

не хотел примыкать ни к кому), отец Анатолий, еще совсем молодой священник, вопреки воле настоятеля

Соколова объявил себя верным и неизменным последователем Патриарха Тихона.

Открытый характер, чистота и благородство устремлений обратили на молодого пастыря внимание прихожан. Матушка Ольга Наумовна вспоминает: "Взялся он за это непростое дело (то есть священство. - *Авт.*) с большим усердием, педантично исполняя все уставы и положения, проповеди читал с душой - у него был прекрасный дар оратора. Он близко к сердцу принимал все горести и радости своих прихожан. К собору прилегал район Карантина, слободок, где жили рыбаки и грузчики, и эти мужчины, все старше его, относились к отцу Анатолию, как к родному отцу <...>. Со стороны же властей с первых месяцев на мужа пошли гонения. Им не нравилось, что в собор стало ходить много людей. И вот начались в нашем доме обыски. Причем - очень рано утром или в полночь. Перетряхивалось буквально все - вещи, белье, книги. А когда появился ребенок, то и пеленки. Конечно, ничего предосудительного у нас не находили, но все равно отца Анатолия уводили с собой и держали его вначале по три дня, по пять. А потом стали увозить в Симферополь и на больший срок. Прихожане сочувствовали нашей беде - собирали подписи в защиту батюшки, посылали меня хлопотать в Симферополь, даже давали мне в помощь старушку - жену рыбака Явисенко Татьяну Филимоновну (у меня на руках был тогда грудной ребенок). А отцу Анатолию власти прямо говорили, чтобы он перестал служить в церкви - тогда, мол, мы тебя не тронем. Но он отвечал, что сделать этого не может: "Для чего же я пошел в священники?" <...>

Жизнь наша была очень тяжелая, дома отец Анатолий бывал мало, денег из собора я не брала, зарабатывала

уроками.

Вспоминаю, как люди помогали нам <...>. Это было, когда мы ждали первого ребенка, но у нас даже не во что было одеть, завернуть малыша. И вот приходит женщина из слободки - жена сапожника - и приносит целый тюк "приданого" для ребенка. У нее не было своих детей, и она для нашего малыша все сшила сама. И так аккуратно и красиво! Она потом стала крестной матерью нашего первенца Илариона.

Еще один эпизод. Сажу я у окна с двумя малышами и вижу, что идет маленькая согнутая старушка с кошелкой, стучится к нам, заходит, начинает выкладывать из сумки килограмм сахарного песка, бутылку подсолнечного масла, большой белый хлеб, кило крахмала для киселя детям, немного леденцов. Я беру все это и плачу, ведь знаю, что эта старушка живет лишь тем, что продает семечки".

Весть о появлении в Симферополе епископа Сергия (Зверева), пережившего непродолжительный арест,

Гимназия
В.Гергилевич
(справа).
1930-е годы

взволновала отца Анатолия и православных людей Феодосии. Собрав деньги, они отправили к нему старосту Александро-Невского собора, бывшего фининспектора Синкевича, чтобы он обрисовал архиерею церковную ситуацию в городе и получил указания, как действовать дальше.

Отцу Анатолию удалось провести свою точку зрения и, переубедив безвольного настоятеля, отправить владыке Сергию письмо от имени всего прихода:

"Его Высокопреосвященству, Епископу Сергию, временно управляющему православными приходами Таврической епархии от причта Александро-Невского собора гор.Феодосии заявление.

В настоящем причт Феодосийского собора считает своим долгом заявить Вашему Преосвященству, что мы, признавая Вас за своего законного Епископа, подчиняемся Вам, а через Вас Святейшему Патриарху Тихону. От Таврического Епархиального Управления мы отмежевываемся. Ему мы подчинялись в январе как власти временной. Обстоятельства вынудили к этому. Когда же мы узнали о том, что им приняты все постановления II Поместного собора сего года Московского неправославного, то мы уже не могли мириться с подчинением ему, ибо в душе мы не живоцерковцы, а православные.

*Настоятель протоиерей В.Соколов,
второй священник А.Воронин, диакон
В.Ильченко и псаломщик А.Добровольский
9 августа 1923 г.».*

13 августа копия этого письма была отослана также и в обновленческую епархию с небольшой припиской: "Отныне, как это видно из приложенной при сем копии заявления нашего, мы рвем с Таврическим Епархиальным

Управлением всякую связь".

Видимо, через Сенкевича устно, а потом и письменно протоиерей Петр Маккавеев пригласил епископа Сергия посетить с архипастырским визитом Феодосию и совершить богослужение в храмах города. Владыка Сергей принял предложение, о чем телеграммой был уведомлен бывший пристав Успенский с оговоркой: владыка по приезду будет служить только в тех церквах, где не приняли "Живую церковь".

В конце лета 1923 года в Феодосийское ГПУ пришел секретный циркуляр, в котором говорилось об имеющихся в СОГПУ Крыма сведениях о том, что в Феодосии распространяются подпольные воззвания и объявления Святейшего Патриарха Тихона и епископа Сергия (Зверева), а на богослужениях священники поминают не только Патриарха, но и арестованных архиепископов Димитрия (Абашидзе) и Никодима (Кроткова). "Между прочим, - говорилось в циркуляре, - указанных контрреволюционеров за богослужением поминают настоятель Николаевской церкви Петр Маккавеев и его помощник Иван Маккавеев, и диакон Александро-Невского собора Василий Ильченко..." Далее симферопольские гепеушники Корженко и Малли просят установить, кто именно из церковников поминает так называемых контрреволюционеров, и настойчиво рекомендуют "виновных в этом немедленно арестовать, предъявив им обвинение по ст. 68 УК. В обвинительном материале должно быть не менее двух свидетельских показаний. Следдело в законченном виде с личностями обвиняемых срочно препроводить в СОГПУ Крыма, на распоряжение одновременно представить на указанных лиц весь материал, устанавливающий их принадлежность к правым

партиям, если таковой материал имеется".

Столичный циркуляр заставил феодосийских чиновников срочно завести агентурное дело, и неутомимые сексоты, как трудолюбивые пчелы, понесли в родное ГПУ всю доступную информацию. В "Информационной сводке", которую вела тов. Гринберг, читаем:

"Воронин, священник в Феодосийском соборе, в 1919 году, будучи гимназистом, имел широкое знакомство с офицерами и избивал подпольщиков-комсомольцев и евреев плетками. При приходе Соввласти в Крым он был вызван на суд в качестве свидетеля по делу Кучинского. Затем он был арестован Всеобучем за подделку документов <...>. Священник Анатолий Воронин, русский, 24 лет, происходит из горожан Феодосии. Окончил Феодосийскую мужскую гимназию, студент, отец бывший присяжный поверенный г. Феодосии, происходит из богатой семьи <...>. Мать Анатолия Дуранте, в доме которой они все проживают по Дурантьевской улице <...>. О прошлой жизни Воронина Анатолия мало имеется хороших отзывов. Он был при белых, принимал энергичное участие в гонениях на коммунистов и всех сочувствующих Соввласти. К Соввласти, компартии относится враждебно.

Настоятель священник Василий Соколов, русский, 50 лет, в Феодосии 20 лет живет при храме напротив собора <...>, ничем не примечателен.

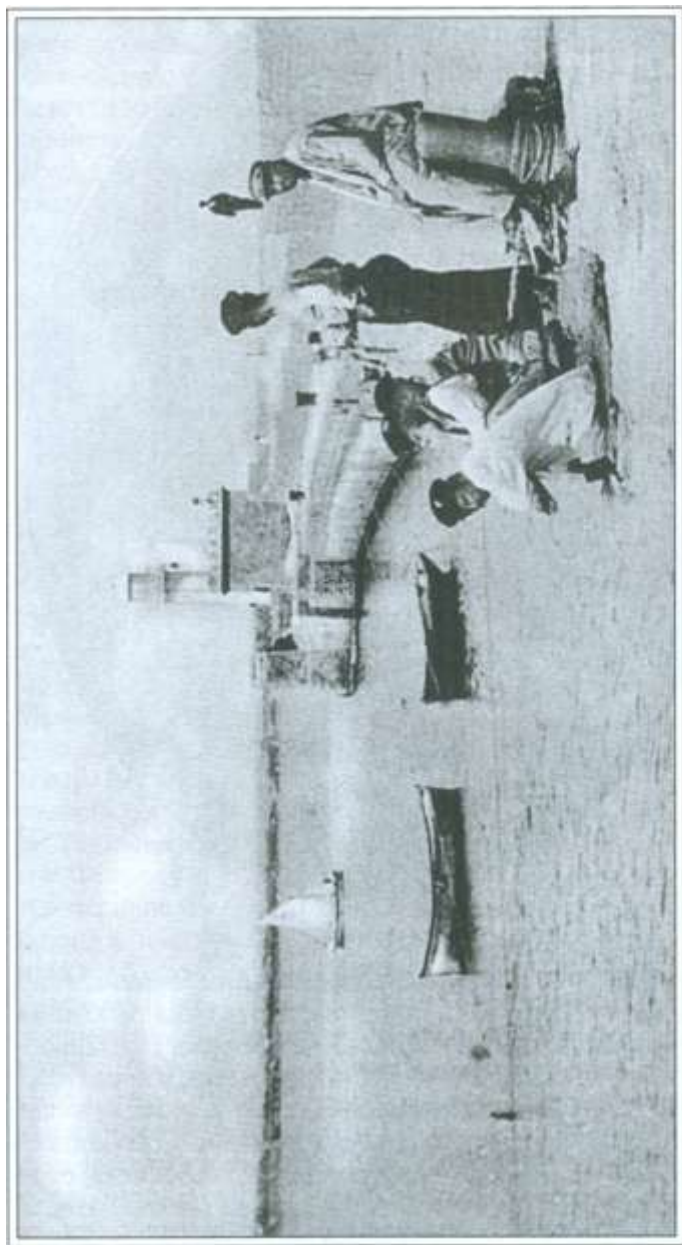
Диакон Василий Ильченко, русский, 40 лет. Около 15 лет служит в Феодосии. В 1923 году арестован и отпущен, причины неизвестны, живет в соборном доме, монархист. К обновленческому движению относится терпимо, видимо, боясь сокращения, скрытный, но в своих взглядах нестойкий.

Члены церковного совета - грузчики, рыбаки. Отношение всех к "Живой церкви" враждебно. Например, Преображение праздновали не как было приказано по новому стилю, а по старому <...>. Был случай - церковный совет выгнал обновленца. Говорят, что Соввласть извинилась перед Тихоном за напрасный арест".

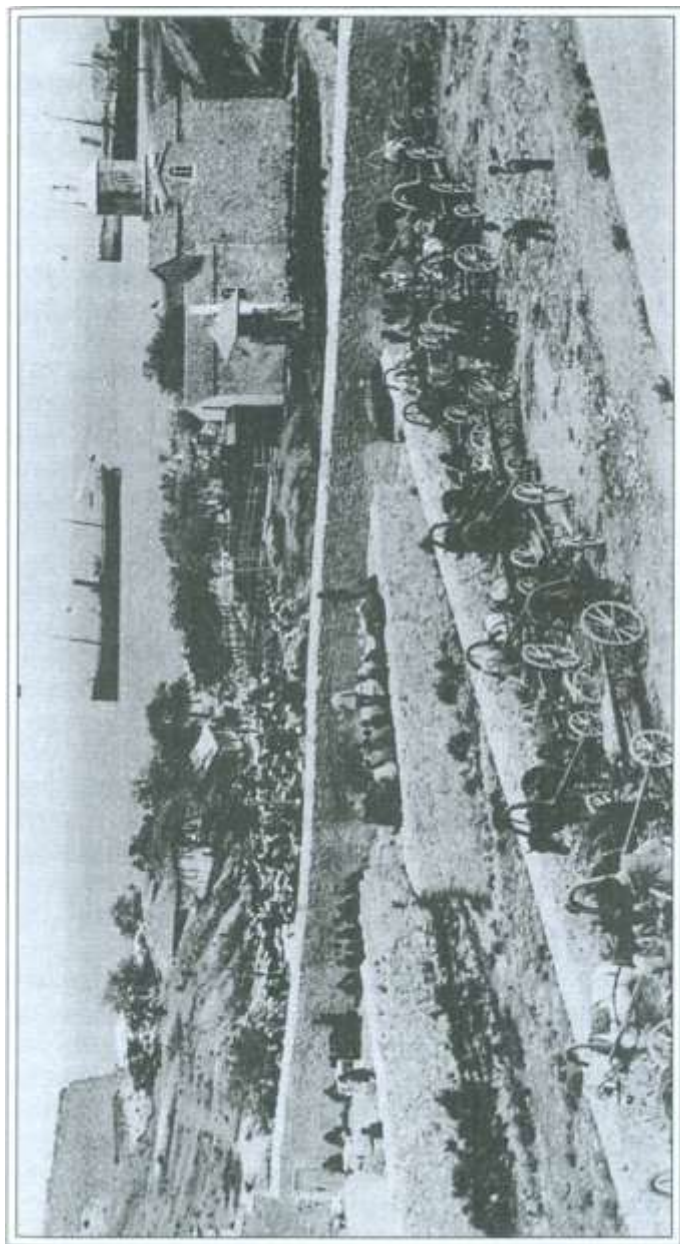
Таким же образом разрабатывались и другие храмы Феодосии. На Преображение в 1923 году в соборе Александра Невского во время всенощного бдения собралось около 300-350 человек. Отец Анатолий подошел к стоявшему в алтаре протоиерею Алексею Назаревскому (тестю Алексея Богаевского, симпатизировавшего обновленческому движению) и попросил, так как тот был старше, разрешения прочитать воззвание Патриарха Тихона. Протоиерей Алексей вежливо указал на щепетильность ситуации, на "некоторые неудобства читать такие вещи" во время богослужения. "Да и я, - сказал отец Алексей, - не настоятель собора, а только лишь молящийся и пришел посмотреть храм, послушать пение и помолиться". Одним словом, вежливо, но настойчиво стал отговаривать отца Анатолия от публичного чтения послания Патриарха. Но напрасно. Молодой священник настоял на своем, и когда стал читать, то Алексея Назаревского, по его же признанию, "поразило такое выступление <...>, в особенности те выкрики, какие сопровождали проповедь отца Воронина с его личным признанием Тихона.

Священник Анатолий Воронин

Феодосийский мол. Видовая открытка начала XX в.

Карантин. Иверский храм в день престольного праздника. Открытка начала XX в.

После прочтения иерей Анатолий сказал: "Вы, православные христиане, слышали слово Спасителя и учение Его, которое передал Патриарх Тихон. Скажите здесь, сейчас, за каким учением и исполнением православной веры вы последуете: "За кем вы, братья? За "Живой церковью" или за Тихоном?" И народ ему отвечал: "И мы за Тихоном! За Патриархом!"

Открытое обращение к народу совсем молодого священника, призывавшего во что бы то ни стало сохранить верность гонимому Патриарху, задело струны души, всколыхнуло народные чувства, утихшие "страха ради иудейского". Невнятное шушуканье переросло в открытые разговоры, и вся церковь пришла в движение. Некоторые из служащих и интеллигенции начали выходить из церкви еще при чтении Патриаршего обращения: одни из боязни попасть на заметку ГПУ, другие - из нежелания разбираться в сложной церковной ситуации. Наиболее близкие к иерею Анатолию люди, такие как Сенкевич, Гольштейн, Пахоль, Шуцкая, Баранов и другие, открыто призывали сделать выбор в пользу Патриарха Тихона. Внятно и четко отвечали на недоуменные вопросы "умеренных", не вполне понимающих, что происходит в Российской церкви, какие есть течения, в чем их смысл и как правильно поступить в сложившейся ситуации. Сообщенная информация достигла цели и произвела должное впечатление. В храме остались в основном простые женщины из Карантинной слободки, не утратившие мужества быть самими собою, способные открыто исповедовать свою веру и более опасавшиеся утратить живую связь с Православной церковью, чем личную свободу.

Нечто подобное произошло в Александро-Невском

соборе и на Успение. Во время всенощной, перед пением "Хвалите Имя Господне", диакон Василий Ильченко открыл Царские врата и священник в полном облачении вышел на амвон и торжественно обратился к народу: "Братья христиане! После тяжких переживаний и скорбей Православная Церковь снова восторжествовала! Патриарх Тихон снова с нами и возносит горячие молитвы к Престолу Всевышнего, несмотря ни на какие репрессии по отношению к нему как со стороны гражданской власти, так и церковно-обновленческой. Правда Божия восторжествовала и возвратила нам старейшего предстателя <...>. И далее отец Анатолий выразительно прочитал послания Патриарха Тихона³ и епископа Сергия (Зверева):

"Божиею милостию Мы, смиренный ТИХОН,

Патриарх Московский и всея России,

Преосвященным архиереям, благоговейным иереям, честным инокам и всем верным чадам Православной Российской Церкви мир и благословение Божие.

Более года по обстоятельствам, всем известным, Мы были отстранены от Нашего пастырского служения и не имели возможности стоять лично у кормила правления, чтобы хранить освященные веками предания Церкви. Посему, как только наступили эти обстоятельства, в точном соответствии с постановлением Собора, установившего порядок патриаршего управления в Русской Церкви, и с определением состоявшегося при Нас Священного Синода от 7/20 ноября 1920 года, признали Мы за благо передать на время Нашего удаления от дел всю полноту духовной власти назначенному Нами Заместителю

3 Текст Послания печатается по рукописному варианту, находящемуся в следственном деле священника Анатолия Воронина.

Нашему, митрополиту Ярославскому Агафангелу [Преображенскому] с тем, чтобы им был созван Второй Поместный Собор Российской Церкви для суждения о высшем управлении Церковью и о других церковных нуждах, против чего, как Нам было сообщено, не возражала и гражданская власть. Митрополит Агафангел изъявил согласие принять на себя возложенное Нами поручение. Но по причинам, от него не зависящим, он не мог приступить к выполнению своих обязанностей. Этим воспользовались честолобивые и своевольные люди, дабы войти "во двор овчий не дверми, но прелазя инуде" (Ин., X, I) и восхитить не принадлежащую им высшую церковную власть Православной Российской Церкви.

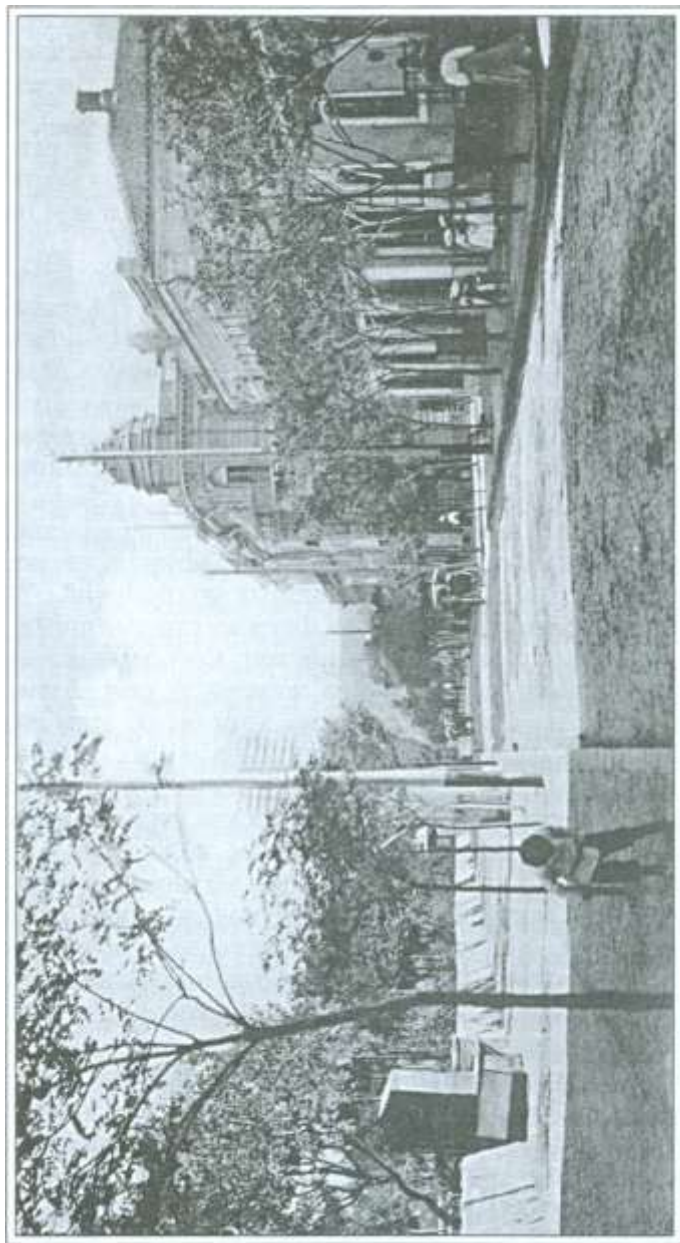
5 (18) мая истекшего года к Нам, находившимся тогда в заключении на Троицком подворье, явились священники Введенский, Белков и Калиновский (недавно сложивший с себя сан) и под видом заботы о благе Церкви подали Нам письменное заявление, в котором, жалуясь на то, что вследствие сложившихся условий церковные дела остаются без движения, просили Нас вверить им канцелярию Нашу для приведения в порядок поступающих в нее бумаг. Сочтя это полезным, Мы уступили их домогательствам и положили на их заявлении следующую резолюцию: "Поручается поименованным ниже лицам (то есть подписавшим заявление священникам) принять и передать Высокопреосвященному Агафангелу, по приезде его в Москву, синодские дела при участии секретаря Нумерова". По силе этой резолюции им было поручено лишь принять дела и передать их митрополиту Агафангелу, как только он приедет в Москву. О том, как должны поступить они с принятыми делами, если бы митрополит Агафангел совсем не явился в Москву, никаких

распоряжений Нами сделано не было, потому что самой возможности этого Мы тогда не могли предвидеть, а на то, что они сами в таком случае должны были бы заменить митрополита и стать во главе Церковного Управления, в резолюции благословения быть не могло, так как полномочия, связанные с саном епископа, не могут быть передаваемы пресвитерам. Тем не менее, эту резолюцию Нашу они объявили актом передачи им церковной власти и, согласившись с епископами Антонином [Грановским] и Леонидом [Скобеевым], образовали из себя так называемое Высшее Церковное Управление. Чтобы оправдать это самочинное деяние, они неоднократно и в печати и на публичных собраниях утверждали, что приступили к управлению Церковью "по соглашению с Патриархом" ("Правда" от 21/У 1922 г.), что они состоят членами высшего церковного управления "согласно резолюции Святейшего Патриарха Тихона" (Прот. Введенский. "Революция и Церковь", стр. 28) и "приняли из рук самого Патриарха высшее управление Церковью". ("Живая Церковь", № 4-5, стр. 9). На собрании 12 июня 1922 г. по поводу предложения одного священника не проводить в жизнь никаких церковных реформ иначе, как с благословения Патриарха, председатель этого собрания епископ Антонин заявил: "Так как Патриарх Тихон передал свою власть высшему церковному управлению без остатка, то нам нет надобности бегать за ним, чтобы брать у него то, чего уже в нем не имеется". ("Известия ЦИК" 16/VI-22 г. № 132)".

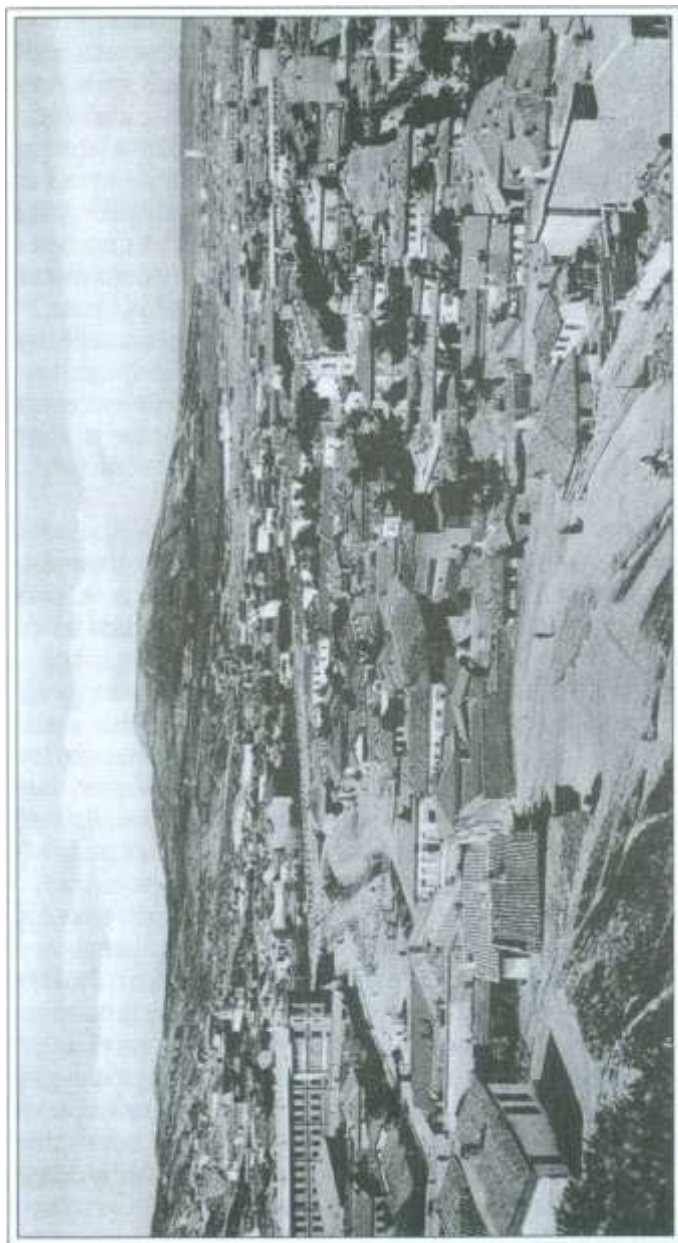
Ныне торжественно и во всеуслышание, с сего священного амвона, свидетельствуем, что все эти столь решительные заявления их о соглашении с Нами и о передаче Нами прав и обязанностей Патриарха Российской

Церкви высшему церковному управлению, составленному епископами Антонином и Леонидом, священниками Введенским, Красницким, Калиновским и Белковым, - не что иное, как ложь и обман, и что перечисленные лица владели церковною властью путем захвата, самовольно, без всяких установленных правилами Нашей Церкви законных полномочий.

На таковых Святая Церковь изрекает строгие прещения: по 16-му правилу Антиохийского Собора, епископ, отступивший от узаконенного порядка и самовольно вторгнувшийся в чужую епархию, хотя бы об этом его просил и весь народ, извергается из сана за грех нарушения церковных законов. Лица, учредившие самозванное высшее церковное управление в Москве и повинные в этом перед Церковью, отягчили свое положение еще посвящением епископов в незаконно захваченной области, так как поставили себя этим под действие 31-го правила свят. Апостолов, угрожающего лишением сана как посвящающим чужой епархии, так и посвященным ими. И как же воспользовались они незаконно захваченною церковною властью? Они употребили ее не на созидание Церкви, а на то, чтобы сеять в ней семена пагубного раскола; чтобы лишать кафедр православных епископов, оставшихся верными своему долгу и отказавших им в повиновении; чтобы преследовать благоговейных священников, согласно канонам церковным, не подчинившихся им; чтобы насаждать всюду так называемую "живую церковь",

Феодосия. Итальянская улица. Видовая открытка начала XX в.

Панорама города с Никольским храмом (справа). Открытка начала XX в.

пренебрегающую авторитетом Вселенской Церкви и стремящуюся к ослаблению необходимой церковной дисциплины; чтобы дать торжество своей партии и насильственно, не считаясь с соборным голосом всех верующих, осуществлять в жизни ее желания. Всем этим они отделили себя от единого тела Вселенской Церкви и лишили себя благодати Божией, пребывающей только в Церкви Христовой. А в силу этого все распоряжения не имеющей канонического преемства и незаконной власти, правившей Церковью в наше отсутствие, не действительны и ничтожны, а все действия и таинства, совершаемые отпавшими от Церкви епископами и священниками, безблагодатны и не имеют силы, и верующие, участвующие с ними в молитве и таинствах, не только не получают освящения, но подвергаются осуждению за участие в их грехе.

Сильно терзалось сердце Наше, когда до Нас доносились смутные известия о церковных нестроениях, возникших в Церкви после Нашего отстранения, о насилиях самочинного и самозванного "живоцерковного" правительства, о возникновении и борьбе партий, о духе злобы и разделении там, где должен веять дух любви и братского единения. Но Мы ничем, кроме келейной молитвы, не могли содействовать умиротворению Церкви и уничтожению в ней этой пагубной распри, пока не получили свободы. Ныне же, ознакомившись подробно с положением церковных дел, Мы снова восприемлем Наши первосвятительские полномочия, временно переданные Нами Заместителю Нашему митрополиту Агафангелу, но им, по независящим обстоятельствам, не использованные, и приступаем к исполнению Своих пастырских обязанностей, моля усердно Владыку Церкви, Господа

нашего Иисуса Христа, да подаст Нам силы и разумение к устройению Церкви Своей и к водворению в Ней духа любви, мира и смирения. Вместе с этим Мы призываем всех епископов, иереев и верных чад Церкви, которые, в сознании своего долга, мужественно стояли за богоустановленный порядок церковной жизни, и просим их оказать Нам содействие в деле умиротворения Церкви своими советами и трудами, а наипаче молитвами Создателю всех и Промыслителю Богу. Тех же, которые волею или неволею, ведением или неведением, поползнулись в настоящем веке лукавствия и, признав незаконную власть, отпали от церковного единства и благодати Божией, умоляем сознать свой грех, очистить себя покаянием и возвратиться в спасающее лоно единой Вселенской Церкви.

Благословение Господне да будет со всеми вами, молитвами Богородицы и Приснодевы Марии, святых отец наших Петра, Алексия, Ионы, Филиппа, Ермогена, святителей Московских и чудотворцев, и всех святых Российской земли, от века Богу угодивших. Аминь.

*Смиренный Тихон, Патриарх Московский и всея России.
Москва, Донской монастырь. 1923 г., июля (2) 15 дня".*

От себя отец Анатолий добавил: "Патриарх Тихон в своих воззваниях прощает и освобождает от наложенных на вас тех анафематствований, которые он провозглашал при отступлении от Православной Церкви, и просит раскаяться в своих прегрешениях. Но вы здесь ни при чем. Вы заблуждены вашими пастырями и соприхожанами, которые старались сделать из Церкви арену политических распрей. Теперь церковь аполитична. Кто же пойдет из вас, братия, за нашим единственным столпом православия Патриархом Тихоном?"

В это время провокаторы и малодушные заговорили в храме: "Еще одна и последняя ловушка, надо идти подобру-поздорову, чтобы не попасть на страницы книги ГПУ" (таких было не более 15-20 человек), и, выходя из храма, добавляли: "Новый Поляков, но не знаем, как долго и этот удержится у нас... И для чего ему это?"

Другие, по всей вероятности, тоже по спецзаданию, завязывали диалог: "Да ведь ясно, для чего - ему хочется быть настоятелем, а настоятель у нас человек старый и не симпатизирует тихоновскому течению, но если отцу Воронину придется последовать примеру протоиерея Владимира Полякова, то и семьи отца Воронина и диакона Ильченко будут обеспечены, как и Полякова, дураков ведь еще много на земле".

Такие наивно-вкрадчивые "недоумения" провокаторов приносили свои плоды, смущали прихожан, рождали сомнения. Ирония с преднамеренным заподозриванием в таких случаях чрезвычайно результативное средство.

В храме остались самые верные и искренние прихожане, и отец Анатолий продолжал: "Что же вы молчите, неужели вы не православные, неужели вы забыли Бога, заповедовавшего вам идти на смерть за Его учение. Да, помните, могут быть всякие неприятности, и тот, кто скажет, что он с Тихоном, может лишиться и дома, и семьи, и знакомых, и друзей, а разве это надо для спасения души? Эх вы, малoverные! Итак, кто со мной за Тихона? Я повторяю: за Тихона!" Оставшиеся отозвались криком: "Мы все за Тихона, мы все за Патриарха Тихона!!!" После этого служба продолжалась, и все пошло своим чередом.

Итальянская улица. Банк.
Фотооткрытка 1920-х годов

На следующий день, после того как пропели "Отче наш", церковный народ, бывший в храме, разделился: одни остались в церкви и продолжали молиться, другие же вышли, но домой не ушли. Кто стоя, а кто сидя на лавочках, продолжали обсуждать взволновавшую всех "тему дня" - как относиться к Патриарху Тихону. Провокаторы и сексоты продолжили свою гнусную работу: "Попы дерутся, а нам негде отвести свою душу, помолиться и послушать хорошее пение". И только духовные чада отца Анатолия быстро находились и адекватно реагировали на подобные замечания.

Между тем в других храмах священники призывали свою паству к единению с ВЦС и, как они выражались, "мирному исходу дела".

После выступления отца Анатолия уполномоченному Таврического Епархиального Управления (ТЕУ) обновленческому священнику пришлось говорить с настоятелем собора Владимиром Соколовым о "причинах, побудивших отца Воронина к такому выступлению", который ответил: "Что я могу сделать? Их двое, а я один, если вы в силе, уберите их - Воронина и

Священник Анатолий Воронин в ссылке

Ильченко, а то и мне, старому человеку, нет покоя как от них, так и от прихожан. Кто ругает меня за такие допущения, а кто ругает меня за мое молчание и неподдакивание воронинским словам. Но я решил точно и непрекословно стоять на букве признания подчинения ВЦС, а там что Бог даст. Совет приходской игнорирует меня и не хочет считаться, что я настоятель. Даже дошло до того, что они говорят, советуются, а я ничего не знаю. А все-таки в конце концов я буду ответственен и перед

гражданской властью, и перед церковной". Так жаловался обновленческому представителю одряхлевший душой и телом и уже никому не нужный и не интересный протоиерей Владимир Соколов.

Уполномоченный секретной группы ЧК Грахловский, которому поручили сбор информации о православных Феодосии, докладывал: "Мои общие выводы: тихонов-цы всполошились и хотят всецело подавить обновленцев, обвиняя их в еретичестве. Во главе их стоят священник Петр Маккавеев, священник Анатолий Воронин, диакон Василий Ильченко и граждане Сенкевич, Гольштейн, Батютин, Шуцкая, Пахоль и Романенко. Обновленцы стали в вынужденную мировую позу. Во главе их стоят: уполномоченный ТЕУ Образцов, протоиерей Богаевский, священник Апостолиди, диакон Осипов, протоиерей Соколов и псаломщик Добровольский".

Грахловский также выяснил, что многие православные люди обратились к епископу Сергию, чтобы тот рукоположил диакона Василия Ильченко во иереи, протоиерея Владимира Соколова убрал "за его старческую немощь лет (засыпает во время службы)", а на самом деле за его принадлежность к обновленческой группе в заштат. "Вот доказательство авторитета диакона Ильченко перед темной массой", - подытожил Грахловский.

По настоянию православных феодосийцев епископу Сергию было отправлено письмо:

"Его преосвященству епископу Сергию,
временно управляющему Православными
приходами Таврической епархии от причта
Александро-Невского собора гор. Феодосии
заявление.

Настоящим причт Феодосийского Собора считает своим

долгом заявить Вашему Преосвященству, что мы, признавая Вас за своего законного Епископа, подчиняемся Вам, а через Вас Святейшему Патриарху Тихону. От Таврического Епархиального Управления мы отмежевываемся. Ему мы подчинялись в январе как власти временной. Обстоятельства вынудили к этому. Когда же мы узнали о том, что им приняты все постановления II поместного собора сего года Московского неправославного, то мы уже не могли мириться с подчинением ему, ибо в душе мы не живогерковцы, а православные.

*Подлинное подписали: и. д. настоятеля –
протоиерей В.Соколов, второй священник
А.Воронин, диакон В.Ильченко и
псаломщик А.Добровольский.*

9 августа 1923 года по ст. ст. "Протоиерей Петр Маккавеев возлагал большие надежды на приезд епископа Сергия в Феодосию и настойчиво его приглашал:

"Его Преосвященству Преосвященному Епископу Сергию, управляющему Таврической Епархией. Ваше Преосвященство, Преосвященный Владыка. До сих пор (31 августа) нет сообщений от Вас на наши письма. Согласно Вашей телеграмме из Генуи мы ожидаем Вас 6 сентября утром. Вчера у нас было собрание причтов и уполномоченных приходов по поводу Вашего приезда. Все согласились участвовать в Вашем приеме, и Вам за моею подписью послали телеграмму. Но из прений выяснилось, что, кажется, желают отвлечь Вас в Симферополь, а может быть, и совсем расстроить Ваш приезд сюда. Для меня может быть понятно, что они не прочь действовать в этом направлении, но об этом не стоит говорить. Мы предполагали бы всеми причтами встретить Вас на вокзале. Там Вам должно быть указано

помещение, приготовленное для Вашего пребывания. Далее от нашей церкви мы просили бы заехать в храм, где Вам должна быть приготовлена встреча. Дальнейшее будет зависеть от Вашего усмотрения. Нам кажется более удобным было бы вернуться из храма на отдых в указанное помещение. Вечером у нас должен быть братский акафист, на который мы должны пригласить все остальные причты. После акафиста за чашкой чая Вы имели бы возможность поговорить с духовенством Феодосии. Так, нам кажется, было бы удобнее поступить, нежели ехать с вокзала по тем церквам, которые нужно воссоединить.

Пусть лучше причты придут к Вам на акафист. Но любовь Ваша может указать нам другой порядок. Предположительное служение Ваше по храмам распределено. Порядок Вам постараемся представить. Я желал бы переговорить с Вами по поводу того, что полезнее бы предпринять здесь на благо Церкви <...>. Тороплюсь с этим письмом, так как поезд отходит сегодня <...>. Вряд ли письмо и попадет к Вам, но пишу про всякий случай. Пишу простым, а не заказным, так как думаю опустить письмо на вокзале. Прошу св. молитв.

С сыновнею любовью

священник Петр Маккавеев.

Феодосия, Ново-Георгиевская Слобода.

Р. S. Ваш приезд должен быть оплачен по постановлению собрания".

Переписку православных священнослужителей со вниманием отслеживали чекисты. Погранотделение Феодосийского округа сообщало в симферопольский политотдел: "Епископ Мелитопольский Сергей Зверев в г. Феодосию до сих пор не прибывал. При сем прилагаем

письмо, посланное священнику Маккавее- у Сергием Зверевым для приобщения к имеющемуся у Вас следственному делу на Зверева".

Протоиерею Петру Маккавееву владыка писал:

'Возлюбленный о Господе, Христе Спасителе нашем,
собрат, иерей Божий, о. Петр!

"Мир братьям и любовь с верою от Бога Отца и
Господа Иисуса Христа.

Благодать со всеми, неизменно любящими Господа
нашего Иисуса Христа". (Еф. VI, 23-24).

Да "будет едино стадо и един Пастырь" - Пастыре-начальник наш Христос Спаситель, на рамо восприявший обретенное овца и ко Отцу принесший. Св.Благовестник умоляет нас: "Будьте друг ко другу добры, сострадательны, прощайте друг друга, как и Бог во Христе простил вас" (Еф. IV, 32), "Живите в любви, как и Христос возлюбил нас и предал Себя за нас в приношение и жертву Богу, в благоухание приятное" (Еф. V, 2). Но... "горе человеку, им же соблазн приходит!" Всех моих хочется обнять, но надо обнять, войдя в Христову любовь; и надо помнить, что и Сама Любовь подняла бич на торжников...

Подойдем к нашему делу со страхом и трепетом и сделаем то, что дают нам каноны св. Церкви <...>. Об отношении к мирянам, возвращающимся в лоно св. Церкви, должно быть суждение - это пресвитерское суждение. Над мирянами останавливайтесь только над теми, кто создал открытый соблазн или кого лично зазирает совесть, но и для них достаточно исповеди. А в иных случаях может быть достаточно и одного благословения, слова любви. Иное дело с пастырями: они должны быть разделены на две группы: на признавших ВЦУ только формально и не вступивших с "их" строителями церковной жизни, особенно

с "их" так называемыми епископами, в евхаристическое общение; для таких достаточно простого заявления через Вас, что от ВЦУ они отказываются и через меня вступают в общение со свят. Патриархом, лучше, если такое заявление поступает от приходского Совета, подчиненного ВЦУ, или еще дороже, если бы удалось собрать окружной съезд. Постановления окружного съезда я направил бы к Святейшему. Один экземпляр постановления съезда следует направить и к Раевскому (ТЕУ) или их уполномоченному. Нужно действовать скорее, но спокойно. Кто не идет, пусть остается без всяких принуждений с Раевским. - Но есть, несомненно, среди духовенства иереи и диаконы, вступившие в евхаристическое общение с указанными представителями или явившие себя <нрзб.> должны принести публичное покаяние пред своими паствами и быть на исповеди у своего духовника. Вообще всем батюшкам, глубоко или легко активным его работникам, создавшим соблазн среди верующих; этим покаявшимся следовало бы пройти через исповедь у своего духовного отца, - так для их же совести будет лучше. Тогда не будет терзать их совесть.

Надо тут быть особенно осторожными, чтобы не погрешить ни в ту, ни в другую сторону. Что касается новопоставленных новыми архиереями, то раз для нас

Священномученик Сергей (Зверев)

эти Е.Л., то и дела их неприемлемы. У меня здесь некоторые из "таких" прекратили служение и ждут определения о них, о чем мною послан запрос. Вы назвали - о. Анатолий, но без фамилии. У меня в Симферополе был какой-то юноша из Феодосии, жаждавший священства, но <...> потом обманувший меня. Сегодня еду в Севастополь <нрзб.>, буду в Симферополе, 15 авг. в Геническе - что понадобится, пишите Симферополь, Петропав. ул. 14, кв. 2 или Мелитополь- , Гоголевская, 3-б, кв. 3.

Побывайте у о. А.Богаевского. Не допускайте, чтобы этот человек искренно пристал к живистам или ВЦУ, что почти одно и то же.

Божие благословение со всеми Вами во Христе братьями.

*Сергий, еп. Мелитопольский, управл.
Православными общинами Таврической Епархии.
28 июля (10 авг.) 1923 г."*

В день памяти благоверного князя Александра Невского, 12 сентября, после праздничной литургии в соборе, по установившемуся обычаю, все священно-служители города были приглашены на чай. Во время чаепития протоиерей Петр Маккавеев сообщил присутствовавшим, что им приглашен в Феодосию епископ Мелитопольский Сергей, который, как видно из полученных им писем и телеграммы, приедет 13 сентября. Отец Петр собирается его торжественно встретить, разместить где-нибудь среди своих прихожан и намерен просить архиерея отслужить у него в Свято-Николаевском храме всенощное бдение 13 сентября, а на следующий день - Божественную литургию. А дальше, кто пожелает, может архиерея пригласить к себе, и этот вопрос можно обсудить прямо сейчас.

Указывая на уполномоченного ТЕУ, присутствовавшие стали говорить, что из-за этого визита у них будут неприятности. Протоиерей Алексей Богаевский, не желая потерять лицо среди собравшихся, задал отцу Петру риторический вопрос: "А что для нас епископ Сергей, какую он обладает административной властью и кем таковой уполномочен разъезжать и мутить приходжан? Если от Тихона, то я даже не пойду к нему, а если и пойду, то исключительно с целью выяснить его положение в Церкви, так как я, протоиерей Богаевский, являюсь пастырем своего прихода и одновременно благочинным Феодосийского округа и должен заботиться об единении Церкви, а не о разрухе и анархии. И я, Богаевский, как проводник распоряжений центральной церковной власти, не могу допустить всяких приезжающих священнослужителей к совершению богослужения без разрешения епархиального епископа на основании существующего законоположения".

Протоиерей Петр, иерей Анатолий, а также диакон Ильченко стали говорить ему в лицо, что он "живец" и "форменный обновленец". Но никакие обличения и аргументы не поколебали отца благочинного. Обвыкший церковной риторике, он с легкостью манипулировал словами и понятиями и самым решительным образом не желал различать, где факты и церковные каноны, а где его личное мнение, рожденное конформизмом. Дискуссия продолжалась до тех пор, пока ее не прервал священник Апостолиди, заявивший, что он вообще не признает "никаких ни Тихонов, ни Сергиев", а подчиняется исключительно своему греческому начальству, в частности, греческому благочинному, проживающему в Севастополе. На этой неутешительной ноте и закончилась

праздничная трапеза с неудавшимся обсуждением предстоящего визита епископа Сергия.

В связи с приездом в Феодосию епископ Сергей благословил составить "предварительное расписание, а из объяснений выяснить приблизительные взгляды и пожелания представителей Церкви":

"13 сентября старого стиля вечером - встреча и служение всенощной в Свято-Николаевской церкви.

14-го утром - служение литургии в Казанском монастыре.

14-го вечером - служение акафиста в Свято-Николаевской церкви и по окончании его - беседа Владыки с духовенством города.

14-го утром - посещение Свято-Екатерининской церкви.

14-го вечером - служение акафиста в соборе.

14-го утром - служение всенощной в греческой церкви.

14-го утром - служение литургии в соборе.

17-го вечером - служение акафиста в кладбищенской церкви.

В сослужении акафистов с владыкою, кажется, могли бы принять участие все причты храмов".

И подписи священников Феодосии, впрочем, не всех. На инициативу отца Петра письменно отозвался только настоятель Екатерининской церкви. Он написал отцу Петру следующее письмо: "Осведомившись из достоверных источников, что предстоит посещение Феодосии Преосвященным Сергием, мы, прихожане Свято-Екатерининской церкви Феодосии, единодушно покорнейше просим милостивейшего Архипастыря посетить наш храм в Сарыголи на большом вокзале для преподания нам святительского благословения; радуемся о Господе, что в тяжелые минуты испытаний ни в чем не изменили Православию.

28 августа 1923 г.

Настоятель священник Аполлон Скалозубов". По каким-то причинам архиерей задерживал свой визит в Феодосию, и настойчивый отец Петр снова ему писал:

"Его Преосвященству, Преосвященнейшему
Сергию, управляющему] Таврической Епархией.
Ваше Преосвященство, Преосвященнейший Владыка!

Не знаю, каким путем отправится это письмо: почтою или через руки (все собираются ехать к Вам). До последнего момента мы ожидали Вас к Воздвижению, несмотря на телеграмму из Мелитополя и на поездку туда керченского уполномоченного. Насчет последнего возникли даже подозрения, не был ли он сыщиком. Мы готовили Вам торжественную встречу. Народ приходил за несколько верст. Храмы были убраны, как на Пасху, и более того. Когда приезда не последовало, мы стали ждать разъяснения. Но пока и не дождались. Теперь мы ожидаем от Вас как управляющего Таврической епархией указаний:

Поминать ли вслух или не поминать Святейшего Патриарха Тихона (ввиду последовавших арестов, по слухам, из-за этого поминовения). Мы рассматриваем Патриарха как Архипастыря Православной Церкви, а не как политического деятеля. Правда ли, что совещание при Святейшем Патриархе вынесло постановление о переходе к новому стилю. И переходить ли нам (ведь мы не имеем распоряжений Святейшего Патриарха).

Из местных, феодосийских, вопросов важно выяснение вопроса о священстве священника Анатолия Воронина. Он очень повиновался Вашему указу <нрзб.> и прекратил служение. Прекращение служения для него лично нужно рассматривать как заслуженный крест, а потому

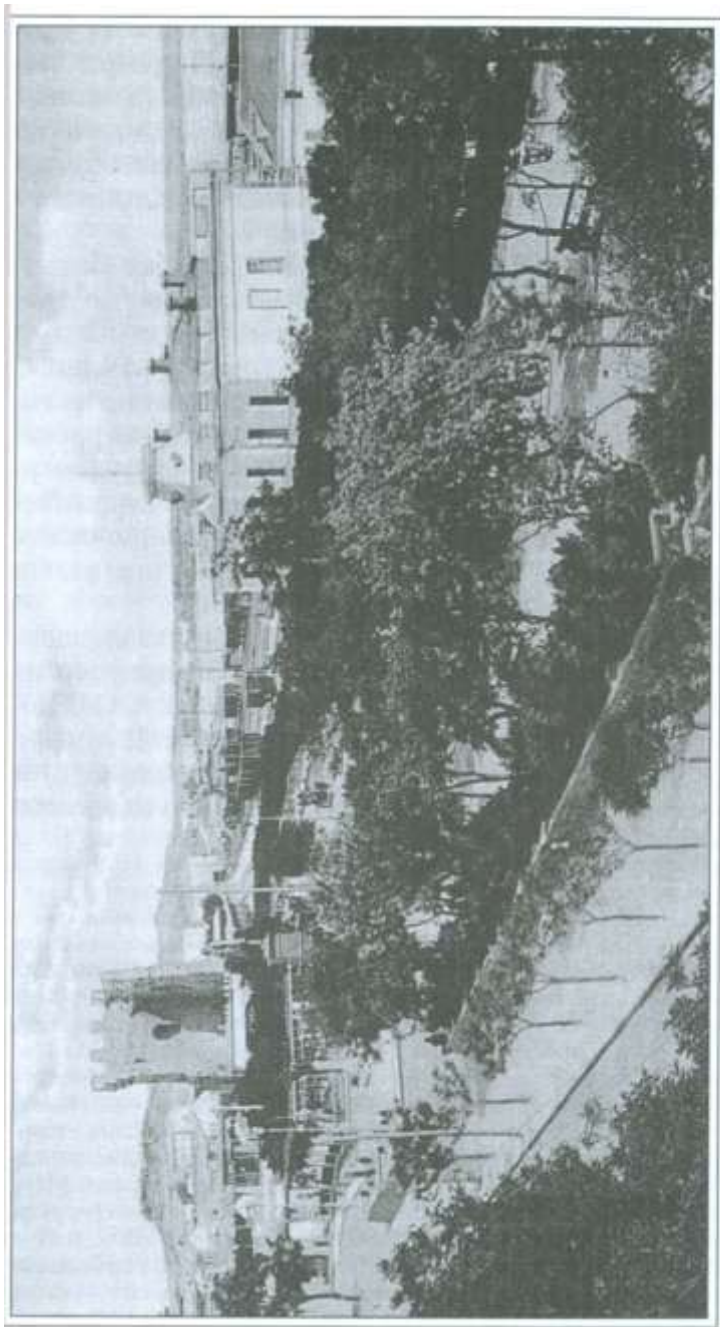
естественно желание облегчить эту тяжесть. К тому же прекращение служения волнует прихожан. Отец Анатолий уже приобрел симпатии верующих людей. Пастыри тоже рассматривают его как идейного человека. Поэтому наша просьба к Вам сделать для Воронина все возможное. А возможное зависит от того, если Вам известно, что священство Александра преемственно от Апостолов, и, если он правильно был рукоположен, тогда его ставленники при их обращении могут быть восприняты, насколько мне известно, по церковным канонам, "в сущем сане".

Мы не теряем надежды видеть Вас у себя с упованием мира и благословения от Вашего приезда. Возвратился ли Высокопреосвященный Никодим в Симферополь? Прося прощения, благословения и св. молитв, остаюсь с сыновней любовью

*священник Петр Маккавеев Феодосия,
Ново-Георгиевская слобода.*

(6 октября) 23 сент. стр. ст. 1923".

Подробности визита епископа Сергия в Феодосию, если он все же состоялся, нам неизвестны. Но по всей видимости, подготовка к нему всколыхнула верующих города, а работникам ГПУ помогла собрать дополнительный компромат на священников. 8 октября 1923 года уполномоченный СОЧ Феодосийского Погранотдела ГПУ Крыма Грахловский, рассмотрев агентурное дело на священников Феодосии, которые не прекращали поминать Патриарха Тихона и епископа Сергия, а именно: Петра Маккавеева, Анатолия Воронина, Константина Брянцева и пономаря Ивана Маккавеева (впоследствии ставшего священником), постановил арестовать их, "по отношению же других лиц, фигурирующих в настоящем деле, арест не

Бульвар. Вид на башню Константина и памятник Александру III. Открытка начала XX в.

применять, а путем следствия выявить их деятельность и в зависимости от следствия применить ту или иную меру".

Предварительно протоиерей Петр Маккавеев и его брат Иван обвинялись в том, что "открыто агитировали в своих проповедях перед гражданами за бывшего Патриарха Тихона, а также поминали его при богослужении <...>, кроме того, священник Маккавеев Петр имеет переписку с епископом Сергием (Зверевым) Мелитопольским, называя его Управляющим Таврической Епархией, в то время как таковой не является управляющим Таврической Епархией. В своей переписке с епископом Сергием (Зверевым) Маккавеев Петр решает воссоединение церквей и приездом Сергия думает сагитировать остальных священнослужителей и граждан в сторону Тихоновского движения. Священник Петр Маккавеев холост, аскет, по взглядам "народник" и идеалист. Вне политики <...>. Обновленческого движения у себя не проводит. Псаломщик - его брат Иван, холост, религиозный, малограмотный человек. Оба брата живут бедно. Честны и некорыстолюбивы. Староста Николай Паспехов - старик, монархист. Все прихожане обновленческому движению не сочувствуют.

Воронин Анатолий - священник Александро-Невского собора агитировал за бывшего Патриарха Тихона в своих проповедях, призывая верующие массы к признанию Главой Церкви бывшего Патриарха Тихона и непризнанием Синода <...>.

Ильченко Василий - диакон, также агитировал за бывшего Патриарха Тихона и поминал его при богослужении.

Брянцев Константин⁴ - священник церкви села Владиславовки также агитировал за бывшего Патриарха, поминая его при Богослужении, и в своей речи к гражданам при обновлении иконы в селе Владиславовке⁵, приписал этот случай к тому, что "Бог увидел неправильность ареста и гонений на Тихона". Этим самым он признал его сан и призывал граждан к признанию Тихона.

И принимая во внимание то, что бывший Патриарх Тихон предан суду за контрреволюционные деяния - поскольку открытое признание отдельными гражданами и группами Тихона духовным вождем, а равно его поминовение во время Богослужения, не говоря уже об агитации за него, - является контрреволюционным актом как пособничество явному контрреволюционеру, и нахожу, что материалы, имеющиеся в деле, вполне доказывают контрреволюционность вышеуказанных священнослужителей и являются вполне достаточными для их обвинения".

Некоторые сомнения относительно ареста священников окончательно рассеял секретный циркуляр из Симферополя: "Для сведения руководства СО ГПУ Крыма сообщает, что, поскольку бывший Патриарх Тихон привлекался к суду за контрреволюционные преступления,

4 Константин Алексеевич Брянцев родился 10 марта 1869 года в селе Митрофановке в семье священника. В 1891 году окончил Таврическую духовную семинарию. Служил третьим священником в селе Н. Маячка Днепровского уезда до 1897 года. Епископом Михаилом (Грибановским) за агитацию против церковных школ был переведен в село Большую Маячку Мелитопольского уезда, где прослужил до 1899 года, после чего по прошению был направлен в Старый Крым и прослужил там до 1902 года. Архиепископом Николаем (Зиоровым) переведен в село Громовку, после - в Митрофановку и, наконец, в село Владиславовку. На допросе он отказался от своих слов и отрекся от Св. Патриарха Тихона. "Как к старому, так и к новому церковному движению отношусь индифферентно, но подчиняюсь всем приказам обновленческой церкви. Могу сказать, что я не фанатик, а посему нисколько не интересуюсь Патриархом Тихоном и не поминаю его со дня его удаления", - сказал на допросе священник Константин Брянцев. Во избежание ареста он сумел представить справки о своей болезни - "катар левого легкого туберкулезного происхождения".

постольку открытое призывание отдельными гражданами поминания его на Богослужениях может дать законный повод к возбуждению уголовного преследования против виновных за пособничество контрреволюционным действиям".

Все лояльные к Патриарху священники были взяты на контроль по подозрению в контрреволюции. Уполномоченная Информбюро Гринберг вскоре сообщила, что, помимо арестованных, священник деревни Коктебель⁵ Михаил Синицкий, тот самый, которому помогал М.Волошин, "55 лет, семейный, сын офицера, бежал вместе с Врангелем и нелегально получает от него письма. В деревне Коктебель имеет собственную дачу. Кроме того, по слухам, в Херсонском уезде имеет имение. В его агитации за Тихона ему помогает гражданин той же деревни Хапов Дмитрий, 45 лет, кулак с контрреволюционным духом. В деревне Кишлавке церковный староста Зубов совместно с начальником почты этой же деревни гражданином Питкусом 10.VIII с.г. сделали церковное собрание и вели открытую агитацию против обновленческой церкви, называя служителей этой церкви еретиками и попами-коммунистами. Они ведут усиленную агитацию, чтобы Кишлавского священника выгнали из церкви, так как он еретик и отрекся от единой, соборной и апостольской Церкви..."

9 октября 1923 года Грахловский одним из первых допросил протоиерея Петра Маккавеева⁶ как наиболее

5 Первый настоятель коктебельской церкви священник Голубев был расстрелян большевиками в 1920 году.

6 Отец Петр родился в 1878 году в Орловской губернии Трубчевском уезде Красносельской волости в селе Малый Крупен. Его отец, священник Алексей Маккавеев, был непреходимо беден, и только благодаря живой глубокой религиозности и отличным способностям Петра ему удалось дать сыну хорошее образование. Учиться мальчик начал с семи лет в духовном училище, по окончании которого перешел в семинарию, а

яркого и авторитетного священника. Он был одинок, и семейные проблемы не отвлекали его от "единого на потребу". Все свои силы и время неотягощенный материальными приобретениями отец Петр (он жил с братом Иваном Алексеевичем в жалкой лачуге на Ново-Георгиевской слободе как подлинный аскет и подвижник) отдавал Церкви и разрешению тех противоречий и проблем, от которых уклонялись маститые протоиереи, предпочитавшие стабильность личного благополучия опасным инициативам.

Уклонившись от полной сдачи церковных ценностей, он в марте 1923 года был вынужден объяснять Феодосийскому Окрисполкому причину их отсутствия: "По поводу запроса о представлении старых инвентарных описей церкви считаю долгом сообщить следующее:

В переписке церкви с Советской властью неоднократно сообщалось, что ценности храма были вывезены бывшим военным священником на Кубань. Старых описей церкви нет. Они могли быть или увезены, или унесены из храма; выезд священника совершился поспешно, ключи были оставлены просто у одной старушки, архив был разомкнут. Мне пришлось начать службу в храме сначала просто как временному заместителю священника. Наличие оставшегося имущества было отмечено нами в представленной уже нами инвентарной описи. Одно могу утвердительно сказать, что со времени моего служения в храме церковное имущество не уменьшилось (за исключением взятого комиссией на изъятие ценностей), а все увеличивалось.

затем в Духовную Академию, которую окончил со званием кандидата богословия в 1904 году. С осени того же года Петр Алексеевич служил по духовно-учебному ведомству в Орловской губернии. После - на западе: в Пинске и Холме, на севере - в Солигаличе и Петрозаводске Олонецкой губернии.

- В Петрозаводск я был назначен ввиду моих христианских взглядов, - сказал отец Петр на допросе. - Такое насильственное назначение мною было получено и в Солигалич. В 1911 году вследствие назначения на север, где я не мог служить по состоянию здоровья, оставил службу в духовно-учебном ведомстве и перешел на службу в Министерство народного просвещения на должность законоучителя Феодосийского реального училища. С 1919 года, за выездом военного священника на Кубань, Свято-Николаевская церковь осталась без настоятеля, и в силу этого и, кроме этого, вследствие прекращения преподавания Закона Божия сделался настоятелем Свято-Николаевской военной церкви, в каковой должности состою и до настоящего времени. В отношении церковных вопросов оставался и остаюсь православным, считая "Живую церковь" неправославным движением. Священный синод как орган новых течений не считаю православным. Святейшего Патриарха Тихона рассматриваю не как политического деятеля, а как архипастыря Православной Церкви. Относительно поминовения Патриарха Тихона уполномоченными от верующих г. Феодосии и духовенства послан запрос во ВЦИК - считается ли это преступлением? Архиепископа Никодима, как не осужденного духовным судом, считаю своим архипастырем. Епископа Сергия считаю временно управляющим православными приходами Таврической епархии. На основании вышеизложенного, как Патриарха, так и Никодима и Сергия поминал до последнего времени, считая разъяснения прокуроров Петроградского и Новгородского об ответственности за поминания относящимися к прошлому, так как Патриарх Тихон выразил политическое раскаяние и

народной молвой обвиняется в агитации в пользу Советской власти, так что привлекающиеся за его поминовение не являются контрреволюционерами.

- Читалось ли вами воззвание бывшего Патриарха Тихона? Когда и в чем оно состояло? Читалось ли вами в церкви перед гражданами?

- Читалось воззвание, кажется, от 15 июля. Читал его в первых числах августа, содержание его - история захвата церковной власти "Живой церковью" и вступление Патриарха Тихона в исполнение своих обязанностей. Данное воззвание было напечатано в Московской типографии в определенном количестве экземпляров с разрешения административных властей. В церкви мною больше других воззваний не читалось.

- Для какой цели вы читали это воззвание гражданам, и какие комментарии были добавлены вами к этому воззванию?

- Для ознакомления верующих с содержанием. Ввиду освобождения Тихона становится ясно, что церковь свободна и она может молиться за кого угодно. Подтвердил это и епископ Сергей, сообщив, что он получил уведомления из Москвы, что церковь свободна.

- Призывали ли вы граждан к тому, чтобы они шли за Патриархом Тихоном, а не за "Живой церковью"?

- Призывал верующих неоднократно быть православными. В отношении же обновленческой церкви призыва против нее я не помню.

- Что за воссоединение церковей предполагалось вами, и каким путем предполагали вы это провести?

- Мною предполагалось возвращение к православию отпавших церковей, священнослужителей, как подчинившихся обновленческой церкви. Предполагал, что они

возвратятся путем, указанным церковными канонами.

- Что за работу предлагал провести епископ Сергей в своем письме?

- Как видно из содержания письма, работу по воссоединению отпавших от православия.

- Считаете ли вы чтение воззвания Тихона агитацией против обновленческой церкви?

- Чтение воззвания Тихона считаю исполнением долга как священника, подчиненного своему архипастырю.

- От кого вы получили это воззвание?

- От неизвестного человека, приехавшего из Москвы и передавшего это воззвание мне в церкви.

- Поинтересовались ли вы узнать, кто он такой?

- Не поинтересовался узнать, что это за человек, так как был занят богослужением. Более этого человека я не встречал.

- Где находится в настоящее время это воззвание?

- Находится это воззвание у меня.

- Признаете ли вы себя виновным в агитации среди граждан за Патриарха Тихона и против обновленческой церкви?

- Признаю себя виновным в агитации между православными гражданами в пользу православной церкви, возглавляемой Патриархом Тихоном, до тех пор, пока он остается православным.

Далее следователь дописал: "Гражданин Маккавеев после своего ответа делает оговорку: "Ответ мой объясняется содержанием заданного вопроса, а я считаю себя не виновным, а исполняющим долг православного священнослужителя". Следователь продолжил допрос:

- В отношении обновленческой церкви ответьте прямо: говорили ли вы что-либо или нет?

- Не помню.

- Были ли у вас какие-либо собрания между священнослужителями по поводу приезда епископа Сергия? Когда и что на нем обсуждалось?

- Специальных собраний не было, а были случайные встречи.

Далее следователь интересуется подробностями подготовки визита епископа Сергия: кто был за его приезд и кто против.

- Кажется, никто не высказался против. В другой раз при случайной встрече отец Алексей Богаевский был определенно против приезда епископа Сергия, считая его несвоевременным, - ответил священник.

- С кем вы считаетесь как с главою Таврической епархии?

- С архиепископом Никодимом. Епископа Сергия считаю временно управляющим православными приходами Таврической епархии.

- Считаетесь ли вы с лицами, поставленными главами Таврической епархии и ее уполномоченными на местах от обновленческой церкви?

- Нет, не считаюсь и не считаю себя вправе сноситься с ними как неправославными.

В таком же духе отвечал отец Петр и дальше, но, чувствуя, что следователь хочет уловить его на противоречиях, неточностях в формулировке ответов и обвинить в контрреволюции, в конце допроса дописал своей рукой: "Примечание священника П.Маккавеева. Из характера задаваемых вопросов и их постановки у меня создалось впечатление, что мне хотят навязать агитацию в пользу Патриарха Тихона, а я признаю Святейшего Патриарха Тихона только как архиерея Православной Церкви и

настолько, насколько он остается православным.

Священник П.Маккавеев.»

Следующим был допрошен диакон Василий Семенович Ильченко. На вопрос о его отношении к "Живой церкви" он ответил:

- Взгляд мой на старую Церковь таков: я ее рассматриваю как единую святую Апостольскую и Соборную Церковь. Новые церковные течения для меня непонятны, и я в них не разбираюсь и не склонен разбираться.

Далее он сказал, что признает главой Церкви Патриарха и что его воззвание отец Анатолий читал в указанное время.

- Как вы трактуете обновленческое и тихоновское движение? - спросил следователь.

- Для меня непонятно, к чему идет обновленческое движение, а тихоновское я понимаю как движение, идущее по указанному пути Христа.

- Знаете ли вы относительно каких-либо подписных листов к приезду епископа Сергия?

- Знаю о подписке гражданами о возведении меня в сан священника. Эта подписка готовилась к приезду епископа Сергия. В этой же подписке, то есть прошении прихожан, <...> выражается недовольство против настоятеля. В этом прошении говорится, чтобы, возведя меня в сан священника, епископ Сергей оставил меня в соборе на должности второго священника, а отец Воронин был настоятелем.

- Имел ли право сделать это Сергей?

- Имел, потому что он является временно управляющим Таврической епархией православных церквей <...>.

- Перед тем, как вы написали в ТЕУ о вашем отколе от него, вы, священнослужители, сговорились между собой

заранее?

- Да, сговорились.
- Кто был инициатором подачи этого заявления в ТЕУ?
- Инициатором подачи этого заявления был настоятель собора Владимир Соколов, который, объяснив нам положение, предложил подать заявление в ТЕУ о нашем отколе и присоединении к епископу Сергию, идущему за Патриархом Тихоном.

Из предосторожности диакон Ильченко прикрылся малодушным, всего боящимся настоятелем Александро-Невского собора протоиереем Владимиром Соколовым, "не предусмотрительно" поставившим свою подпись под обращением к епископу Сергию и уже не раз пожалевшим о случившемся. Теперь, когда ему повесткой вежливо предложили прийти в пограничный отдел на Грамматиковской улице в комнату № 9 для дачи показаний, он окончательно раскаялся в содеянном. В назначенное время он беседовал с уже упоминавшимся Грахловским. Следователю протоиерей Соколов попытался объяснить случившееся таким образом:

- Подписал я это заявление без желания и после долгих колебаний, но принужден был подписать, так как против меня велась агитация <...>, собирались подписи об удалении меня на покой. Мое удаление на покой объяснялось официально старостью лет и слабостью здоровья.

Далее настоятель начал жаловаться на происки "злобного" диакона Василия, что он "напрасно занимает лучшую часть дома" и прочие мелкие хозяйственные неурядицы и происшествия. "Одним словом, - подытожил протоиерей, - особо крупных споров между мною и им не было благодаря моей уступчивости".

- Если бы не было оказано давление на вас, писали бы вы заявление в ТЕУ об отколе?

- Нет. Я не писал бы и ожидал бы развития событий в церковной жизни и ответственности за такой шаг я не взял бы на себя.

Такая позиция импонировала следователю, и он любезно отпустил старца домой. В тот же день Грахловский допросил иерея Анатолия, который сразу же ему заявил:

- С обновленческим движением я не согласен, так как они сошли с канонической платформы и тем самым порвали связь с Церковью Вселенской.

- Кого вы признаете духовной главой Российской Церкви в настоящее время?

- В данное время признаю Тихона за каноническую главу Церкви.

- Что за воззвание, когда и какое содержание этого воззвания читалось вами в соборе?

- Воззвание Патриарха Тихона читалось мною в соборе в воскресенье на всенощной. Это воззвание в рукописи было взято у священника греческой церкви для ознакомления мною лично. Ознакомившись с воззванием и с заявлением Тихона в Верховный суд, я нашел возможным огласить это воззвание прихожанам собора, принимая во внимание их просьбы. Познакомился с этим воззванием настоятель собора Соколов, и мы стали решать, как отнестись к нему. Настоятель высказал мнение, что ненапечатанное воззвание неудобно возглашать, а необходимо удостовериться в том, что оно разрешено властями к печатанию, а следовательно, и к оглашению. Я присоединился к его мнению и сверил содержание рукописи с печатным экземпляром и удостоверился в их тождестве. Затем получил принципиальное

согласие настоятеля на оглашение этого воззвания и огласил его на своей седмице. Содержание воззвания заключается в следующем: Тихон объясняет переход власти к группе священников, образовавших ВЦУ. Затем задает вопрос: кого признают верующие - его или ВЦУ, то есть высший орган обновленческой церкви, объявляет, что отныне он снова воспринимает свои первосвятительские полномочия.

Следователь уточнил:

- Ваши дополнения к прочитанному воззванию Тихона.
- Я указал на то, что видно из воззвания <нрзб.>, что он, Патриарх Тихон, Советской власти не враг, следовательно, теперь и он не нарушает заповеди "воздайте кесарю кесарево, а Божие Богови" и слов апостола Павла: "всякая душа властям предержащим да повинуется", что теперь "его церковь" это получила и перед каждым из прихожан стоит вопрос, кого же признать главою Церкви. Лично за себя я сказал, что главою Церкви признал Тихона и спросил: "С кем же вы?"

- Писали ли вы заявление в ТЕУ и епископу Сергию о вашем отколе от обновленческой церкви?

- Писал от лица причта, и, подписавши, мы его отправили. Подписано было всем причтом.

- Кто был инициатором подачи этого заявления?

- Инициаторами подачи этого заявления был я и диакон Ильченко.

- Кто составил содержание заявления?

- Содержание намечено в общей беседе всего причта, написано мною на дому и отдано настоятелю для подписания.

Община протоиерея Петра Маккавеева оказалась наиболее подвижной и подготовленной к подобным не-

приятностям, и уже через несколько дней обратилась к властям с просьбой в связи с приближавшимся особо чтимым праздником Покрова Пресвятой Богородицы отпустить протоиерея Петра и его брата-псаломщика для совершения службы. "Непоколебимо верим, - писали прихожане Свято-Николаевского храма, - в снисходительное отношение Советской власти к нашей просьбе и заранее свидетельствуем ей всегдашнюю нашу готовность и преданность ее властям", - и сотни подписей. Власти решили испытать преданность и непоколебимую веру посмевающих просить о снисхождении.

14 октября 1923 года Грахловский написал: "Дело возникло по агентурно-следственным материалам и по отношению ГПУ Крыма от 11 августа 1923 года. Агентурно-следственным материалом указывается <...>, священнослужители <...> поминают бывшего Патриарха Тихона, архиепископа Никодима и епископа Сергия и читают воззвание Тихона⁷, агитируя среди верующих масс о признании его духовным главой, и тем самым, признавая его сан <...>. Священник П.Маккавеев и псаломщик Маккавеев Иван являются вредными элементами. Уже находясь под арестом, Маккавеев Петр неоднократно говорил о том, что, арестовывая священников вообще и его в частности, власти этим самым будируют массы против себя и что этим самым власти не обращают внимание на нужды масс. Это выражение было громогласно заявлено в помещении комендатуры Погранотделения в присутствии многих посторонних лиц <...>. Кроме того, 25 августа с.г. за всеобщей службой свя-

7 12 января 1924 г. прокуратура Крыма разослала письменное уведомление во все города и районы с рекомендацией не подражать коллегам из Петрограда и Новгорода, которые дали указание органам преследовать священников, сохранивших верность Патриарху.

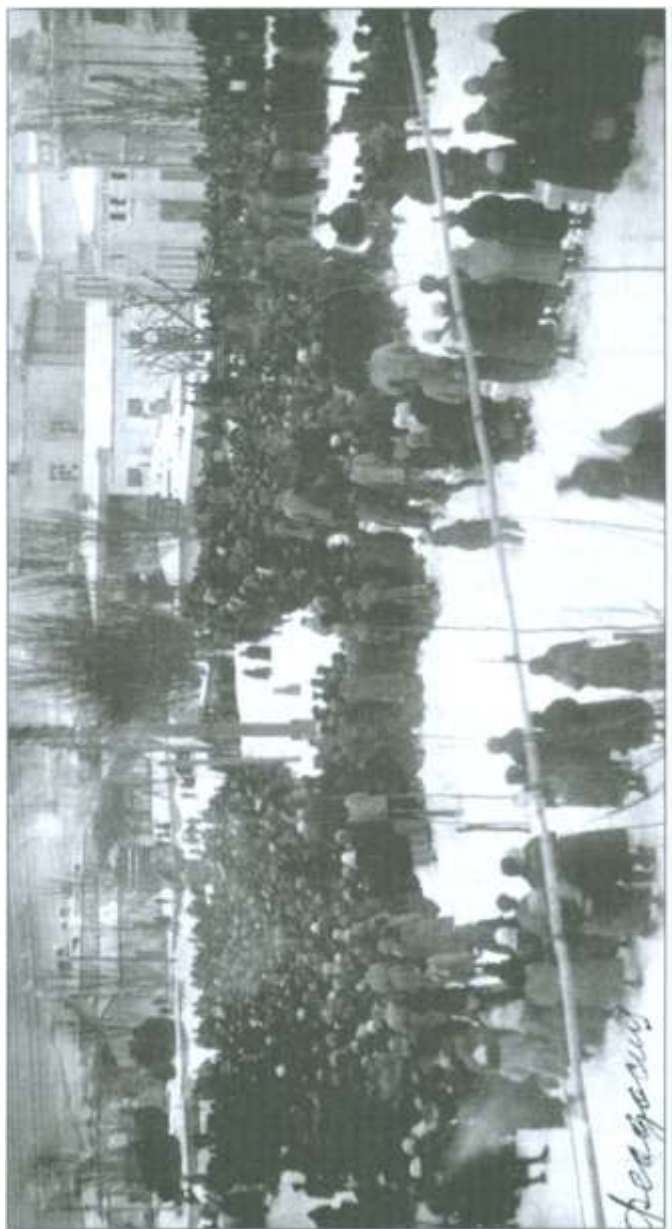
щенник Воронин прочел воззвание Тихона. Почитавших его среди верующих масс он начал агитировать за признание Тихона духовной главой Церкви. Агитация его выразилась в том, что он сказал зажигательную речь <...>. Весь причт собора написал заявление о своем отмежевании от Священного Синода и присоединился к тихоновской церкви, признавая его главой <...>.

При допросе как священник Воронин, так и диакон Ильченко не признали своей вины, считая поминование при богослужениях и признание его главой Церкви внутренним церковным распоряжением, не относящимся к делам административных властей <...>.

Священник Воронин и диакон Ильченко являются вредными своими агитациями, и, кроме того, Ильченко вторично привлекается за агитацию. Первое привлечение Воронина в марте месяце 10 дня текущего года совместно со священником Поляковым".

Эта бумага 22 декабря легла на стол Уполномоченного СО СОЧ ГПУ Крыма Шолох-Терлецкого. Изучив материалы, он наложил резолюцию: "Вредный антисоветский элемент" — и постановил в административном порядке всех выслать за пределы Крыма на 5 лет.

В 1925 году протоиерей Петр снова появился в Феодосии, как и прежде, был предан патриаршей церкви, но дальнейшая его судьба неизвестна. Протоиерей Михаил Польский утверждает, что он был расстрелян.

Траурный митинг в Феодосии по случаю смерти В.Ленина. 1924 г.

Вернувшись из ссылки в Феодосию, отец Анатолий, как и прежде, с головой погрузился в церковную жизнь, но ненадолго. В свое время протоиерей Владимир Поляков, спасая церковные ценности от изъятия, совместно со

старостой Александро-Невского собора Николаем Демяновичем Романенко зарыл их в деревне Оту-зы в саду неподалеку от колодца у Людвиг Моисеевича Альмендингера. Бывшая жена Н.Д.Романенко по какой-то причине 8 августа 1926 года сообщила об этом в ГПУ, и уже 20-го того же месяца Романенко был арестован. А 2 декабря арестовали и отца Анатолия с обвинением в укрывательстве имущества собора. На допросе Воронин сказал: "Священника Полякова Владимира, когда он был настоятелем Александро-Невского собора, я не застал, т.к. он передо мной в 1923 году был выслан. За все время моего служения в соборе я ни от кого ничего относительно скрытых ценностей не слышал, и мне ни о каких ценностях никто ничего не говорил. Романенко, бывший староста, утверждает, что ценности он не считает соборными, и оттого о них никому не сообщал. Виновным себя не признаю. Прежние показания подтверждаю".

Прихожане собора, почитатели молодого священника, обратились с письмом в ГПУ Феодосии:

"<...> Прошло уже 10 дней, а священник Воронин все еще находится под стражей, хотя ГПУ делегатам церковного приходского совета было обещано в течение двух или трех дней выяснить его положение. Священник Анатолий Воронин состоит председателем Церковноприходского совета Александро-Невского собора г. Феодосии, он нужен для правильной жизни соборной общины, его отсутствие волнует прихожан и порождает ненужные слухи и разговоры. Кроме того, отец Анатолий Воронин - человек больной, содержание его под стражей тяжело повлияет на его расстроенное здоровье. Поэтому просим ГПУ освободить священника Анатолия Воронина под поручительство граждан, подписавшихся под

заявлением. Причем обязуемся представить его по первому требованию властей".

Настойчивые обращение только ухудшили положение Воронина. Из прокуратуры за подписью Венгерского в комендатуру 4-го участка ГПУ Крыма пришло письмо: "Считаю, что целью мероприятий Советской власти по изъятию церковных ценностей имело в виду облегчение условий переживаемого Советской Республикой голода, и таким образом, сокрытие этих ценностей, нарушающее изданный на этот предмет правительством декрет, имеет под собой политическую почву, так как нарушением декрета преследовалась цель противодействия нормальной деятельности госучреждений в условиях переживаемого голода. Предлагаю Вам переквалифицировать предъявленное гр. Романенко, Воронину и Альмендингеру обвинение по ст. 10-63 УК.

<...> Кроме того, и в том, что в 1924 году Романенко Н.Д. добровольно принял на себя обязательства секретного осведомителя Феодосийского ГПУ, не только их не выполнял, но как это следует из факта сокрытия им церковных ценностей, умышленно и злобно свои обязательства нарушал, за что подлежит суровой ответственности".

Прихожане снова и снова приходили к стенам ГПУ, со слезами просили о своем духовнике, и власть имущие чекисты, раздраженные евангельской настойчивостью православных города, отправили священника Анатолия Воронина в Симферополь. А там его в рабочем порядке осудили за недоносительство о сокрытии 49 фунтов обыкновенной церковной утвари, но через некоторое время ввиду абсолютной его непричастности к делу отпустили, впрочем, чтобы вскоре снова арестовать.

Его матушка Ольга Наумовна вспоминает:

"После неудавшихся уговоров его стали ссылать уже на годы - три, пять, семь лет. И все дальше от дома - на Соловки, Медвежью Губу, Каспийское море, на какой-то остров, где даже не было пресной негорькой воды, на Кавказ, в горный монастырь на хуторе Дран- ды. И даже, как это ни покажется странным, его сослали один раз в Москву.

Ходатайствовать о его освобождении меня послала в столицу община - дали денег на поездку, собрали три тысячи подписей в защиту батюшки.

Приехала я в Москву. Был сильный мороз. В Военную прокуратуру я заняла очередь с ночи. Сторож у ворот, видя, что я легко одета, разрешил мне посидеть в его будке и вдобавок дал мне еще свою шубу.

Подписи помогли, и отца Анатолия отпустили. А в Москве он служил в старообрядческой церкви и был награжден Патриархом Тихоном за усердие и проповеди крестом с красивой прорезной цепью. Я так этому была рада, потому что собственного креста у батюшки не было, и носил он крест расстрелянного священника (этот крест дал ему в свое время благочинный отец Алексей).

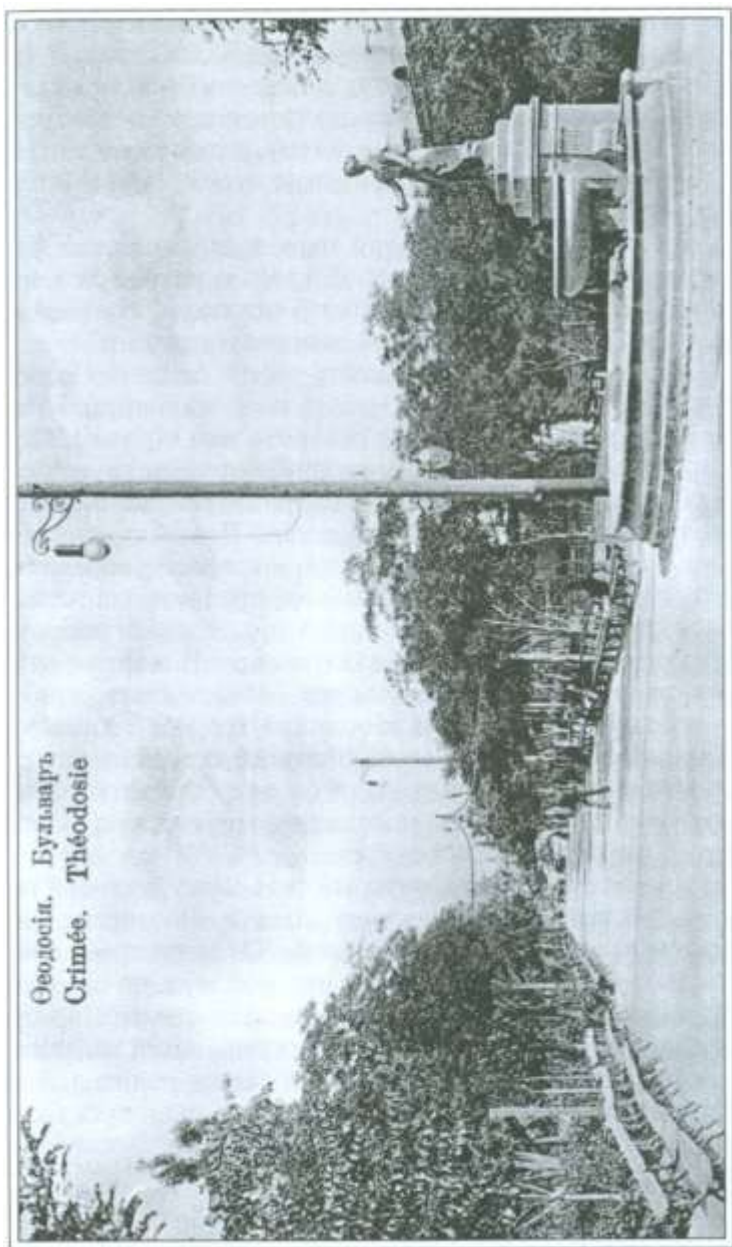
Я благодарна всем людям, кто оказывал нам помощь в трудные дни. Когда мне нужно было ехать в Дранды, две милостивые молодые женщины - сестры (они работали на табачной фабрике) подарили мне выданные им платья - спецодежду. Это было как раз кстати, тогда у меня не было крепкого платья ехать в чужие люди. И еще много было таких случаев. Вот почему я потом всю жизнь старалась из последнего помогать людям, я отдавала им свой неоплатный долг.

Когда отец Анатолий жил в Драндах, в монастырском

хуторе, он заболел тропической малярией. Я оставила детей у родных мужа и поехала в Дранды. Но в Сухуми мне пришлось задержаться. С помощью монахов и монашек я устроилась прислужгой в состоятельную и добрую грузинскую семью. Я плакала по ночам о своих оставшихся детях, нянча чужого ребенка. Но утешала себя тем, что у меня появилась возможность в выходные дни ездить к мужу в Дранды.

На хуторе жили десять стариков-монахов. Все они, как и отец Анатолий, болели тропической малярией. Сначала я стеснялась находиться в мужском монастыре. Но когда увидела, какое там горе, поняла, что им нужна помощь. Монахи лежали в кельях, стонали, их ужасно трясло. Помогала им старая монахиня. Но что она могла сделать? Я была молодой, здоровой. Помогала во всем, как могла. Я стирала и чинила белье, делала много других дел. Эти бедные старики кричали: "Матушка, подойди ко мне..." И я бегала их обслуживать. Иногда отец Анатолий вставал с постели и грел воду в котле, а я затем занималась стиркой на улице, на холме. Видя, что моя помощь была монахам необходима, я особенно радовалась, когда хозяева давали мне лишние выходные, а еще жертвовали деньги для гостинцев старикам, нитки и куски материи для починки их белья.

В Сухуми я прожила три года, пришел приказ моему мужу переехать в Баку. Я просила, чтобы он взял меня с собой, но отец Анатолий отказал: "Это невозможно. Я даже не знаю, что меня там ожидает".

Мне оставалось лишь ждать вестей от него. Но вести не шли. И вот как-то мои хозяева сообщили: "Мы не хотели несколько дней говорить вам об этом. Поезд, в котором ехал отец Анатолий, потерпел крушение

- об этом сообщалось в газетах". Я сейчас же поехала на ту станцию, где было крушение. В списках погибших мужа не нашла, но вещи его - коврики - опознала. Это окончательно запутало ход предположений. Я поехала искать отца Анатолия в тифлисскую тюрьму. Чтобы купить билет, продала пальто. В тюрьме мне ответили, что Воронина там нет. "Может быть, жив?"

- мысль будоражила и заполняла все мое сознание. Как оказалось позже, отец Анатолий спасся от катастрофы чудом. Его арестовали на одну станцию раньше перед крушением и посадили в тифлисскую тюрьму. А вещи остались в поезде.

Но тогда об аресте, который спас мужу жизнь, я не знала. В тоске и горе я вернулась в Феодосию. Но вскоре пришлось покинуть Крым. От меня требовали платы военного налога за то, что мой муж не служил в армии. В противном случае грозили описать вещи. Я одолжила денег на дорогу и, оставив детей на попечении родителей мужа, уехала к своим родителям в Рязанскую область. По совету отца я окончила бухгалтерские курсы. Стала работать в банке. Тосковала и плакала о детях и муже.

Как-то получаю письмо от родной тетки моего мужа. Анатолий через нее просил передать мне, что его будут везти на север через Москву. Он называл точно дни, когда он будет находиться в Бутырской тюрьме. Правдами-неправдами я добралась до Москвы, но свидания и переписки мужа лишили. Мне передали лишь его грязное белье для стирки.

Я очень долго ждала трамвая у Бутырки, плакала, не зная, что делать с бельем: мне необходимо было уже возвращаться, стирать негде и некогда. Ко мне подходит женщина. Узнаю, что она из Киева и приехала сюда (о, чудо!), чтобы обслуживать заключенных священников. Ее, монахиню, направила сюда община⁸. В тюрьме в это время сидело все духовенство вместе с епископом. "Вот я и Вашего мужа обслуживаю", - она записала все сведения об отце Анатолии и взяла белье. Как я потом узнала, монахиня все добросовестно исполнила - белье выстирала, сделала заплаты на брюках. Но когда она одежду принесла в тюрьму, передачу не приняли, оттого что были заплаты. В этот же день отец Анатолий так и поехал на Соловки в кальсонах да в драном подряснике (так он писал). В Соловках в то время сидело много священников. Они-то и одели отца Анатолия "с ног до головы".

...Годы шли, ссылки продолжались. Я уже переехала к родителям в Москву. Работала там бухгалтером. Анатолия в то время перевели на строительство канала Волга—Москва. К нему на поселение в Тарасовку (недалеко от Москвы) переехала и я. Перевезли детей из Крыма. Анатолий уговаривал меня поступить на работу на канал. Но отец не посоветовал выписываться из Москвы, так как обратно меня ни за что не пропишут.

В 1934 году у меня родился Виктор - наш третий ребенок, и умер отец. Мы жили на окраине столицы, в

⁸ Известно, что по благословию священномученика епископа Макария (Кармазина) оказывалась целенаправленная помощь арестованному духовенству. Этим занимались монахиня Любовь (Голицына) и А.С.Лепешкина. Как правило, им заранее сообщали, кто окажется в Бутырке.

⁸ Архиепископ Никодим (Кротков), возглавлявший в то время Костромскую епархию, помнил и любил крымских священнослужителей, запечатлевших свою верность Православной Церкви подвигом исповедничества. Многие священники, отбывшие срок в лагерях и тюрьмах, уже были им приняты и устроены на приходы.

избушке, утепленной отцом. Анатолий был освобожден. Духовные власти направили его священником в Кострому*. А я с тремя детьми и матерью жила в Москве.

Перед войной мужа послали на лесоповал в костромские леса. Когда объявили войну, наш старший сын Иларион, семнадцати лет, добровольно со своим классом пошел на фронт. Но стало известно начальству, что его отец - священник. Илариона отделили от товарищей и отправили в штрафной батальон. В 1943 году наш мальчик погиб. Мой муж тоже ушел на войну, был два раза ранен, награжден, дошел до Берлина и вернулся в Кострому. Но церковь его была закрыта. Отец Анатолий приезжал к нам в Москву, ходил к высшему военному начальству, и они предписали открыть храм. После войны он прослужил пять лет, в 1950 году заболел и однажды упал в церкви во время службы. "Скорая помощь" отвезла его в больницу. Ему сделали операцию - оказалось, рак кишок. Медики направляли его в Москву под наблюдение врачей, и он жил у нас один год. После операции он поправился, стал вновь цветущим, красивым. Но сделалась вспышка рака, открылись три раны на животе. Врачи уже ничего поделать не могли. Он умирал у нас, очень мучился. Сердце останавливаться не хотело, ведь ему было всего 47 лет. Но сделался страшный жар, который сжег его. Отец Анатолий прощался с нами. Я до сих пор чувствую его последнее огненное объятие.

...Его гроб, такой длинный, занимал всю избушку. Ночью с сыном мы лежали, обнявшись, на полу у гроба и горько плакали. Его хоронили на немецком Введенском кладбище. Чтобы вынести гроб, пришлось вынести в окне раму. А он, бедный, нашел покой так далеко от любимого дома".

Вернемся в Феодосию к уже упомянутому протоиерею Алексею Богаевскому, умеренная позиция которого помогла избежать ему ареста. Чуткий к общественным переменам и настроениям собратьев по служению, он подчинился настоятельным требованиям нескольких священников и 21 августа 1925 года обратился в Феодосийскую милицию с просьбой провести собрание и обсудить "назревшие проблемы внутрицерковной жизни благочиния". Председатель Феодосийского райисполкома Липшиц разрешил, но с условием не уклоняться от повестки дня, которую он утвердил. На собрании предполагалось обсудить: 1) В состоянии церковной жизни в Феодосийском благочинном округе в 1923-1925 годы; 2) О выборах благочинного совета; 3) Выборы благочинного округа; 4) Рассмотрение текущих дел".

Разрешенное властью собрание состоялось 1 октября 1925 года; на нем присутствовало 15 священников, 7 псаломщиков и 28 мирян. С правом решающего голоса от "пятидесяток", имеющих зарегистрированный устав, присутствовало 43 человека, а от "двадцаток" - 7 человек.

Председателем был избран протоиерей Алексей Богаевский, секретарем - иерей Анатолий Воронин.

С докладом выступил отец благочинный, описав обстановку, в которой оказались феодосийские храмы за последние годы. Он отметил, что решение на благочинническом собрании 1923 года о подчинении обновленческому Таврическому епархиальному управлению "носило временный характер, так как клиру и мирянам не до конца были ясны цели и задачи "обновления". Майский Поместный собор 1923 года, прошедший под флагом "обновления", принял ряд решений, которые нарушили постановления ряда Вселенских соборов <...>.

Организация Высшего Церковного Управления в Русской церкви на партийных началах была таким неудачным созданием собора 1923 года, что возникший через несколько месяцев Священный Синод, заменивший ВЦУ, отменил это постановление". Далее протоиерей А.Богаевский говорил о том, что в Феодосийском благочинии стало известно об освобождении из заключения Святейшего Патриарха Тихона и о том, что по его благословению Таврическую епархию стал окормлять епископ Мелитопольский Сергей (Зверев), и ситуация в благочинии изменилась. К тому же решения обновленческого собора клирики и миряне категорически отказались признавать, и он, протоиерей Алексей, всем, кто к нему обращался за разъяснением об обновленческом ТЕУ, рекомендовал эту проблему решать самостоятельно. В свое оправдание он заявил, что в 1923 году пытался провести благочинническое собрание, но ему не позволила власть, т.к. "большинство приходов округа к этому времени не прошли перерегистрацию". Но после того, как он получил письмо от архиепископа Никодима (Кроткова) в

1923 году с просьбой изложить положение дел, у него завязалась переписка с бывшим Таврическим владыкой, в процессе которой он "переосмыслил свою позицию и порвал с Таврическим епархиальным управлением". И когда в январе 1924 года в Феодосию прибыл обновленческий архиепископ Александр (Раевский), "к этому времени в деятельности ТЕУ накопилось столько непродуманного, нетактичного и вредного для церкви, что достаточно было на пастырском собрании откровенно все изложить архиепископу Александру, чтобы последний убедился, что о восстановлении прежней связи округа с ТЕУ не могло быть

и речи. Архиепископ Александр, смущенный неподатливостью феодосийского духовенства, оставил нас в покое, а через некоторое время сам отошел от обновленческой церковной власти, покаявшись перед Патриархом Тихоном".

Но это не помешало обновленческому ТЕУ считать Феодосийский округ своим и присылать очередные распоряжения. Особенно усилилось давление с появлением в городе епископа Василия Знаменского, бывшего ректора Таврической духовной семинарии. 3 ноября 1922 года он уклонился в обновленческий раскол и, будучи вдовым, был хиротонисан во епископа Липецкого, викария Тамбовской епархии. А в июле

1924 года он был назначен епископом Таврическим и Симферопольским и в том же месяце, 18 числа, возведен в сан архиепископа. У протоиерея Богаевского отношения с ним не сложились. В ноябре 1924 года обновленцами был созван епархиальный съезд, но отец Алексей отказался выполнять его распоряжения, и тогда благочинным Феодосии от обновленческого ТЕУ был назначен протоиерей Михаил Сеницын.

В июле 1925 года Сеницын попытался усилить влияние обновленцев в городе и организовал съезд, но для принятия решений священников прибыло слишком мало. И более того, колеблющиеся приходы обратились к протоиерею Богаевскому, чтобы он снова стал их благочинным. На этом съезде выступил недавно возведенный в сан обновленческий архиепископ Павел Масленников. Он попытался в своем обращении к собравшимся показать "антигосударственную деятельность Патриарха Тихона" и "предложил съезду признать власть Синода". Его выступление постоянно прерывалось репликами

протоиерея Петра Маккавеева и иерея Анатолия Воронина. Все предложения обновленческого архиерея были отвергнуты. Надо сказать, что архиепископ Павел Масленников был проблемным человеком. Много раз увольнялся с должности "за неуживчивость, сварливость характера, не подобающее для архиерея поведение и крайнюю невосдержанность во всем".

Вопреки обновленческим инициативам собрание приняло следующие решения:

"1) Так называемый собор, состоявшийся в Москве в мае 1923 года, нарушил апостольские правила: а) осудив Патриарха Тихона (заочно), допустив второбрачие священнослужителей, пресвитеров и диаконов <...>, а также допустив женатых епископов, <...> твердо следуя апостольским святоотеческим правилам, мы не можем признать бывший в Москве в мае месяце 1923 года собор каноническим и отвергаем его незаконные постановления.

2) Решение благочиннического собрания Феодосийского округа от 31 января 1923 года, коим Феодосийский благочинный округ поставил себя в подчинение

Скорбященский храм
в селе Насыпкой (ныне – Насыпное).
Фото конца 1980-х годов

Таврического Епархиального Управления, а через нее и новой (обновленческой) ныне Синодальной церковной власти, считать утратившим свою силу, а посему отменить, так как условия, при наличии коих мыслилось это подчинение, нарушено деяниями Поместного Собора Русской Церкви, состоявшегося в мае 1923 года.

3) Признавая Русскую Патриаршую Церковь, считать Феодосийский благочинный округ в составе следующих общин: Александро-Невского собора г. Феодосии, Всехсвятской кладбищенской церкви г. Феодосии, Екатерининской церкви пос. Сарыголь, Скорбященской церкви с. Насыпкоя, Казанской и Пантелеимоновской церквей г. Феодосии, Успенской церкви г. Старый Крым, Александро-Невской церкви с. Болгарщипа, Александро-Невской церкви д. Байгуджи, Александро-Невской церкви д. Ички, Знаменской дер. Кишлав в общении и подчинении осуществляемой в настоящее время власти Патриарха его Местоблюстителем митрополитом Петром (Крутицким), имя коего и возносить за богослужением.

4) Почитаем своим законным Архипастырем архиепископа Симферопольского и Крымского Никодима, а временно управляющим епархией - епископа Мелитопольского Сергия, ввиду их отсутствия ходатайствовать через епископа Сергия перед митрополитом Петром (Крутицким) о назначении в город Феодосию православного епископа с правами викарного епископа или же временно управляющего Таврической епархией.

5) Считать Феодосийский округ в составе общин <...> в союзе и подчинении Патриаршему Местоблюстителю - как выразителю чистого православия.

6) Рекомендовать общинам, вошедшим в общение и подчинение Патриаршего Местоблюстителя, внести

дополнение в Устав в следующей редакции: §1 (название религиозного общества) имеет целью объединение граждан православного исповедания в районе (села или города) на догматах или обрядах Русской Православной Церкви, возглавляемой согласно постановлению Поместного собора Русской церкви 1917- 1918 годов, властью Патриарха, а ныне осуществляется властью его Местоблюстителя".

На собрании был выбран совет благочиния, а благочинным — протоиерей А.Богаевский. Но это подтверждение утраченных полномочий обернулось для священника преследованием. 24 декабря 1925 года ГПУ Крыма направило в ЦАУ представление о том, что на собрании была нарушена повестка дня. На этом основании 7 января 1926 года начальник ЦАУ Лаубе потребовал привлечь Богаевского к административной ответственности. Б.Тавровский, руководитель церковного стола, в мае

1926 года выполнил поручение; он нашел, что из 16 присутствовавших на съезде общин лишь 6 имели уставы, а остальные только договора, заключенные с исполкомом на время службы в храме. После болезненных трений и переговоров 9 июля 1926 года члены совета благочиния протоиереи А.Богаевский, А.Гладков, А.Воронин, М.Тищенко и В.Бойко были вынуждены дать начальнику административного надзора Борщевскому подписку о прекращении своей деятельности.

Неприятности и скорби объединили православных города и подтолкнули их к наступательным действиям. После праздничной литургии в день памяти первоверховных апостолов Петра и Павла собрание общины Александро-Невского собора решило пригласить настоятелем храма епископа Кирилла (Соколова Виктора

Ивановича).

Испытавший гонения протоиерей Алексей Богаевский не стал противиться инициативе общины и согласился. Власти дали разрешение на въезд епископа Кирилла в январе 1926 года, он поставил в известность крымские власти о том, что приступил к исполнению своих обязанностей.

Православные люди к нему потянулись, увидели и признали в нем своего архипастыря, и уже 2 марта 1926 года сам владыка обратился в ЦАУ Крыма с заявлением

о том, что под его омофор захотело прийти 23 общины и они желают видеть его своим архиереем. В своем заявлении он писал: "Я считаю своим долгом определенно и решительно заявить Советскому правительству, что я не только корректен и лоялен, как принято теперь выражаться, к нему, но и считаю себя верным подданным Советской власти, по совести непринужденно ей подчиняюсь. В своей епископской деятельности я не допущу не только никакой контрреволюции, но и неприязненного к властям отношения, впрочем, во вверенной мне епархии среди духовенства и нет контрреволюции. Я могу заявить об этом совершенно спокойно. Лишь по этому пути я намерен вести паству. В основу своей пастырской деятельности я полагаю Слово Божие и каноны Святой церкви, а в основу взаимоотношения с правительством - декрет об отделении церкви от государства и основанные на этом декрете узаконения, распоряжения и разъяснения правительственных органов".

Уверения в лояльности к власти не умягчили безбожных сердец, и в марте 1927 года ГПУ Крыма внесло в ЦАУ предложение не регистрировать епископа Кирилла

(Соколова) в качестве епархиального архиерея, а оставить за ним только настоятельство в Александро-Невском соборе, что не помешало ему оставаться для верных православных архиереем со всеми вытекавшими отсюда последствиями. В апреле того же года к владыке Кириллу обратились обновленцы с предложением "прекратить церковный раскол" и создать единое управление в Крыму. Переговоры попытался провести обновленческий епископ Модест (Никитин), но у него ничего не вышло.

Верующие приглашали епископа Кирилла на праздничные богослужения по всему Крыму, прислушивались к его мнению, порывали с обновленчеством и возвращались в патриаршую церковь. Активность православного архиерея не осталась без внимания властей. Враги церкви организовали грязные, клеветнические статьи в газетах. Керченская газета "Маяк коммуны" 19 июля 1927 года опубликовала ерническую статью "Епископ на гастрольях" о поездке архиерея с протодиаконем Бондаренко в Севастополь и Инкерман, где епископ Кирилл был изображен высокомерным чиновником, а протодиакон - развратным пьяницей. Из-за всё возрастающей травли владыка Кирилл по благословению Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия покинул Феодосию. Ему пришлось пройти тюрьмы и лагеря, и в 1937 году его расстреляли.

Протоиерей Борис Котляревский

Непосильная тяжесть трагических событий истощила душевные силы, измучила не только жителей Феодосии, но и крестьян Восточного Крыма, и в ответ на деспотическую реальность у них появились возвышенно наивные фантазии о скорых переменах к лучшему. Обиженные властью сельские жители охотно поверили слухам о некоей организации⁹, которая собиралась переменить политический строй в Советской России и подарить крестьянам долгожданную свободу.

Начиная с 1922 года, по слухам, подтверждаемым другими слухами, из-за границы прибыл некий командир для организации работы среди немецких и болгарских колонистов, и зовут его Петр Романович Иорги. По всей видимости, это был энергичный и властный человек с твердым и решительным характером, хорошо знавший крестьянскую психологию и умело манипулировавший народными представлениями о справедливости и правильном устроении жизни. Ни у кого из крестьян не вызывала сомнения простая мысль: так продолжаться больше не может¹⁰, а стало быть, организации надо

9 Как известно, в Крыму в то время было много повстанческих отрядов, численность которых колебалась от 20 до 70 человек. Еще в марте 1919 года местная газета сообщала: "Повсеместно появляются шайки бандитов. Шайки берут заложников, требуя выкупа. В связи с действием шаек помещики уезжают из экономии в город, что грозит большими сокращениями посева". В межведомственной переписке того же года читаем: "Из Симферополя 23/1-1919 года Евпаторийская шайка ликвидирована, убито 117 человек, незначительная часть прорвавшихся преследуется".

И еще одно любопытное свидетельство того времени. "20 арестантов-большевиков из Симферопольской тюрьмы были отправлены по железной дороге в Керчь. Среди них находится матрос Мурзак, который во время большевистского господства принимал активное участие в зверских убийствах многих офицеров, еврейка Немич, лично руководившая истязаниями и убийствами офицеров в Евпатории, и другие. В пути арестанты сделали попытку взбунтоваться, ранили трех офицеров и все были расстреляны конвоем и тут же зарыты у полотна железной дороги".

10 В невозможности согласиться с происходящим убеждал еще и голод. Трупы умерших людей неделями не убирались с улиц. В ряде городов количество населения

помочь, за светлое будущее надо уже сейчас заплатить своим нехитрым добром. Ему отдавали лошадей, баранов, сукно - якобы для пошивки шинелей для несуществующей армии и прочее. Иногда Петр Романович действовал очень решительно, со властью в голосе предлагал идти за ним и заслужить его доверие, мол, "тогда все узнаете...", а сомневающимся угрожал оружием и говорил: "Если не согласитесь сегодня, завтра с вами покончу..." и требовал письменного свидетельства, подтверждающего верность ему, которое сам диктовал оробевшему крестьянину. Из страха некоторые крестьяне давали ему подобную бумагу, но, как правило, не вполне понимали, что там было написано. На всякий случай он предупреждал, что заявлять властям о случившемся бесполезно, так как "всюду свои люди". Более доверчивым и простодушным он рассказывал, что едет за границу, где "у великого князя Николая Николаевича есть свое войско", с которым они собираются пойти против Советской власти, и что они с Петром Ивановичем, а он, главное лицо, состоит в организации и собирает сведения о том, как люди относятся к Советской власти. Он умел красиво и убедительно поговорить о плохой жизни, грабежах, беспорядках и несправедливости, о которых, впрочем, крестьяне сами знали не понаслышке. Подготовив идейную базу, он искусно переводил разговор в практическое русло: "Надо что-то делать... есть люди... надо организовать, чтобы улучшить положение крестьян".

Наиболее трезвым и рассудительным подобные за-

уменьшилось почти наполовину. В Крыму появились мертвые села, все жители которых умерли от голода. Голод сопровождался тифом, дизентерией, убийствами, грабежами и даже каннибализмом. В сводках ЧК от 3 марта 1922 года говорится: "Ужасы голода начинают принимать кошмарные формы. Людоедство становится обычным явлением".

явления представлялись не вполне убедительными, в чем-то неправдоподобными. Таким был умудренный жизненным опытом крестьянин Горбачев, он имел своих сторонников и пользовался у них авторитетом. До времени он присматривался, собирал факты и, когда убедился, что пора действовать, собрал крестьян и спросил: "Что есть Петр Иванович, как не бандит с группой?" Народ зашумел и стал возражать: "Петр Иванович в высшей степени честный человек. Он наш и нас понимает". Тогда Горбачев рассказал, как он узнал о многих проделках Петра Ивановича, установив за ним пятнадцатидневное наблюдение, после чего пришел к определенному выводу, что он бандит. "Лошадей Дмитрия Богданова, - сказал Горбачев, - он продал в Симферополе, а говорил, что они в руках организации, чему все мы поверили и считали его чуть ли не святым человеком".

Посоветовавшись, обманутые крестьяне с нарочным вызвали из Феодосии Петра Ивановича и снова собрали совет, на котором Горбачев открыто заявил: "Петр Иванович водил всех нас за нос. Мы это установили, никакой организации нет, все мы были под его гипнозом..." и так далее. Когда Горбачев закончил обличительную речь, указывая на свидетелей, собравшиеся захотели с Петром Ивановичем расправиться, но он изловчился и убежал. Разоблачения в подполье затруднительны, трудно доказуемы, и Петр Иванович со своим напарником Петром Романовичем продолжали действовать в том же духе.

Как-то раз к Петру Яковлевичу Урумбегликову, проживавшему в селе Османчик, ночью пришел односельчанин Георгий Хапов и сказал, что в деревне собрались несколько человек и просят его прийти к ним. Петр

Яковлевич подумал, что его зовут на вечеринку и, ничего не подозревая, пошел за Хаповым. У него дома он встретил своих односельчан и еще одного незнакомого ему человека, который вел серьезную беседу с присутствовавшими. Прислушавшись, Хапов понял, что неизвестный просит о материальной поддержке на какое-то важное дело, и деликатно поинтересовался, о каком таком деле идет речь, на что незнакомец отозвался в том смысле, что на такие вопросы непроверенным людям он отвечать не желает. Петр Яковлевич посидел немного и ушел, так и не сообразив, зачем его звали. Через две недели к нему пришли те же односельчане и предложили

Феодосийский базар. Начало XX в.

поехать с ними в Старый Крым, так как их "начальник, неизвестный ему человек, которого он видел, требует его к себе". По понятным причинам Петр Яковлевич возмутился: "По какому такому нраву меня кто-то вызывает?" И услышал в ответ, что его наметили для какого-то общества. После долгих уговоров не-

доумевавший Петр Яковлевич согласился поехать. На конспиративную квартиру в Старом Крыму, где они остановились, пришла женщина, о чем-то поговорила с хозяином и вышла. За ней вышли все. Женщина шла впереди и постоянно оглядывалась, чтобы не потерять приехавших из виду, затем показала знаком, в какой дом им войти. Это оказался дом местного священника Бориса Котляревского⁶, служившего в Свято-Успенском храме⁷.

"Войдя в комнату, незнакомец стал меня сразу же обвинять в нежелании прийти по первому зову, заявляя, что раз он меня потребовал, то я обязательно должен явиться, и заявил при том: "Кто пойдет за мной, тот человек наш, кто пойдет против, тот не минует расправы", - и указал на имевшийся у него револьвер, заявил Урумбегликов на допросе. И стал после этого говорить о том, как он готовит в России партию, которая должна произвести переворот. И что его поддержат крестьяне, недовольные налогами и порядками управления".

При этом разговоре присутствовал священник Борис, но внешним видом своего отношения не показывал. Скорее всего, он не имел отчетливого представления, кто этот

г. Старый Крымъ. Успенская церковь.

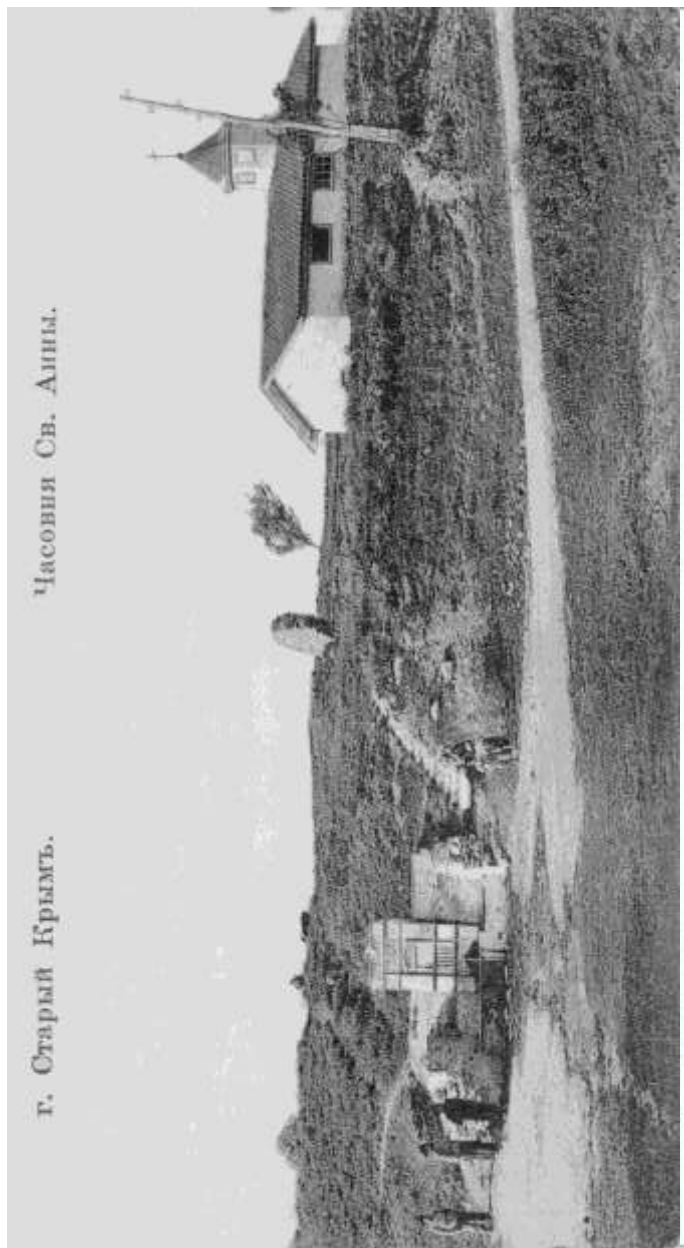
Видовая открытка начала XX в.

Общий вид Старого Крыма. Фото 1920-х годов

г. Старый Крымъ.

Часовня Св. Анны.

Часовня Св. Анны и источник святого великомученика Пантелеимона. Начало XX в.

Петр Иванович и что он хочет. Открытый людям, отец Борис, вопреки своей воле, столкнулся с авантюристом и в результате поплатился за это жизнью.

В конце июля 1923 года к священнику пришла его хористка Анна Феофиловна Кретинина и привела с собой неизвестного, который, как выяснилось позже, оказался Петром Ивановичем, представила его как своего знакомого, бывшего офицера. Она и раньше говорила, что у нее есть знакомый, который может посвятить отца Бориса в политические проблемы. Но священник энтузиазма не проявлял и политикой, по всей видимости, особенно не интересовался. Во время знакомства с отцом Борисом Петр Иванович рассказал о существовании политической организации, "которая хочет улучшить положение народа", но о ее структуре и численности говорить не стал. "Говорил только о том, - как впоследствии скажет отец Борис, - что нужно подготовить народ к народовластию путем агитации, указывая на тяжелое положение крестьян и духовенства при существующем строе. О себе он говорил, что он из болгар и является руководителем организации". Петр Иванович предложил священнику оказать всестороннюю помощь организации, но отец Борис уклонился от сомнительных отношений. На этом беседа закончилась, и Кретинина ушла с Петром Ивановичем.

Спустя некоторое время он снова пришел к отцу Борису с просьбой поговорить у него на квартире с двумя болгарскими, одним из которых был Петр Яковлевич Урумбегликов. Разговор происходил на болгарском, и хозяин дома ничего не понял. Через полчаса все разошлись. После этого визита отец Борис и матушка Серафима, почуяв неладное, запротестовали и попросили

А.Ф.Кретинину, чтобы она своего знакомого больше в их дом не приводила. И загадочный "эmissар" больше не появлялся.

Дальнейшие похождения авантюристов, стилизовавших свое мошенничество под борьбу за крестьянскую правду, как и следовало ожидать, привели к аресту. В руках чекистов оказалась многолюдная, как они предполагали, имевшая поддержку из-за границы организация, якобы ставившая своей целью свержение существующей власти. Огромное количество крестьян, едва соприкоснувшихся с мифической организацией, было арестовано и, в основном, после, как правило, одного допроса расстреляно. 12 июня 1924 года органы арестовали священника Бориса Котляревского. На единственном допросе 21 июня отец Борис согласился со следователем Богуславским, что был, вероятно, не прав, не сообщив властям о существовании организации, в реальность которой сам не верил. 30 июня

1923 г. он был осужден и расстрелян. Вместе с ним казнили еще двадцать три человека.

Протоиерей Василий Памфилов

Настроение в стране менялось, круг сужался, и то, что еще вчера по техническим причинам могло ускользнуть из поля зрения чекистов, сейчас в полной мере возмещалось энтузиазмом доносчиков, одним из которых оказался Марк Антонович Алданов. Он нашел целесообразным, "отстаивая свою религиозную свободу", обратиться за помощью в ОГПУ:

"В Феодосии появился обновленческий священник для организации группы верующих, которому более активные тихоновцы в лице Памфилова Василия и Богаевского Алексея совместно со своими "сестрами" Горба-левской В.М., Ланской А.Н. <...> начинают угрожать нам. Распространяют слухи Богаевский и Памфилов о том, что скоро может быть перемена власти и всех обновленцев устроят на виселицу. Запугивают тем, что власть церковь хочет закрыть, что обновленцы продались Советской власти <...>. Прошу принять меры".

Его вызвали, и он лично подтвердил свое заявление: "Примерно в июне месяце с.г. в Феодосии появился обновленческий священник для организации обновленческой группы и за содействием обратился ко мне. Я согласился и принял участие в вербовке членов в группу в поселке Сарыголь и ближайших деревнях. О мероприятиях обновленцев сразу же стало известно тихоновцам, в частности, священнику сарыгольской церкви Памфилову Василию и благочинному <...> Алексею Богаевскому. С их стороны в отношении обновленцев повелась жестокая травля. Богаевский и Памфилов подстрекают наиболее близких себе лиц из числа верующих и при их помощи стараются запугивать обновленцев, угрожая записавшимся

к обновленцам избиениями. Такие угрозы были и в отношении моей жены Серафимы Ивановны и др. Фанатики-староцерковники, подстрекаемые Памфиловым и Богаевским, называли нас агентами ЧК, агентами Соввласти, запугивали тем, что скоро Советская власть падет и обновленцев, продавшихся Советской власти и коммунистам, повесят всех в первую голову. Мне известно, что Памфилов очень часто за последнее время бывает у Богаевского, где они и совещаются, как бороться против нас.

Особенно активно против обновленцев старается действовать священник Памфилов. Он подобрал вокруг себя сестричество в лице Горбалеvской Веры, дворянки Головчевской Анны Гавриловны и др., через которых проводит провокационную агитацию против нас. Памфилов через указанных своих ярых поклонниц и помощниц успешно провоцирует прихожан тем, что церковь хотят закрыть. Так, в субботу, 25.VIII, Памфилов приказал в два часа звонить в колокол для созыва народа, народ сбежался, и он начал им говорить, что сегодня должны прибыть в церковь обновленцы с милицией и закрыть церковь, и призвал народ к защите. На самом деле никого не было. Памфилов провоцировал публику для разжигания вражды к обновленцам и к власти <...>. Памфилов и Богаевский действовали против нас совместно, стараясь спрятаться за спиной своих сподвижников. А путем натравливания их хотят запугать нас, остаться как бы в стороне от ответственности".

Это и было той малостью, которой не хватало следователю Помыткину для начала уголовного дела против священников. Он не замедлил воспользоваться случаем и 4 сентября 1928 года принял соответствующее решение:

"Пребывание на свободе обвиняемых может отразиться на производстве расследования путем воздействия их на массы, также не исключена возможность уклонения их от следствия", обосновав его следующим образом: "Памфилов и Богаевский в своих корыстных целях через посредничество сестричества сарыгольской церкви натравливали одну группу рабочих на другую на почве религиозных разногласий с целью вызвать недовольство Советской властью. Распускали провокационные слухи о стремлении Соввласти закрыть церкви под клубы. С целью запугивания распускали слухи о скором падении власти <нрзб.>, а также не допустить организации так называемой "обновленческой группы" в Сарыголе и Феодосии". Священников поместили в феодосийский арестный дом.

Конфликт был спровоцирован недавно появившимся обновленческим священником¹¹. Он попросил семью Алдановых - Марка Антоновича и Серафиму Ивановну (которая дала в ГПУ особенно злобные показания против православных священников) активно заняться вербовкой в обновленческое движение и быстро сформировать двадцатку. Они стали ходить по окрестным деревням и успешно агитировали и без того сбитый с толку и запуганный народ. Об этом узнали отец Василий и благочинный протоиерей Алексей, в то время настоятель

11 По всей видимости, это был благочинный протоиерей М.Битин. Своему обновленческому начальству он жаловался, что в городе наряду с тихоновским "обновленцев" стало травить и греческое духовенство, они "распространяют слухи, что обновленческие священники в алтаре курят, прикуривая от лампад, а также танцуют в церкви и т.д.". Протоиерей М.Битин сообщил начальству, что он привлек к обновленчеству несколько православных приходов, но в марте 1929 года открылся обман и он получил выговор. 20 марта того же года обновленческий синод принял решение открыть в Феодосии епископскую кафедру, и на ней оказался епископ Матфей (Бережной), уже побывавший в 1925-1926 годах под запретом за пьянство и скандалы. В это же время в городе дважды побывал обновленческий митрополит Иосиф Кречетович.

кладбищенской церкви. Они собрали своих единомышленников и попросили их объяснить всем заблуждающимся подлинный смысл сладких речей обновленческих адептов. Сами собою оживились никогда не исчезающие в народе слухи, что обновленцы - "агенты Советской власти", "антихристы" и что они, в конце концов, закроют последние храмы, а их "духовное" руководство из ГПУ превратит церкви в клубы. В головах наиболее эмоциональных рождались бесплодные пожелания, странные фантазии о том, что "Советская власть скоро переменится и всех обновленцев повесят в первую очередь".

Произошли даже маленькие столкновения. Обновленческая чета Алдановых 24 августа агитировала в одном из сел под Феодосией и добилась некоторого успеха, но об этом узнал отец Василий и послал своих людей, которые легко разрушили "успех" их агитации. В отместку, когда 25 августа был колокольный звон в сарыгольской церкви, обновленцы обвинили православных в том, что набат призывал людей на погром обновленцев.

14 сентября 1928 года был допрошен протоиерей Василий Памфилов¹². После ознакомления с обвинением он сразу же заявил следователю:

"Виновным себя не признаю. Я никогда не считал себя противником Советской власти и свою деятельность в качестве священника во всем согласовывал с законами республики. О мерах, принятых рабочими поселка Сарыголь в смысле записи в обновленческую двадцатку,

12 Родился Василий Николаевич в 1886 г. в с. Лески Владимирской губернии. По окончании Владимирской духовной семинарии с 1910 г. священствовал, и только в 1926 г. оказался в Феодосии.

узнаю впервые из предъявленного мне обвинения. В своих проповедях и частных беседах никогда не давал таких пояснений, что обновленцы являются агентами ЧК или антихристами. Указания, что обновленцы хотят закрыть церковь и сделать из нее клуб, никогда никому не делал. И даже в частных беседах никогда не высказывал недовольства Советской властью. Тем более не избирал предметом разговоров вопросы, которые бы вели к недовольству Советской властью. В своей деятельности не старался развить фантазии, так как считаю христианство религией внутреннего убеждения. Слухи о скором падении Советской власти от меня исходить не могли. Сестричество приходило в церковь для наведения порядка, и не было случаев, чтобы я кому-нибудь из сестричества давал поручения вести пропаганду против организации обновленческой двадцатки. В сестричество входят наиболее ревностные прихожанки и носят на руке белые повязки с крестиком. Относительно колокольного звона в субботу 25.VIII для созыва народа, по свидетельским показаниям дела, достоверно отвергаю. В два часа в церкви были похороны младенца, и был обыкновенный похоронный звон, что может подтвердить мать умершего ребенка Пелагея Георгиевна и др. <...>. Так что никакого набатного звона не было. На похоронах в церкви было приблизительно человек 40. По вопросу об обновленчестве я в тот момент никакой речи не вел. Похороны окончились приблизительно в половине пятого, когда я и пришел домой".

В тот же день был допрошен и благочинный протоиерей Алексей Феофилактович Богаевский. Для начала следователь выяснил, что он родился в селе Радоловке Полтавской губернии в 1879 году. Окончил Полтавскую

семинарию, после чего с 1900 года был воспитателем в духовном училище в Симферополе; в 1904 году принял священный сан и служил в селе Петропавловке Феодосийского уезда, был законоучителем Феодосийского учительского института. Через два года был переведен в кладбищенскую Всехсвятскую церковь, где и оставался настоятелем вплоть до ареста.

На допросе он заявил: "В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю. Во-первых, в поселке Сарыголь в течение прошедшего лета я ни разу не был, ни с кем из сарыгольской церкви не разговаривал об обновленчестве. О сестричестве не имею сведений, да и не представлял возможности его существования, так как считал сарыгольскую религиозную общину наиболее дезорганизованной. В августе моя супруга сообщила, что приходил ко мне протоиерей

Памфилов, но, не заставши меня дома, рассказывал ей о том, что его прихожанка Алданова собирала подписи среди сарыгольских прихожан. Я никаким способом не реагировал на это сообщение. Впоследствии протоиерей Памфилов сообщил мне, что некоторые прихожане взяли обратно свои подписи. Памфилов вообще бывает у меня крайне редко".

Между тем паства протоиерея Василия не теряла времени даром и в то трудное время, когда люди уже точно знали, что за свои официально не разрешенные убеждения придется отвечать, собрала более 130 подписей с просьбой ускорить следствие и освободить настоятеля Екатерининского храма. Но органы не хотели прислушиваться к голосу народа и продолжали собирать лжесвидетельства и доносы, подобные алдановским, так как материалов для суда было недостаточно.

16 сентября отец Василий написал заявление на имя уполномоченного ОГПУ Феодосии Помыткипа:

"4 сентября с/г при допросе мне было прочитано постановление об аресте с сообщением пунктов обвинения; причем, мне не было сообщено никакого материала по обвинению и не указано фактической стороны по обвинению: где, когда и с кем был какой-либо факт. Ввиду сего лишен возможности ориентироваться при допросе и поставить со своей стороны свидетелей. Поэтому прошу Вас снова допросить меня и сообщить мне материал по обвинению с фактической стороны и тем дать мне возможность в интересах истины поставить своих свидетелей".

С таким же заявлением обратился и священник Богаевский: "Не признаю себя виновным в возведенных на меня обвинениях. Прошу дать мне очную ставку с теми, кто поддерживает против меня те или иные обвинения".

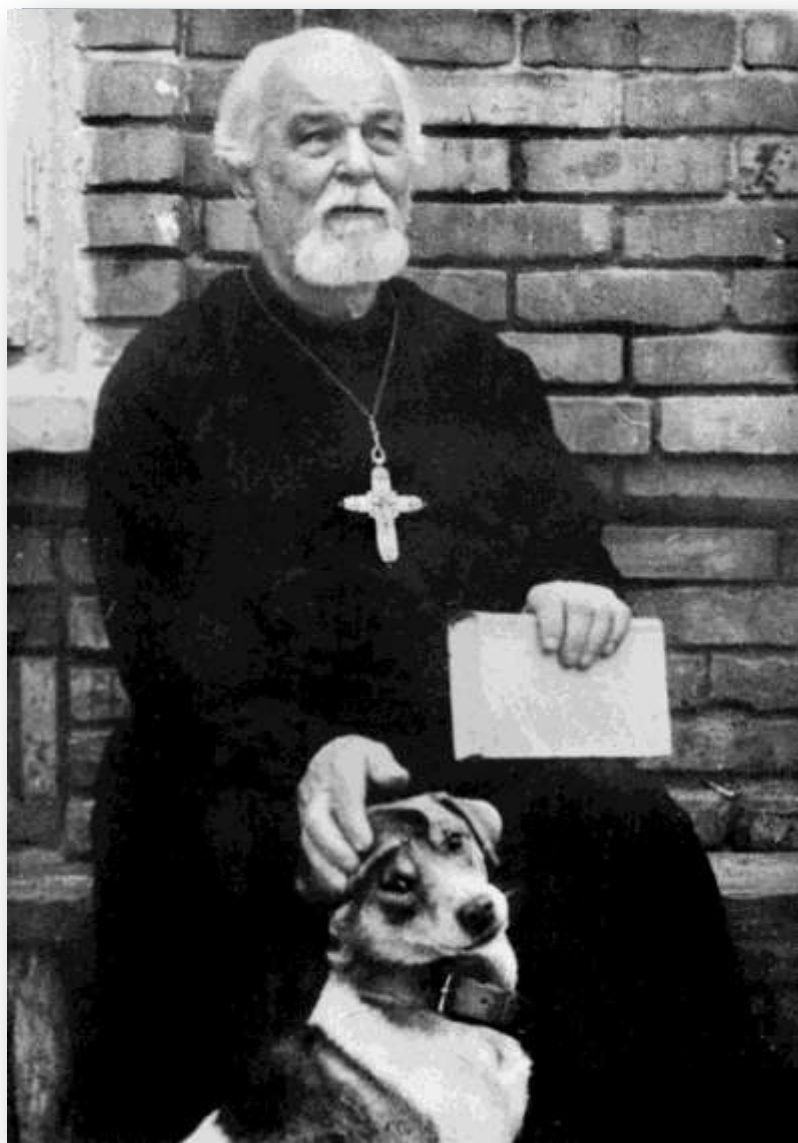
В свою очередь, его прихожане обратились к симферопольскому начальству с просьбой освободить протоиерея Алексея и собрали 522 подписи. Это побудило следствие допросить еще одну, уже неангажированную малограмотную старушку, которая подтверди-

Учительскій институтъ.

Θεοδοσία — Theodosie.
Crimée.

Видовая открытка начала XX в.

Протоиерей Алексей Богаевский.
Фото 1950-х годов

ла, что в субботу действительно "отпевали мальчика, в связи с чем и звонили в колокол. Присутствовали родственники, но с ними отец Памфилов не разговаривал". И поставила крестик...

Между тем никто очную ставку отцу Алексею не дал, и он продолжал "бомбить" компетентные органы жалобами на их некомпетентность: "Фанатиком я никогда не был и на путь фанатизма никого не вел". И перечислял свои заслуги перед властью, так и оставшиеся неучтенными:

"Основанием для вышесказанного моего заявления послужило то обстоятельство, что обвинение мне предъявлено в общих формах (фразах), без объявления мне фактического обвиняющего меня материала. Если почему-либо мне не может быть дана очная ставка, в таком случае прошу предъявить мне фактический материал, послуживший основанием для привлечения меня к ответственности. И тогда я дам исчерпывающие пояснения, что послужит как к моему оправданию, так и к выяснению объективной правды <...>.

Я уже 24 года безвыездно служу в Феодосии, за этот немалый период времени моя церковная деятельность вполне определилась. Ни в каких политических партиях и организациях я никогда не участвовал, если и можно указать на мои некоторые деяния, коим можно придать политический оттенок, так это такие деяния, которые свидетельствуют о том, что я никогда не был противником революционных событий в моей стране. Так, еще в 1906 году, в первый год моей службы при кладбищенской церкви, по моему ходатайству были освобождены из тюрьмы рабочие табачной фабрики, в том числе народный судья г. Феодосии Кошелева. В 1919 году при переходе в Крыму власти от красных к белым мне немало пришлось

действовать для того, чтобы облегчить участь оставшихся в Феодосии партийных (коммунистов) и лиц, сочувствующих им и новому советскому строю. Так, в первый день вступления белых в Феодосию в июле месяце 1919 года ко мне явились двое каких-то рабочих с просьбой принять под свою защиту оставшегося в городе коменданта при красных Федора Новикова. Я выразил полную готовность удовлетворить их просьбу, и когда на другой день Ф. Новиков был арестован, я явился в комендатуру города с пламенной просьбой вручить мне на поруки Ф.Новикова. Просьба моя была уважена, и Новиков вышел на свободу. Если через некоторое время он вновь был арестован, то это произошло благодаря тому, что арест производился в то время в г. Керчи.

Издававшаяся в то время в г. Керчи газета стала писать статьи, полные возмущения по поводу распоряжений власти, освобождавших таких видных представителей Советской власти, как Новиков, косвенно нападая в то же время и па "спасителей" (так именовались газетой лица, защищавшие большевиков). В тот же первый день прихода в Феодосию белых поздно вечером ко мне пришла группа рабочих и работниц (человек 10) с просьбой выступить в защиту арестованного еврея Лейкина, бывшего заведующего какой-то суконной кустарной фабрикой в г. Феодосии. Через день по моему ходатайству и Лейкин был освобожден из-под ареста. Но то обстоятельство, что Лейкин после освобождения из-под ареста скрылся, в значительной степени парализовало мою готовность отчасти помогать тем, кто подвергался со стороны белых репрессиям и арестам. Случайно от кого-то слышал, что Лейкин в настоящее время состоит ответственным партийным работником где-то на Кавказе. Но все же после

этого, благодаря постоянным переменам начальствующих в г. Феодосии лиц, мне удалось оказывать облегчение участи тех, кои связывали свое имя с Советской властью. Так, августом 1919 года был арестован бывший генерал Н.А.Маркс, служивший комиссаром в г. Феодосии в 1919 году по образованию. Совместно с поэтом Волошиным и писателем Вересаевым (живут в Коктебеле) я ходатайствовал, и не без успеха, и об его освобождении. В том же году мне пришлось два раза выступать в военных судах свидетелем со стороны обвиняемых Ф.Новикова и доктора Константинова. Проживающая в г. Феодосии жена

Ф.Новикова может подтвердить, как Ф. Новиков при первом свидании с женой после судебного процесса прислал ее ко мне выразить благодарность за мое выступление на суде. Вообще, что касается дела Новикова, может подтвердить и брат его, ныне ответственный партийный работник в г. Симферополе Петр Новиков. Адреса доктора Константинова не знаю. Слыхал, что он откомандирован

советским правительством за границу с научной целью.

В 1922 году в Феодосии был арестован соборный священник Поляков. Арест этот вызвал возмущение среди некоторой части рабочих, вследствие чего, по поручению партийного комитета, ко мне явился П.Новиков с поручением воздействовать на толпу и предупредить

Петр Новиков

какие-либо
эксцентричные
выступления. Я
поручение партийного
комитета с успехом
выполнил, призвав
толпу при защите
своего пастыря стать
на путь закона. Все это
я пишу, дабы показать,
что если в острые годы
борьбы двух лагерей -
красных и белых - я не
был контрре-
волюционером, не
пользовался своим

пастырским служением для возбуждения против новой Советской власти, напротив, брал под свою защиту наиболее видных ее представителей, то выступать с какими-либо контрреволюционными действиями в настоящее время является для меня совершенно непоследовательным и неоправданным актом. Я определенно лоялен к Советской власти. Думаю, что не только мои прихожане, но и прихожане других православных общин г. Феодосии с полным удовлетворением подтвердят все сказанное мною. Если же

мне будет предъявлен обвинительный фактический материал, то я дам на то исчерпывающее объяснение, которое послужит как в интересах выяснения объективной правды, так и моей реабилитации и скорейшему освобождению меня из-под стражи.

*25 сентября 1928 года Протоиерей
Алексей Богаевский.*

P.S. Возможно, что фамилию еврея Лейкина, арестованного в 1919 году белогвардейцами, потом освобожденного из-под ареста и скрывшегося, - я не точно обозначаю. Но все отмеченные мною обстоятельства, касающиеся этой личности, а также точность его фамилии может засвидетельствовать проживающий в г. Феодосии и имеющий заготовочную мастерскую еврей Посланчик как родственник указанного мною лица".

Без сомнения, искренние симпатии к власти, так же, как и уже не актуальная помощь революционерам, для чекистов не могли быть основанием для полного оправдания протоиерея Алексея Богаевского. Не теряя надежды, он обратился с повторным посланием, в котором история его лояльности была представлена с большими подробностями:

"<...> В конце апреля 1919 года я был арестован, так как в распоряжение ЧК была предоставлена книга повесток, по которым особый комитет по сбору пожертвований в пользу Добрармии приглашал его членов пожаловать на заседание. В одной из повесток значилась и моя фамилия, правда, написанная рукою моей жены. Когда в

ЧК в тот же день меня допрашивали, я объяснил, что в означенный комитет меня записали без моего ведома и моего согласия и притом в то время, когда я отсутствовал в Феодосии, и я ни одного раза не

участвовал в заседаниях этого комитета. Очевидно, меня кооптировали в расчете, что я буду содействовать сбору пожертвований в пользу Добрармии. Расчет оказался напрасным, как как я никаких сборов и взносов не делал. На вопрос допрашивающего, чем я могу доказать сказанное, я ответил: "Тем, что я здесь". Этот ответ имел значение в виду того, что почти все духовенство, избегая власти занявших Крым большевиков, выехало на Кубань. "Пожалуй, это верно", — согласился следователь. Как впоследствии я узнал, па мой арест реагировала общественность Феодосии, все ее союзы. Но, по-видимому, особенное значение имело заступничество за меня матери-старухи Петра Новикова. Все вместе взятое и было причиной того, что на другой день рано утром я вновь был допрошен и после допроса сейчас же отпущен из-под ареста с наказом немедленно явиться к Новикову П., который, отозвавшись положительно обо мне, просил все сделать от меня зависящее, дабы парализовать и ликвидировать наметившиеся нездоровые настроения темной массы населения по отношению к евреям. В конце июня 1919 года г. Феодосию окружили части Добрармии. Не вся администрация успела выехать из города. В числе оставшихся оказался и Федор Новиков, занимавший после своего брата Петра должность коменданта города. Это мне сообщили двое из его друзей. На вопрос их, как быть в дальнейшем, я посоветовал им привести Федора Митрофановича ко мне вечером на ночевку. Так и было сделано. На другой день я вместе с Новиковым пошел в комендатуру с просьбой не применять к Новикову никаких репрессий, причем тут же я дал о нем ту характеристику, которая и содействовала удовлетворению моей просьбы. Ободренный таким оборотом дела, Новиков не сумел

воспользоваться своим новым положением. Напротив, уверенный в своей безопасности, он часто появлялся в городе, как бы афишируя такое свое положение.

А это бросалось в глаза, особенно фанатично настроенным некоторым военным и служащим Добрармии, в результате чего и последовал арест с преданием его суду. Я был на судебном процессе в качестве свидетеля. Помимо общей характеристики подсудимого и всей его семьи, я указал и на то, какую услугу я лично получал и от него, и от его матери, да и брата Петра в острый и тяжелый момент в моей жизни. Быть может, это содействовало тому, что Новикову сравнительно с другими подсудимыми был определен меньший срок наказания (4 года). Его семья и жена хоть и были огорчены приговором, но все же питали надежду на лучшее будущее. Но судьба судила иное: спустя некоторое время (кажется, в конце 1919 г.) приказано было всех осужденных перевести в Симферополь. Но до Симферополя не суждено было доехать. Слащев, свирепствовавший в то время в районе Джанкоя, приказал всех ранее осужденных на разные сроки, в том числе и Ф.Новикова и задержанных на станции Джанкой, расстрелять. Впервые я об этом узнал от старухи-матери Новикова, которая в своем неутешном горе пришла поделиться этой трагедией. <...> Впоследствии я встречался с Ф.Новиковым <...>". По всей видимости, это и есть убедительные свидетельства искренней расположенности с самого начала к Советской власти.

В "Обвинительном заключении", где перечислялись все "ужасы", на которые решились священники Феодосии, говорилось, что они "натравливали одну группу рабочих на другую на почве религиозных разногласий с целью

вызвать недовольство Советской властью. Распускали провокационные слухи о скором падении Соввласти, о стремлении власти закрыть церкви и превратить их в клубы. Угрожая избиением инакомыслящих, стремились запугивать их.

Произведенным расследованием по заявлению Алданова Марка Антоновича свидетельскими показаниями установлено, что священники Памфилов В.Н. и Богаевский А.Ф., сами, оставаясь в стороне, подстрекали наиболее близких себе лиц из числа верующих поселка Сарыголь. Через их посредство запугивали рабочих скорым падением Соввласти и расправой над ними в первую голову, угрожали избиением".

Но окончательную форму всей этой истории придал 5 октября помощник уполномоченного СО ГПУ Крыма Куприянов: "Из имеющихся в следственном деле материалов видно, что Богаевский и Памфилов основательно обосновались в Феодосии, окружив себя фанатическим элементом, держали приходы этого района в зажиме, благодаря чему в этом районе до сих пор нет прогрессивных приходов. В конце 1928 года часть прихожан феодосийских церквей стала в оппозицию к группе Памфилова и Богаевского, последние же усмотрели в этом попытку организовать обновленчество в Феодосии и стали распускать слухи среди своих сторонников

о том, что Советская власть бунтует народ для того, чтобы скорее закрыть церкви и пооткрывать там клубы. Видя, что этот довод мало действует на массу, тогда Богаевский и Памфилов стали распространять слухи о том, что Советская власть скоро будет свергнута, и всех, кто отойдет от православия, будут вешать. От распространения таких слухов Богаевский и Памфилов

перешли к прямым угрозам расправ после свержения Советской власти. О таких угрозах пришел и заявил в ГПУ ремонтный рабочий Алданов М.А., его жена Алданова С.И. и Лазаревич".

На основании этого "Постановления" Куприянов требовал в срочном порядке рассмотреть дело священников и "заключить их в концлагерь сроком на 3 года с запрещением проживать после освобождения в Крыму и других центральных городах на тот же срок".

Но друзья и близкие отца Алексея предпринимали все, чтобы он не оказался в концлагере. Искали и находили нужные связи, вели необходимые переговоры, и их усилия были вознаграждены. Прокурор Горбушев пересмотрел дело и нашел его несостоятельным.

"Свидетели Алдановы, - писал он, - при допросе их показали, что обвиняемые Богаевский и Памфилов подстрекали своих приверженцев на борьбу с обновленцами, перечисляя фамилии своих приверженцев. Однако из числа лиц, подстрекаемых якобы обвиняемыми, никто допрошен не был. Показание же Алданова о том, что Памфилов распорядился звонить в колокол с целью собрать народ и о произнесенной им речи перед собравшимися не проверено, несмотря на наличие противоречий по столь серьезному моменту обвинения и неоднократных ходатайств обвиняемых о допросе по этому поводу свидетелей <...>. Обращаем Ваше внимание на неполноту проведенного следствия по настоящему делу,,."

Одним словом, дело было возвращено Куприянову с настоятельной просьбой доработать. И он "доработал" - в соответствии с пожеланием начальства. Были допрошены ранее проигнорированные свидетели и сделаны в конечном итоге те же выводы, но с коррекцией в пользу

протоиерея Богаевского. Священники были осуждены. Протоиерей Василий Памфилов был выслан на Север, и дальнейшая его судьба неизвестна.

Последние годы жизни отец Алексей провел в Мелитополе. О.Н.Воронина вспоминала:

"Я несколько раз навещала его там. Беседовали, вспоминали годы гимназии. Как-то в разговоре я попыталась подшутить над некоторыми нашими ученицами, которые завели много кошек и собак. Он тут же меня остановил, говоря, что это у них проявляется неистраченный материнский инстинкт. Он никогда никого не осуждал и многих жалел. Редко можно встретить, особенно сейчас, человека с такой красивой душой, как у нашего батюшки. Уже живя в Москве, я получала от отца Алексея открытки с наставлениями. В одном из них он приводил отрывок из Евангелия (Первое Послание Апостола Петра): "Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом...". Батюшка прожил долгую жизнь. Скончался в Мелитополе в 70-х годах. Там же и похоронен. Пусть ему будет вечная память от тех людей, которые его еще помнят".

С 1 по 25 мая 1930 года в епархии властями Крыма было закрыто 11 православных церквей, в их числе и Свято-Екатерининская в Феодосии. Подавленное состояние от своего бессилия сменилось проблеском надежды от тактической уступки Сталина, опубликовавшего в это время "Головокружение от успехов". Простые верующие люди восприняли это как шанс, исчерпав свои возможности, они решились на невозможное и стали требовать у богоборческой власти

беззаконно отобранные храмы.

В архивах хранится свидетельство, как отчаявшиеся дожидаться справедливости женщины деревень Еникале, Баксы и Опасное пришли 12 марта 1930 года к сельсовету и, указывая на статью Сталина, потребовали вернуть храмы. Возмущенные, они выкрикивали свои протесты в надежде быть услышанными, пытались апеллировать к совести колхозной администрации, говорили, что те ограбили лишенцев и пошли против правды. Лицемерная попытка местных коммунистов успокоить возмущенных людей нанесла пришедшим новые оскорбления. Женщины ворвались в храм, превращенный в избу- читальню, и поколотили недавно назначенного директора, руководившего в этот момент так называемым ремонтом. Попытка объяснить администрации, что голосование при закрытии храма происходило подло и неправильно и в нем принимали участие только оболваненные школьники, пионеры и комсомольцы под руководством коммунистов, не привела к успеху.

Вопиющая несправедливость подтолкнула 150 женщин идти в город (15 км) в исполком, но их остановила милиция, и они разошлись по домам, чтобы в одиночестве оплакать новую обиду, нанесенную народной властью. Через два дня в утешение и духовную поддержку обновилась икона у жительницы деревни Баксы Н.Пройды. Собрались верующие, стали молиться, видя в этом знак свыше. Перепуганные власти организовали "комиссию", которая тут же признала "подновление иконы маслом". "Зачинщиц" этого происшествия М.Гончарову, А.Гордиенко и т. д., всего 10 человек, на всякий случай арестовало ГПУ.

В это же время в КрымЦИК поступила жалоба от

крестьян поселка Сарыголь на закрытие Екатерининского храма, осуществленного якобы по просьбе 500 феоdosийцев, под школу, но, как и следовало ожидать, ответа не последовало. Потеря приходов, единственного источника существования, приводила священников и их семьи на грань голодного умирания. Многие, не выдержав, оставляли службу и даже отрекались от сана. Другие, не покорившиеся власти гонителей, считались "лишенцами" и не могли устроиться па работу. Их нигде не брали из чувства собственной безопасности: сострадать священнослужителям и их близким было небезопасно.

Если священник хотел устроиться на работу, ему предлагали пройти через богопротивную процедуру отречения от сана. В официальной рекомендации того времени предполагались следующие действия: "Само отречение имеет значение только в том случае, если

об этом стало известно общественности именно от самого отрекающегося. Для этого существуют два пути: 1. Публикация в печати. 2. Открытое порицание религии и отречение от сана на широком собрании верующих. Второй путь является только развитием первого, и, хотя более эффективен, не стоит настаивать на этом. Снятие служителя культа с учета вследствие отречения осуществлять только по произведению заинтересованным лицом публикации в печати".

Оставив в стороне крайне поверхностную иллюзию собственной безопасности, в атмосфере реального страха быть в любой момент репрессированными проходили в те годы земное поприще феоdosийские священнослужители. И особая ответственность лежала, без сомнения, на архиереях, призванных к апостольскому служению. А Феоdosийскую кафедру в 30-е годы возглавляли такие

замечательные архиереи, как священномученики Антоний (Панкеев), Александр (Трапицын), Константин (Дьяков), Порфирий (Гулевич). Но об их деятельности осталось мало сведений, только косвенные упоминания и отдельные указы.

Священномученик Александр (Трапицын) был назначен на Феодосийскую кафедру 15 сентября 1927 года и оставался совсем недолго, в декабре того же года его место занял архиепископ Дионисий (Прозоровский).

В Феодосию владыка Александр прибыл 10 октября 1927 года и сразу же попросил зарегистрировать себя "как управляющего всеми православными староцерковными приходами Патриаршей ориентации, находящимися на территории Тавриды". И, уклоняясь от навязчивой опеки местных чиновников, продекларировал лояльность к существующей власти: "При сем заявляю о своей полной лояльности к Советской власти как дарованной нашему народу свыше для осуществления предназначенной ему исторической цели".

Сразу же по приезде в Феодосию он создал при себе епархиальный совет, куда вошли Священномученик Николай Казанский, настоятель Преображенской церкви, и протоиерей Константин Молчанов, настоятель Введенской церкви (обе находились в Симферополе), и другие священнослужители, и просил ЦАУ Крыма зарегистрировать его совет на основании распоряжения митрополита Сергия (Страгородского) от 19 мая 1927 года, что поставило чиновников в сложное положение, и они обратились за разъяснением в высшие инстанции. Дело в том, что НКВД в своем циркуляре рекомендовал местным органам власти не регистрировать структуры Патриаршего

толка и в то же время не запрещать их деятельность.

1 октября 1927 года Феодосийский райгорисполком завел "учетную карточку № 104 на Трапицына Александра Ивановича, архиепископа Таврической епархии, 1862 года рождения, вдовца, проживающего в городе Феодосии по ул. Армянской, д. № 7".

Еще известно, что 25 ноября 1927 года в Севастополе состоялось собрание приходских советов Свято-Никольского и Владимирского храмов, и священники А.Мельников, А.Виноградов, Н.Самодуров, протодиакон Е.Бутома и другие решили единогласно перейти в юрисдикцию православного архиепископа Александра (Трапицына).

1 декабря их примеру последовал Александро-Невский храм на Корабельной стороне, и пригласил архиерея на праздник Введения. Энергичные действия на

Священномученик Антоний (Панкеев). Харьков, 1924 г.

Священномученик Константин (Дьяков)

Священномученик Александр (Трапицын)

благо церкви противоречили вынужденной дани формальных заверений о своей лояльности, и по требованию Политуправления Крыма Священномученик Александр вынужден был покинуть Крым.

Архиепископ Арсений (Смолянец)

АРХИЕПИСКОП ФЕОДОСИЙСКИЙ

АРСЕНИЙ (СМОЛЯНЕЦ)

На Феодосийскую кафедру 25 июня 1930 года был назначен архиепископ Арсений (Смолянец). Но и он оставался в Феодосии недолго. Через 18 месяцев, 23 декабря 1931 года, из-за надуманных подозрений НКВД он был арестован, в силу чего о его пребывании в Крыму материалов осталось больше.

Поводом для ареста архиепископа Арсения послужили два незначительных происшествия.

В один из воскресных дней начала августа 1931 года после литургии к архиепископу Арсению подошла молодая женщина и назвалась сестрой известной ему жительницы Ялты Екатерины Куртен⁸. Мария Эдуардовна передала конверт, в котором, по ее словам, должны быть деньги, отпущенные церковным советом Иоанна-Златоустовского собора на архиерейские нужды, и записка настоятеля протоиерея Димитрия Киранова, и попросила расписку в получении денег. Владыка нашел неудобным производить эту операцию в соборе и, кроме того, заинтересовался французенкой по отцу с хорошим образованием, прожившей уже несколько лет в Кизилташской пустыне близ Ялты под руководством схиеромонаха Софрония (Дубинина) в качестве инокини среди простых русских монахинь. Задержавшись ненадолго, владыка побеседовал с представленными ему спутницами Куртен, приехавшими на феодосийский базар за покупками, отпустил их, а Марию Эдуардовну пригласил к себе домой. Она пришла через час в особнячок, состоящий из трех небольших

комнат, и получила расписку. А так как хозяйка дома Антонина Васильевна уже накрыла стол к обеду в прилегающем к дому саду с прекрасным видом на Феодосийскую бухту, владыка любезно пригласил гостью отобедать с ним. Он расспросил Марию Эдуардовну о положении церковных дел в Ялте и высказал предположение, что Иоанно-Златоустовский храм пополнился новыми прихожанами, так как, по его сведениям, Александро-Невский собор принял обновленцев, и они перешли в верхний храм, до последнего времени остававшийся верным Церкви. Куртен сказала, что это, к сожалению, далеко не так, и старые прихожане не хотят расставаться с собором, несмотря на перемену ориентации, и, сверх того, обновленческий епископ Вениамин (Молчанов) своим прекрасно обставленным богослужением, чарующими голосовыми данными, многократной проповедью в течение одной службы сумел привлечь к себе часть православных прихожан.

Затем Мария Эдуардовна говорила о возможности переезда их семьи во Францию, о том, что этот вопрос еще не решен окончательно и у нее есть сомнения. Ее отцу, ездившему в Москву хлопотать о возвращении на родину, в посольстве обещали помочь и даже предоставить бесплатный проезд до Парижа, но советские чиновники не сочувствовали его инициативе, и, в первую очередь, это касалось ее сестры Екатерины, уже принявшей советское подданство. Кроме того, ее мать, русская, не хочет "слагать свои кости на чужбине". В разговоре владыка Арсений попытался указать на некоторые неудобства жизни сестер во Франции по причине слабого знания французского и в особенности из-

за отсутствия православных храмов в католической стране. На это Куртен сказала, что надеется устроиться в общине православных сестер в Париже, устроенной Н.П.Римской-Корсаковой, известной владыке еще по Твери.

Мария Куртен предложила архиепископу Арсению, если есть необходимость, передать что-нибудь на

Игумения Евдокия (в миру Екатерина Куртен)

Схимонах Софроний (Дубинин)
Публикуется впервые

запад знакомым архиереям. Владыка поблагодарил и сказал: "Если встретите кого-либо из наших епископов, передайте, что хотя здесь живется мне не очень сладко, но все же я рад, что остался на месте, а не уехал с теми, которые эмигрировали".

Обед из двух блюд, фруктов и чая длился около двух часов, и, когда гостя собралась уходить, архиепископ сказал: "Погодите, у меня может быть к вам просьба. Не можете ли вы, перешагнув границу, передать от меня весть митрополиту Антонию (Храповицкому), моему старому знакомому?" Когда она охотно согласилась, владыка Арсений попросил передать ему на словах все подробности его жизни, какие она увидела: в каком храме служит, как поет хор и о чем возможно говорить на проповедях. И добавил: "Передайте ему, что я живу в Феодосии, познакомьте его с моим бытом, передайте, что бывший в Таганроге келейник теперь архимандрит, а мальчик Ваня Кабанов¹³ (которого так полюбил митрополит Антоний во время своего пребывания в Таганроге) уже получил среднее образование". Владыка объяснил Марии Эдуардовне, что с митрополитом Антонием он знаком уже сорок лет и еще гимназистом 7-го класса обращался к нему.

"При посредстве митрополита я поступил на второй курс Академии и в течение двух лет окончил ее. В значительной степени он содержал меня во время моего пребывания в Академии. Лично я его видел в Уфе в 1901 году, куда ездил на его счет лечить начало горловой чахотки. По окончании курса Академии я год прослужил в

13 Ваня Кабанов жил при епископе Арсении и прислуживая в храме. Владыка занимался с ним общеобразовательными предметами и, по всей видимости, готовил к священническому служению.

должности на учебной службе у митрополита Антония, который уже был на Волыни. С 1903 года я бывал у митрополита Антония изредка, проездом, не более 4-5 раз до 1919 года. В 1919 году митрополит Антоний приезжал в Высшее Церковное Управление при Добровольческой Армии и дважды у меня останавливался. С 1919 года я не получил от него ни одной вести и сам не написал ему, но продолжаю митрополита Антония высоко ставить по-прежнему <...>. Когда будете проезжать через Варшаву, поделитесь впечатлениями о Феодосии с тамошним митрополитом Дионисием, учеником Антония и близким к нему человеком..."

Другой эпизод, попавший в поле зрения НКВД, произошел в сентябре. Человек, лет 25-ти, в субботу вечером вошел в алтарь и представился владыке келейником покойного архиепископа Петра (Зверева), его старого знакомого, и обратился с просьбой о помощи. Архиерей дал ему свой адрес и предложил прийти к нему домой после службы. Молодой человек сказал, что когда он находился в ограде храма, к нему подошел неизвестный мужчина и спросил, откуда он и как его фамилия, на что он ответил, что приехал из Ленинграда и фамилия его Касаткин. Но владыке Арсению он представился Алябьевым и показал документ, выданный ему при освобождении из лагеря. Незнакомец рассказал, что родом он из духовной семьи, сын ныне умершего ленинградского протоиерея, окончил четыре класса реального училища и последнее время жил и работал в Нижнем Новгороде. Как член церковноприходского совета одной из церквей Тихоновской ориентации был арестован и отправлен на Соловки, где пробыл год. До Нижнего Новгорода жил в Воронеже и с 1926 по 1928 год был

келейником у архиепископа Петра. По окончании срока был сослан на год в Анапу и вот сейчас едет в Москву, но в Керчи у него украли деньги и вещи, и оттого он заехал к архиепископу Арсению как бывшему другу почившего владыки Петра с просьбой о помощи.

"В Феодосию ко мне, - вспоминал владыка Арсений, - он явился в пальто, в тельнике и трусах. Насколько это соответствовало действительности, мне не известно, но допускаю, что это была цель побольше получить". Во время беседы незнакомец высказал большую осведомленность в церковных делах, в особенности о духовенстве, находящемся на Соловках. И рассказал об их лишениях и злостраданиях, о том, как за маленькие проступки сажают в карцер или ссылают в Анзерский скит - страшное место для "провинившихся" заключенных, где дают не более 200 граммов хлеба и где невинные люди умирают как мухи.

"Он сообщил мне фамилии немногих архиереев и духовенства, находящихся в заключении. Среди них помню Иоасафа Жевахова, бывшего князя, получившего сан архиерея и тут же арестованного, не совершившего ни одной церковной службы. С его слов, архиепископ Петр умер от тифа в Анзерском скиту, и по его, Алябьева, просьбе власти разрешили владыку Петра похоронить в отдельной, а не в общей могиле, так как тогда были массовые смертные случаи.

Пробыв два дня в Феодосии, молодой человек уехал в Москву, с его слов, к профессору Гидуляну, который ему якобы покровительствует. На меня он произвел впечатление культурного, образованного и ловкого человека с большим житейским опытом, сведущим в житейских делах и стойкого борца за православную веру.

Я дал ему 30 рублей на билет до Москвы и попросил навести справки по телефону в Синоде о моем переводе, но никаких сведений от него больше не получал...". Кем был на самом деле Алябьев-Касаткин, владыка так и не узнал.

Следователь вызвал на допрос сосланного в Феодосию в 1928 году Александра Александровича Панова, инвалида третьей группы, одинокого человека, в свое время окончившего юридический факультет Московского университета. Он был типичным русским интеллигентом-либералом, с развитым чувством справедливости и страстным желанием мирно разрешить социальные противоречия, за что однажды был лишен места в Краснодарском суде и даже свободы на время следствия. У него были обширные знакомства в Феодосии, он дружил с семьей Константина Богаевского и другими замечательными людьми города, но во время хандры и уныния, регулярно его посещавших, нуждался в моральной поддержке и духовном утешении,

Кизилташская
пустынь
под Ялтой.
1920-е гг.
Публикуется
впервые

Сестры
Кизилташской
пустыни,
1920-е годы.
В центре –
схиеромонах
Софроний.
Публикуется
впервые

которые в полной мере мог получить только от владыки Арсения. Свои отношения с архиереем А. Панов охарактеризовал следующим образом:

"При знакомстве архиепископ Арсений произвел на меня приятное впечатление, и я стал у него бывать. Имея суровый вид по наружности, архиерей оказался крайне приветливым, не казался фанатиком, любил шутить, занимался дрессировкой хозяйской собаки. Бывал я у архиепископа Арсения не часто, в месяц раза три <...>. Дом архиепископа был открытый, и в нем часто бывали люди, в основном церковные женщины. Помогали по хозяйству, готовили обед, убирали. Приходили певчие и просто знакомые, например, Владимир Гольштейн, перешедший из иудаизма в православие, о котором архиерей как-то сказал: "Этот глубокий жизненный практик и сын своего народа считается с действительностью, желая от нее получить все потребное для существования <...> на земле".

Владыка с Александром Пановым никогда не говорил о политике, их беседы касались религиозных, бытовых или доверительно медицинских вопросов, так как у них были схожие заболевания, и, как правило, оставались в русле духовных интересов. А.Панов расспрашивал об архиепископе Евлогии (Георгиевском), так как в свое время служил в Екатеринбургском окружном суде в одном отделении с его братом Иваном Семеновичем. В контексте происходящего говорили о промысле Божиим, о преподобном Серафиме Саровском, которого собеседники чтили с особой ревностью еще до прославления. Спрашивал архиерея и о баптизме, интересовался его духовными и материальными проявлениями, так как его сестра, уехавшая в Америку, жила и работала на

баптистской ферме. Владыка отзывался об этой секте, о ее учении и толковании Писания пренебрежительно. Разговаривали о монашестве, и как-то раз Панов рассказал о сыне композитора Ляпунова, который, "будучи богато одарен всем, человеком физической красоты необыкновенной и разносторонне талантливым и образованным, в 1926-м ушел в монастырь в Ленинграде...". Беседовали о русских философах.

"Помню, - показывал на следствии Панов, - говорили о статье Владимира Соловьева, где проводилась утопия этого великого иудеофила о воссоединении церквей: православной, католической и еврейской. Помню, еще мы беседовали по поводу статьи Булгакова (с писанием которого впервые познакомился). Епископ Арсений толковал статью "Революция и интеллигенция 1905 года" очень пессимистично, что, мол, увлекшись революцией, интеллигенция отошла от Бога <...>. Как- то говорили по поводу прочитанной статьи в "Известиях" М.Горького, где он говорил, что Антоний (Храповицкий) будто бы благословлял белоэмигрантов на всякую пакость в отношении Союза Советов. Помнится, что епископ Арсений с большим осуждением к этому отнесся, говоря, что если это правда, надо удивляться, как эмигранты не только оторвались от родины, но и не понимают, что всякая война - это бедствие для человечества вне зависимости от ее исхода. Благословлять и оправдывать бойни не дело духовников, тем более иерархов, и он удивляется Антонию (Храповицкому), которого он чтит как великого постника и молитвенника <...> и великого блюстителя православной веры. Епископ Арсений вспоминал иногда о Патриархе Тихоне с большим почтением".

24 октября 1931 года следователь допросил владыку

Арсения (в миру Александра Владиславовича) и предложил ему рассказать о себе и своих взглядах.

"Воспитание я получил в семье отца - учителя города Варшавы. Отец был человек верующий, но не фанатик, и духовной (церковной) жизнью семья не жила. Не имея никакого религиозного влияния со стороны членов семьи и извне, с 4-го класса гимназии я по собственному призванию стал увлекаться церковью - регулярно посещал все церковные богослужения¹⁴. По окончании семинарии поступил в университет на юридический факультет. В то же время стал заниматься богословскими науками. Ко времени окончания университета¹⁵ у меня уже определилась склонность к служению на духовном поприще, но, не считая себя достаточно подготовленным к этому, стал работать по линии юстиции. Четырехлетняя работа на судебных должностях в городе Варшаве явилась годами окончательного оформления моего мировоззрения, и я твердо решил идти на духовное поприще. В эти же годы усиленно занимался богословскими науками, что и дало мне возможность в 1900 году поступить на второй курс Казанской Духовной Академии. С 1902 года по окончании Академии был назначен на административно-педагогическую работу по школам духовного ведомства¹⁶. На этой работе в должности ректора Ардонской (Осетия) духовной семинарии застала революция 1905 года. Событиям 1905 года должной оценки не давал. Ясным для меня было то, что массовые выступления семинаристов России явились следствием сословной замкнутости

14 В молодые годы перешел из католичества в православие.

15 В 1896 году окончил Варшавский Императорский университет со степенью кандидата права.

16 23 марта 1902 года пострижен в мантию ректором Казанской Духовной Академии епископом Чистопольским Алексием (Молчановым) в академическом храме. В 1902 году рукоположен во иеромонаха.

духовенства и духовных учебных заведений. Существовавший режим в средних и высших учебных заведениях, формы и методы преподавания готовили людей односторонних. Очень часто молодежь (духовная) должна была идти в семинарии и священники против своего призвания. Вот поэтому, когда вспыхнула революция 1905 года, учащиеся духовно-учебных заведений и особенно семинарий были охвачены массовым волнением. Насколько помню, в их требованиях заметное место уделялось вопросам уравнивания духовных учебных заведений с другими гражданскими учебными заведениями с вытекающими отсюда правами. Волнение семинаристов России под влиянием революции 1905 года духовенством, в том числе и мной, рассматривалось не только как протест против замкнутого сословия, но в них были заложены элементы и социальной реформы государственной власти, к которым студенчество прислушивалось, но в силу сложившихся обстоятельств дальше протеста не пошло. Идти по пути уступок рассматривалось, что это приведет к оскудению православной веры в церкви, с другой стороны, нельзя задерживать тех, кто не имел призвания. Чтобы прошла острота вопроса, а с другой стороны, дать возможность определить свое отношение к событиям, считал, что целесообразнее учебные заведения распустить. Распущена была и Ардонская семинария. В самом роспуске семинарии, в том числе и Ардонской, где я был ректором, я усматривал какую-то своеобразную форму репрессий и ее считал вынужденно необходимой. Да этого требовали не только события, но и государственные интересы того строя, в котором духовенство (церковь) играло заметную роль. В том же, 1905 году, я должен был применить ту же меру к

семинаристам: распустить 3 и 4-й классы Ардонской семинарии, пытавшиеся учинить расправу с экономом¹⁷. Причем, для конвоирования их от семинарии до железнодорожной станции через местные власти вызвал отряд казаков 10-15 человек.

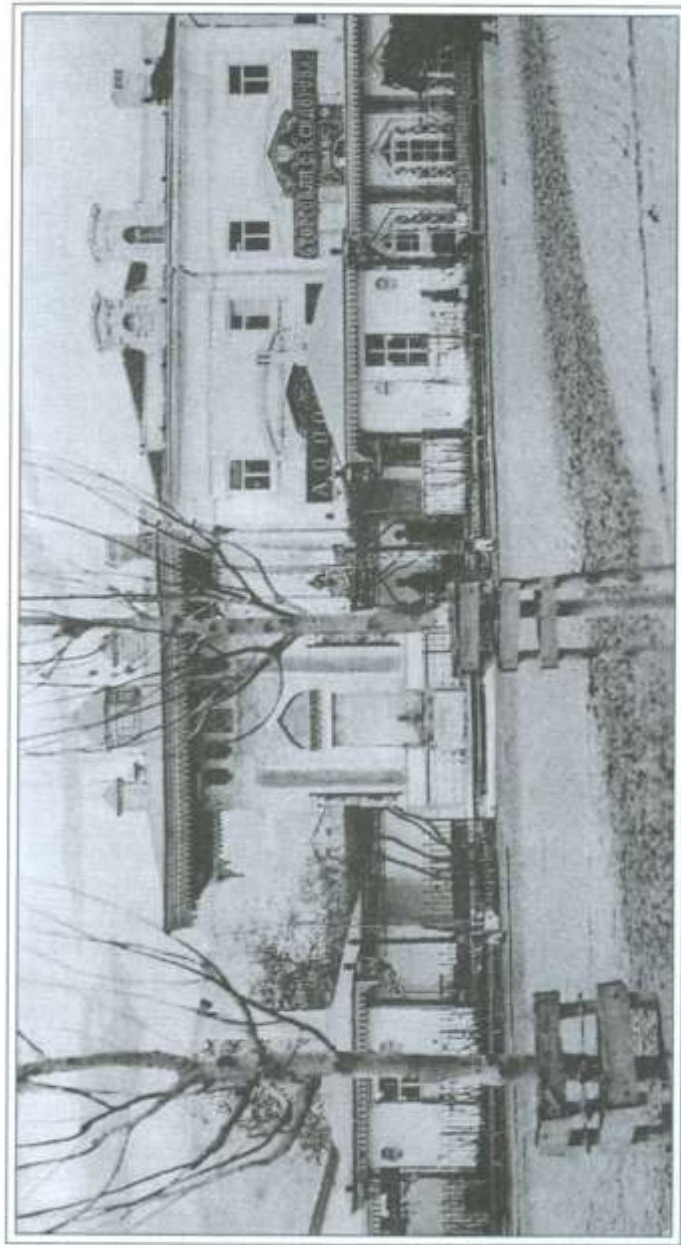
В наступившей после революции 1905 года реакции духовенство по линии Союза русского народа и других черносотенных организаций принимало активное участие. Мой непосредственный начальник Могилевский епископ Стефан (умер лет 15) принимал деятельное участие в этом Союзе. Этот же епископ пытался втянуть в Союз Истинно Русского Народа и меня, но, не разделяя этой работы с ним, в Союз я не входил. Во время империалистической войны моя роль как духовного лица сводилась к богослужению молебнов о даровании победы русскому воинству над врагами.

Февральскую революцию встретил с тревогой. Но в ней я уже усмотрел начало церковных реформ, и от них церковь должна уже пострадать и морально, и материально. Действительно, вначале было отменено преподавание Закона Божия в школах, детские собрания по религиозно-нравственным вопросам <нрзб.>. Октябрьскую революцию встретил с еще большей тревогой, чем Февральскую даже, чувствовалась растерянность. Ясно было для меня только то, что Октябрьская революция как революция пролетарская должна была положить конец церкви и религии. Расценивая же русский народ в массе как религиозный, считал, что на основании его потребности к вере Церковь

17 Помимо этого было совершено покушение и на епископа Арсения. Семинарист Иоаким Ясинский с оружием в руках пытался убить архиерея. Дальнейшая его судьба неизвестна.

найдет в нем свою базу, и что для ликвидации (изжития) религии нужно время. Если в настоящее время имеем в городах отход от церкви, то, по-моему, в деревне верующих много, и это есть основная база для церкви в данный период.

В 1919 году во время пребывания белых в Ростове ко мне в Таганрог из-за границы приехали митрополит Киевский Антоний (Храповицкий), митрополит Евлогий (Георгиевский), епископ Никодим (Кротков), ныне на покое, и Павел [Вильковский], ныне архиепископ Пятигорский. Пробыли у меня разные сроки и разъехались. Больше всех пробыл митрополит Антоний, недели две, и выехал в Киев. После занятия Киева красными вернулся обратно в Таганрог и находился у меня. В это время Антоний выезжал в Ростов-на-Дону, Краснодар и другие города. Официального никакого положения - служебного, насколько мне известно, при Добровольческой армии он не занимал, но мне известно, что он имел встречи в Ростове-на-Дону с Деникиным. Всего Антоний за это время посетил Деникина три раза. Деникин же Антония посетил два раза. Визиты Деникина Антонию были в Таганроге у меня на квартире. При белых в Ростове с Деникиным я имел четыре встречи. Два раза с визитом заходил к нему на службу, первый раз один, а второй с Антонием (Храповицким) по возвращении его из-за границы и два раза у себя на квартире, когда Деникин делал визит Антонию (Храповицкому).

Феодосия. Фонтан И.К. Айвазовского. Начало XX в.

При белых в Ростове я являлся архиереем Ростовским и Таганрогским, жил и в Ростове, и в Таганроге. Как епископу мне неоднократно предлагали провести церковные молебствия, как например, освятить броневик, отправляющийся на фронт. От этой чести я всегда тактично отделялся и в такого рода молебствиях участия не принимал. Из Таганрога от меня Антоний выехал в Краснодар 26 декабря 1919 года. Когда он попал за границу, мне неизвестно, сведений из заграницы от Антония лично или через третьи лица я не получал...

К церковному расколу в православной церкви, наступившему с 1918 года со времени Поместного Собора, я отношусь отрицательно. Этот раскол, по-моему, кроме вреда для церкви ничего не даст. В происходящей борьбе духовенство среди верующих теряет авторитет, и верующие отходят от церкви.

Мероприятия Советской власти по вопросу изъятия церковных ценностей я не разделяю. Мне как духовному лицу жалко было оголять церковь. Отдавать ценности (в то время я был епископом Ростовским) - это нужно было идти против себя, выступать открыто я также не мог, поэтому я не выступал ни за сдачу церковных ценностей, ни против, и свое положение в этом вопросе я характеризую - был на нуле. Во время изъятия ценностей в Ростове-на-Дону (в 1922 г.) был инцидент, выразившийся в избиении организатора изъятия ценностей (Муралова) и нанесении оскорбления члену комиссии НКУ Ростовского ГПУ - Емельянову. По этому делу был судебный процесс, по которому как обвиняемый проходил и я. Судом приговорен к расстрелу, а после расстрел заменен 10 годами тюремного заключения. Всего был в изоляции 5 лет. Освобожден досрочно по болезни".

О прошлом епископ Арсений заговорил под давлением следователя, так как именно в нем, а не в политкорректном настоящем архиерея таились главные претензии власти. Следователь предъявил епископу его статью "Убийства в Советской России", напечатанную в Ростове-на-Дону 30 сентября 1918 года в журнале "Церковь и жизнь" и некоторые другие документы, под которыми была и его подпись⁹.

После этого в присутствии подследственного архиерея следователь познакомился с его допросом от 13 мая 1922 года¹⁰.

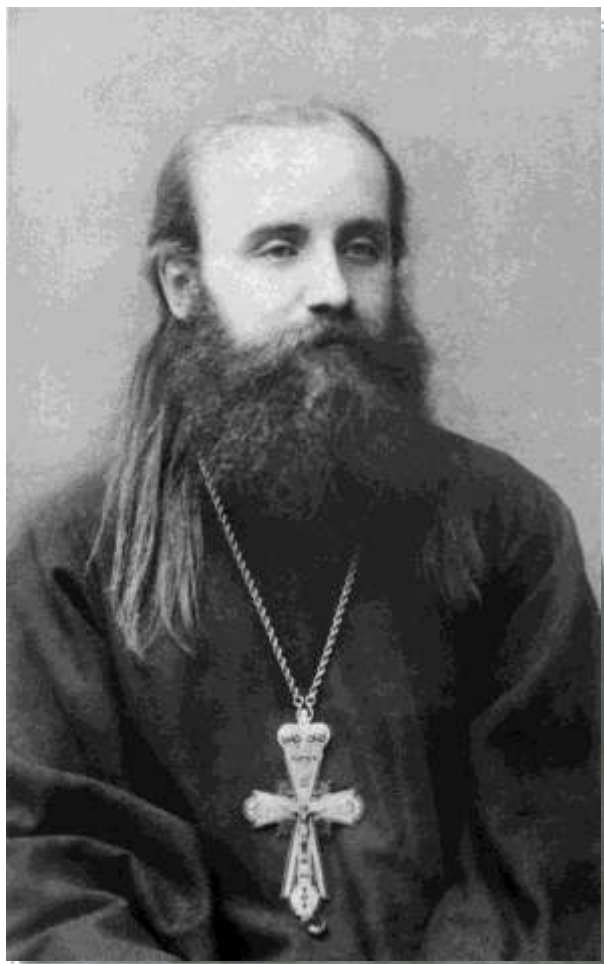
Следующий допрос состоялся 28 октября 1931 года. Следователь задал ряд вопросов и предложил архиерею в том же порядке дать свои ответы:

"1) Разделение в Русской Церкви имеет свои глубокие корни, скрывавшиеся в народной почве еще во время царизма и явственно обнаружившиеся после "февраля". Если началом церковной революции считать у нас появление так называемых рационалистических сект, то она длится уже около 80 лет. И нельзя сказать того, чтобы сектантство охватывало только элементы из менее культурных слоев общества. В Ленинграде, Москве появляются секты среди тогдашних высших классов общества. В начале текущего века брожение возникло среди части ленинградского духовенства. Это движение было предтечею обновленческого движения, хотя не все участники первого (протопресвитер Шавельский и др.) остались при своих мнениях и заняли места в живоцерковстве. Все современные движения в сторону от православия являются результатом болезненного состояния Русской Церкви, в каком застала ее революция.

2) Ликвидация церквей есть причина страдания для той

части населения, которая осталась верна религии, в частности, староцерковству. Перед фактами подобного рода мы, верующие, останавливаемся в молчании и грусти - и только!

3) Тем не менее мы не теряем надежды на то, что со временем острота церковного кризиса получит смягчение, и обеспечение духовных нужд жителей сел получит известное удовлетворение. Религия в основе своей имеет душевные переживания, а не есть только усвоение

Митрополит Антоний (Храповицкий)

известных положений ума, передаваемых катехизисом. Закрывание церковных собраний ослабит силу религиозного чувства в народе, но не может искоренить его, как закрытие музыкальных школ и истребление музыкальных инструментов не заглушило бы в народе музыкальности. Такие меры лишь стеснили бы ее развитие и силу власти, если бы таковой опыт, первый в истории человечества, был сделан; убедившись в его неполной значимости (а может быть, и большем), решили бы дать известный ход религиозному чувству в его собирательных стремлениях.

4) Западный религиозный мир, особенно католический и баптистский, учитывает оскудение религии в русском народе и предстоящий недостаток в ее учителях; он не в одном месте готовит кадры проповедников из русских эмигрантов, чтобы направить их к нам при возможности. Но наблюдения над нашим народом показывают, что он не склонен к католическому исповеданию; особенно это нужно сказать о великороссах. Более надежд могут иметь западные сектанты, но возможно то, что в прежнее время перешло бы в евангелизм, ныне стало атеистичным, и дальнейшее духовное состояние этой части народа загадочно.

5) Католические учебные заведения для воспитания ксендзов из русских имеются в Риме, Бельгии, Париже. Бывший секретарь царского посольства в Риме Голицын (кажется, так), из князей, стал ксендзом.

6) Сведения о жизни русских за границей и мыслях против нас со стороны иноверцев черпаю из светских газет и по слухам в Москве от разных лиц".

Следователь выяснил, что со своими родственниками: матерью Лецкадией Ивановной, братом Вячеславом, преподавателем математики, и сестрой Антониной, женой

бургомистра г. Владиславска — владыка потерял связь с 1917 года. В 1926 году он посетил Киев и от своего бывшего воспитанника протоиерея Владимира Садовниченко узнал, что мать и брат уже умерли, о сестре нет никаких сведений, а ее муж умер во время войны, и узнать что-либо не представляется возможным, так как священник уже прекратил отношения с польской стороной из-за большого риска и других неприятностей.

В Киеве Смолянец встречался с архиепископами Димитрием (Абашидзе) и Димитрием (Вербицким), а потом, заехав в Харьков к своему старому другу акцизному чиновнику Карасько, которого уже не оказалось в живых, встретился с епископом Онуфрием (Гагалюком). В том же 1926 году приезжал в Нижний Новгород к митрополиту Сергию (Страгородскому).

На допросе архиепископ говорил о том, что в марте 1929 года, когда он был в Москве, заезжал в Брянск с надеждой найти старого приятеля Рекунова из гор. Радзивиловска, у которого когда-то крестил дочь, но не нашел. По возвращении в Москву он заехал в Орел к епископу Николаю (Могилевскому), от которого узнал, что в его епархии среди духовенства было движение против власти и даже антисоветские выступления. Епископ сообщил ему, что оставить кафедру его вынудили обстоятельства жизни епархии. Для предотвращения этого движения местное ГПУ предложило ему выпустить воззвание к духовенству и мирянам. Воззвание он составлял четыре раза, но оно все не удовлетворяло ГПУ, и каждый раз его принуждали составлять новое. И только на пятый раз ГПУ одобрило его текст и обнародовало, а так как воззвание не отвечало его воззрению, то он после происшедшего решил уйти на покой.

Из Крыма в Москву выезжал дважды: первый раз в октябре 1930 года и посетил Москву, Тверь, Люберцы, а второй раз - в мае 1931 года и, помимо столицы, заезжал в Тверь и Тулу. В Москве останавливался и жил у митрополита Сергия, в Твери - у Анны Ивановны Троицкой, вдовы чиновника. В Туле был проездом и посетил только соборное духовенство и епископа Флавиана (Сорокина). В Люберцах останавливался у матушки Федосьевой, мужа которой выслали в Сибирь.

Следователь потребовал от владыки объяснить возможно подробней, что он знает о церковной жизни за границей и каково его отношение к ней.

"О жизни в церкви за границей мне известно следующее: заграничные русские эмигранты, численность коих мне не известна, во всяком случае составили очень значительные религиозные группы в больших странах Запада - Германии, Франции, Англии и довольно значительные в Италии, Швейцарии и др. Религиозные нужды этих групп, сильных также и культурностью их, стали обслуживать эмигрировавшие за границу священники и епископы. За организацию церковной власти на западе принялись митрополит Антоний (Храповицкий) - как личность выдающихся качеств ума, воли и нравственности, искренняя в своих взглядах и прямолинейнейшая в своих царски-династических, славянофильских, консервативных взглядах; так как Антоний возвышается всюду, где он появляется, то и за границей, несмотря на обилие среди русских эмигрантов выдающихся голов, он и на западе занял самое видное место среди русских ревнителей веры и духовных, и светских. На соборе в Карловцах, с историей коего я не знаком, был выработан проект организации русской

православной заграничной церкви в странах эмиграции (вошла ли в эту церковь Америка, мне не известно). Как отнесся к появлению в этих странах Константинопольский Патриарх, простирающий, по собственному мнению, власть над церквами, кроме посольских, не знаю. Сначала, по-видимому, дело стояло на чисто церковной платформе, и тогда Антоний имел всеобщий авторитет, покоившийся на его личности. Но так как среди русской церковной части публики на западе имеется немалый, а может быть, весьма значительный процент людей, отошедших от славянофильских начал и настроенных кадетски, а религиозные интересы обычно переплетаются с политическими, то прямолинейная крайняя правая точка зрения Храповицкого в делах политики отшатнула от него многих, возможно, очень многих его сторонников не только среди мирян, но и духовенство, даже среди епископов. Особенно это, по газетным слухам, обнаружилось в вопросе о престолонаследии. Хотя мнение русских в России по этому вопросу не было опрошено, и отсутствие в народе сожаления не только о падении, но и о судьбе династии должно было бы слуг престола образумить, тем не менее Антоний с единомышленниками форсированно ввели политику Союза русского народа в карловацкие сферы. По газетным слухам, будто бы даже за границей была совершена коронация одного великого князя в цари. При такой политической линии Храповицкого против его тактики восстал митрополит Евлогий. За границей произошло разделение в церковных кругах. Евлогий образовал церковное общество, может быть, церковь, не зависимую от Антония. В каких странах возобладало то и другое течение, в подробностях мне не известно. Во всяком случае, Париж занят Евлогием, в

Берлине епископ Тихон из лагеря Евлогия перешел в лагерь Антония; будто бы б. крайний правый фанатик Вениамин, б. Севастопольский и военный епископ порвал с Антонием. Каково процентное соотношение церквей и верующих разных православных ориентаций в разных странах ныне, не знаю, но, по слухам, позиции Антония ослабели. В Америке митрополит Платон будто бы отложился (или осудил) от Антония еще ранее Евлогия; писали, будто бы Антоний послал своих епископов в Америку; к чему там привела церковная распря, не знаю. В Соединенных Штатах церковное положение отяготилось тем, что там появился обновленческий епископ Кедровский и занял часть православных церквей. По образованию разных церковных формаций возник вопрос об отношении их к матери Церкви, так как самостоятельно существовать они не имеют основания в канонах. Евлогий признал для себя силу известных распоряжений митрополита Сергия, но вряд ли выдержал характер до конца, так как ныне он будто бы признал над собой власть Константинопольского Патриарха, то есть отрекся от митрополита Сергия. Антоний будто бы не порвал с Сергием, только вряд ли он признает для себя обязательными декларации нашего митрополита, не имеющие строго церковного содержания.

Относительно соединения англиканской, румынской, польской, сербской, болгарской церквей скажу следующее. Вопрос в такой постановке есть богословский абсурд. Речь может быть о соединении англиканской церкви с православной; это соединение может произойти в любой церкви православной страны, и в силу этого оно обязательно для всего православного мира. Какого-то договорного союза, отдельного, а не всеобщего,

англиканской церкви с отдельными автокефальными церквями быть не может. Вопрос о соединении англиканской церкви со всею православной церковью в лице Русской Церкви имеет свою почти столетнюю историю.

Еще более древнюю историю имеет история соединения этой церкви с Константинопольской. Соединение англикан с православными в Москве или Константинополе было бы обязательно для всех остальных автокефалий востока. Союзов между отдельными церквями не на церковной почве история Церкви не знает, тем более с неправославными, например, хотя бы английской. Католицизм в ожидании лучших времен для веры в России и ввиду осуждения в русском священстве в Союзе готовит кадры ксендзов из русской эмиграции. В Риме давно уже существующая семинария для образования русских клириков наполнена русским юношеством. Будто бы есть особые школы для русских в Бельгии и Париже. Одновременно с этим пропаганда среди верхов русского общества, существовавшая искони, оживилась в Риме, недавно перешел в католицизм кто-то из русских князей, бывший секретарем царского посольства в Риме.

Смолянец Александр
23.XI.32."

Следствие пыталось инкриминировать епископу Арсению связь с границей и то, что он передал митрополиту Антонию нечто порочащее отношение Советской власти к Православной Церкви. Следовательно выявил все сколько-нибудь реальные контакты, какие были у архиерея. В его поле зрения попали Евгения Петровна До

можирова¹⁸, жившая в Твери, лишь только потому, что поддерживала отношения с братом владыки - белоэмигрантом, живущим в Париже, и Мария Николаевна Мацнева, также из Твери, некогда входяая к Н.П.Римской-Корсаковой

Мученица Евгения Доможирова. Тверская тюрьма, 1932 г.

и поддерживавшая с ней переписку. Но архиепископ Арсений настаивая на том, что устное поручение описать условия его жизни и не больше он давал только Марии

¹⁸ Евгения Петровна Доможирова родилась в 1871 г. в Риге в семье генерала. Училась в институте благородных девиц в Варшаве и школе Красного Креста. Работала в военном госпитале, затем в Александро-Мариинском институте в Варшаве. Переехала в Москву и в 1907-1912 гг. работала сестрой милосердия в институте Московского дворянства. Во время I Мировой войны — сестра милосердия в госпитале на Западном фронте в Полоцке. В 1917 г. уехала в Тверь, где вела активную церковную жизнь, за что в 1932 г. арестована и этапом отправлена в Казахстан, где 18 января 1933 г. скончалась в Алма-Атинской тюрьме. Причислена к лику святых. Память празднуется 5/18 января.

Куртен и подчеркивал: "Несмотря на то, что мне отлично известно, что митрополит Антоний и митрополит Дионисий ведут активную контрреволюционную борьбу с Советской властью, я как его ученик чувствую с ним духовное

Мария Мацнева. Тверская тюрьма, 1932 г.

единение, и я все-таки дал такое поручение Куртен. Никаких других поручений политического характера я ей не давал". Связавшись с тверскими коллегами, следователь выяснил, что епископ Арсений был не вполне откровенен с органами и не назвал всех своих знакомых...

Священномученик Илия Громогласов.
Москва, 1900-е годы

Так он попытался скрыть свое знакомство с известным в церковных кругах профессором-протоиереем Илией Михайловичем Громогласовым¹⁹, с которым познакомился в 1929 году в Твери и посещал его неоднократно в 1930-1931 годах. Они говорили об экономических трудностях жизни в Крыму, о тягостных ограничениях духовенства, невозможности проповедовать, выезжать на приходы и непосильных налогах. Епископ Арсений рассказывал, как в Севастополе из-за неучтенной мелочи репрессировали священников, как был взорван Александро-Невский собор в Симферополе. Протоиерей Илия интересовался священником Сергием Булгаковым, его пребыванием в Ялте. По настоянию следователя владыка охарактеризовал своего собеседника следующим образом: "По политическим убеждениям Громогласов не монархист и не советски мыслящий человек, а скорее, может быть причислен к демократам".

Следователю стало известно о приятельских отношениях владыки с настоятелем Троицкого собора Дмитрием Боголюбовым, замечательным миссионером, с которым он случайно познакомился в Твери. В своих беседах они сокрушались о разрушающих церковную жизнь непосильных налогах и обговаривали удивительные

19 Илия Михайлович Громогласов родился 19 июля 1869 г. в с. Ермиши Тамбовской губ. в семье диакона. Окончил Московскую Духовную Академию в 1893 г., оставлен при ней профессорским стипендиатом. Защитил диссертацию на тему "Определения брака в Кормчей", за нее получил премию митрополита Макария. Преподавал в МДА, затем в гимназии. Выдержав экзамен в Московском университете, был принят в число приват-доцентов на юрфак на кафедру церковного права. Одновременно был профессором МДА по кафедре церковного права. Автор множества науч. работ по истории раскола. В 1917 г. Синодом включен в состав Предсоборного совета. Участник Поместного собора. 20 февраля 1922 г. Святейшим Патриархом Тихоном рукоположен в сан священника. 22 марта арестован, содержался во внутренней тюрьме ГПУ. По возвращении был настоятелем Воскресенской в Кадашах церкви. В мае 1925 г. арестован, сослан в Сургут Тобольского округа. В 1928 г. жил в Твери, служил в храме иконы Божией Матери "Неопалимая купина". 3 ноября 1937 г. арестован и 4 декабря — расстрелян. Причислен к лику святых. Память празднуется 22 ноября/5 декабря.

особенности наступившей эпохи.

На очередном допросе владыке пришлось по пунктам отчитываться и за свои знакомства, и за свои слова:

"Духовно-церковные меры митрополита Сергия, его воззвания, также и распоряжения о поминовении церковным обществом, а также духовенством были приняты с недоверием к их искренности. Между тем они имеют под собой каноническую подкладку.

Экономические и социальные мероприятия Советской власти тяжело отразились на положении Церкви: замена воскресений и праздников днями отдыха лишила Церковь немалого числа религиозных людей за службами в эти дни; коллективизация упразднила класс более зажиточных слоев села, финансовую опору Церкви и духовенства; само население связывает коллективизацию со свободой от церковных отношений, состояние единоличников - с Церковью. Возникает вопрос о дальнейшей судьбе Церкви. Люди отрицательного направления считают дело Церкви законченным в своем существовании; сторонники Церкви видят в этом начало духовного распада русского народа, то есть падение нравственности как неперемennого условия существования народа; середину занимают те, которые хранят в себе веру в Промысел Божий и духовные силы народа: народ-де выработает новые формы существования, где найдут себе применение коммунизм, до сих пор настроенный враждебно к религии, и человеческая потребность веры.

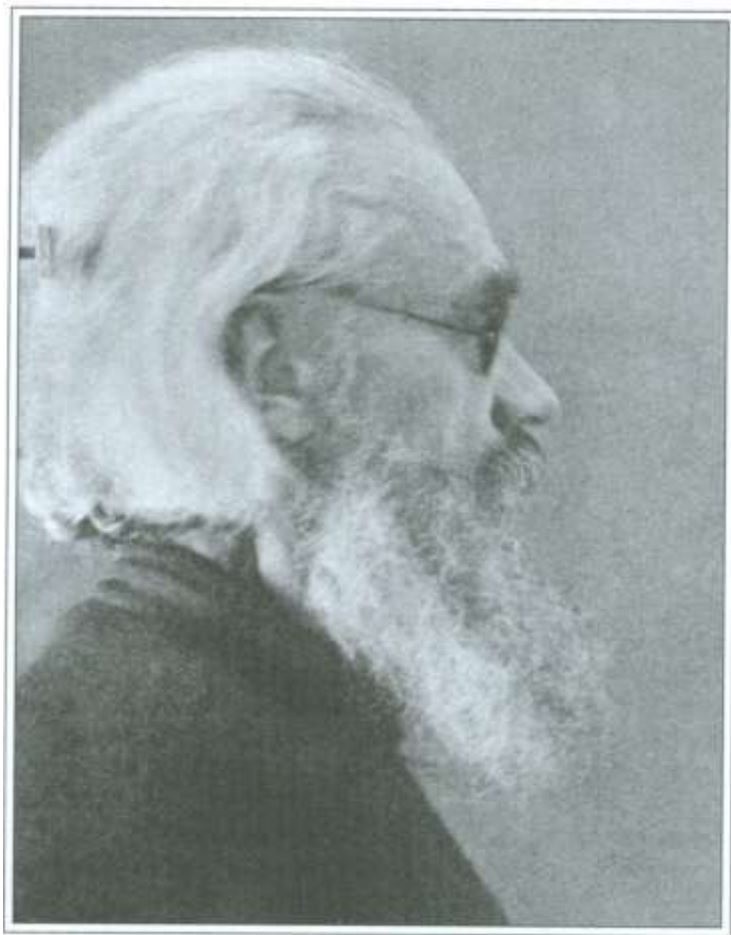
Если я говорил, что митрополит Сергий останется за бортом жизни, то я не беру назад своих слов в полном объеме. Доказательством этому является то, что собрания комплекта Синода при нем доведены до 4 кратковременных сессий; обычно же действует малый синод из

3-х лиц (в том числе и Сергия, и 2 иерархов). Очень может быть, что эти сессии будут малочисленные. При отсутствии духовно-административных и духовно-учебных заведений в связи с современным советским строем деятельность церковного центра фактически стала полунезависимой (если не меньше) от Москвы. Митрополит должен ориентироваться в отношении паствы к епископу или иерею; митрополит Сергей в таких случаях не навязывает своей воли населению. Лично я имею полное уважение к

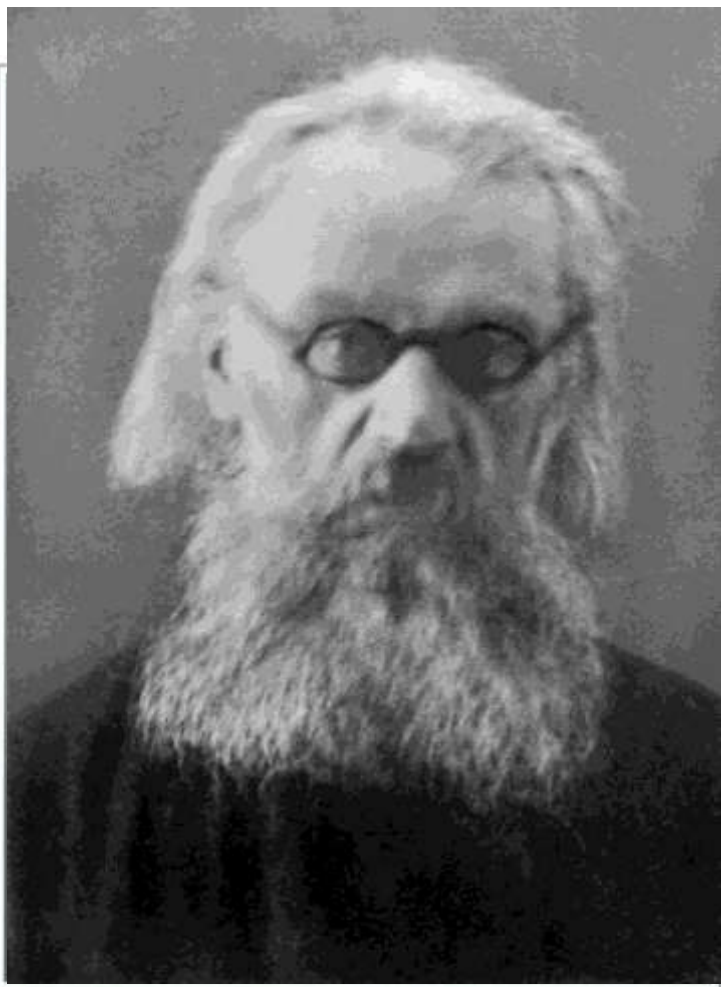
Армянский переулок с видом на музей древностей (гора Митридат). Фото 1930-х годов

митрополиту, столь превосходящему нас, епископов, умом и житейским опытом, и считаю его мероприятия и целесообразными, и не сходящими с колеи церкви. Союз митрополита Сергия с епархиями и епископами остается скорее в общении духа, нежели жизни. Что же касается

Архиепископ Арсений (Смолянец)

действий митрополита, то нет такого действия церковной администрации, которое было бы

Тюремное фото. 1932 г. Публикуется впервые

безразлично для гражданской власти, и святой Викентий Леринский в V веке писал: "Не государство в церкви, а церковь в государстве" <...>. Отношение органов ОГПУ к церкви и церковным вопросам, по-моему, для церковных руководящих работников — вопрос общеизвестный. Лично же мне как занимавшему руководящее положение в церкви в ряде епархий отношение ОГПУ к церковным делам известно еще

больше.

Среди своих приближенных и доверенных лиц об отношении органов ОГПУ к церкви и церковным делам я говорил. Этот разговор имел эпизодический характер, вытекал из разговоров в этом кругу по церковным вопросам. На мой взгляд, этот разговор никакой тенденции почти не имел и не имел цели сеять недоверие к органам власти среди церковников. Если же лица, с которыми я имел такого рода разговор, моим именем спекулировали, то за их действия виновным себя не считаю.

Относительно отношения Советской власти и большевиков к Церкви и священникам разговор в церковных кругах идет часто, и в настоящее время этот вопрос животрепещущий. Я считаю, что Советская власть ведет линию на уничтожение Церкви, и в этом усматриваю притеснение Церкви и репрессирование духовенства. Свою точку зрения среди доверенных лиц по этому вопросу высказывал в порядке обмена мнениями.

Относительно имевшего место моего заявления о системе шпионажа органов ОГПУ могу показать следующее. Летом 1931 года ко мне в Феодосию из Керчи приехал священник Лебедев Евграф. В разговоре с ним, когда Лебедев стал жаловаться на свое житье в Керчи, я ему сказал: "Вас не вызывают в ОГПУ, не предлагают записать в шпионы, это уже хорошо". И рассказал ему о разговоре в поезде со священником из Орла. Он мне передавал, что перед Пасхой в 1931 году в г. Орле всех городских священников вызвали в ГПУ и предложили записаться в шпионы - для донесений. Тех священников, которые не давали своей подписи, Орловское ГПУ высылало из города, а те, которые дали подписи, стали секретными сотрудниками ГПУ и были оставлены в городе.

О том, что Лебедев Евграф мой с ним разговор о системе шпионажа органов ОГПУ передавал керченским церковникам, мне никто не говорил".

Последнее сообщение особенно заинтересовало следователя, и он потребовал еще раз с большими подробностями рассказать, кто куда ехал и что именно говорил. Но ничего существенного сверх уже сказанного не услышал.

В результате своих "изысканий" следователь собрал весь возможный "компромат" на архиерея, в том числе и дореволюционный. "Следственное дело по обвинению Смоленца Александра Владиславовича - архиепископа Феодосийского и Крымского - Арсения, возникло на основании агентурных материалов, из коих усматривалась антисоветская деятельность, выражавшаяся в агитации среди церковников против мероприятий партии и Соввласти по церковным вопросам, в распространении слухов о притеснении духовенства, о незаконном репрессировании и системе шпионажа со стороны органов ГПУ <...>.

В дореволюционный период, еще в начале 1905 года, будучи инспектором Киевской духовной семинарии, Смолянец А.В. жестоко обращался с революционно настроенными семинаристами, за что на него было покушение - стреляли, но неудачно. В 1905-1906 годах после перевода из Киева на должность ректора Ардонской духовной семинарии Терской области арестовал одиннадцать семинаристов - руководителей революционного забастовочного движения в семинарии и распустил последнюю (вероятно, и роспуск семинарии следствие определило как вину архиерея перед Советской властью. - *Авт.*). Из числа арестованных после освобождения лишённые права поступать в учебные заведения кончали

жизнь самоубийством - стрелялись и бросались под поезд (откуда у следствия такие данные, из дела не видно. - *Авт.*) <...>. В 1919 году, во время пребывания белых в Ростове, совершал молебствия о даровании победы белому воинству над большевиками <...>. В 1922 году при проведении мероприятий Соввласти по изъятию церковных ценностей, являясь епископом Ростовским-на-Дону, оказал противодействие, выразившееся в избиении представителей власти (надо заметить, что владыка уже отбыл наказание по этому обвинению. - *Авт.*) <...>.

Материалами Сталинградского Окротдела ОГПУ за 1928-1930 годы за время работы в Сталинграде епископ Смолянец характеризуется как антисоветский тип, группировавший около себя реакционное духовенство, и подозревался в сношениях с духовенством, руководившим выступлением кулачества в Сталинградском округе в начале 1929 года²⁰.

Работая в Феодосии архиепископом Феодосийским и Крымским с 1930 по 1931 год, Смолянец окружил себя почитателями из бывших антисоветски настроенных людей, в их среде высказывал недовольство мероприятиями партии и власти по церковному вопросу, распускал слухи о притеснении духовенства, о репрессировании духовенства, о системе шпионажа органов

20 Этот вывод был сделан крымским следователем на основании "Выписки из меморандума секретного отдела Сталинградского городского отдела ОГПУ по агентурной разработке "Катакомба" по состоянию на IX-1930 г.": "Имевшиеся в нашем округе массовые волнения на религиозной почве преимущественно происходили со стороны церковников, причисленных к сергиевской ориентации, плюс ряд следственных дел на отдельных служителей церкви этой же ориентации дает основание полагать, что исходная нить к этому проходила со стороны возглавляющего в нашем округе эту ориентацию архиепископа Арсения, действовавшего через окружающую группу священников и монахов в городе, кои по его заданиям часто выезжали в районы для обслуживания тех или иных пунктов" и приложили характеристики на священника Павла Георгиевича Александровского, протоиерея Павла Алексеевича Добросердова и монахиню Римму.

ОГПУ и т.д."

В том же духе описана краткая встреча с М.Э.Куртен и Алябьевым-Касаткиным, "который рассказа,! о ряде провокационных сведений - о положении заключенного духовенства в Соловках. Касаткин не только нашел приют у Смоленца, но на дорогу до Москвы получил от него 30 рублей". И далее, вдохновляясь поставленной задачей, следовательно делает предположения:

"Барнаульским оперативным сектором разыскивается священник Касаткин, член контрреволюционной организации, по их сведениям, выехал в Крым. Посещение указанным Касаткиным Смоленца совпадает с выездом разыскиваемого Барнаульским оперсектором Касаткина, и есть основания предполагать, что Касаткин, посетивший Смоленца, есть Касаткин, разыскиваемый Барнаульским оперсектором. Среди своих приближенных церковников Панова и других распускал провокационные слухи, что церковной политикой руководит не митрополит Сергей, а ОГПУ в лице Тучкова Евгения Александровича.

Проживая в Крыму, посылал в лагеря и ссылку осужденным органами ОГПУ священникам - Жижи- ленко [на Соловки], Феодосьеву [в Сибирь], Гуричу и другим посылки. Подобные случаи имели место и в бытность его в Сталинграде <...>. При следствии Смо- лянec показал большую осведомленность в вопросах церковной жизни за границей <...>.

Из изложенного усматривается:

1) Установление Смоленцом в августе 1931 года связи с Антонием (Храповицким) через французско подданную Куртен и связь с Польшей через Садовни- чего Владимира Ивановича <...>.

2) Агитация среди церковников против мероприятий

Соввласти по церковному вопросу, распускание ложных провокационных слухов о руководстве церковной политикой ОГПУ, о системе шпионажа ОГПУ; оказание материальной помощи репрессированному духовенству <...>

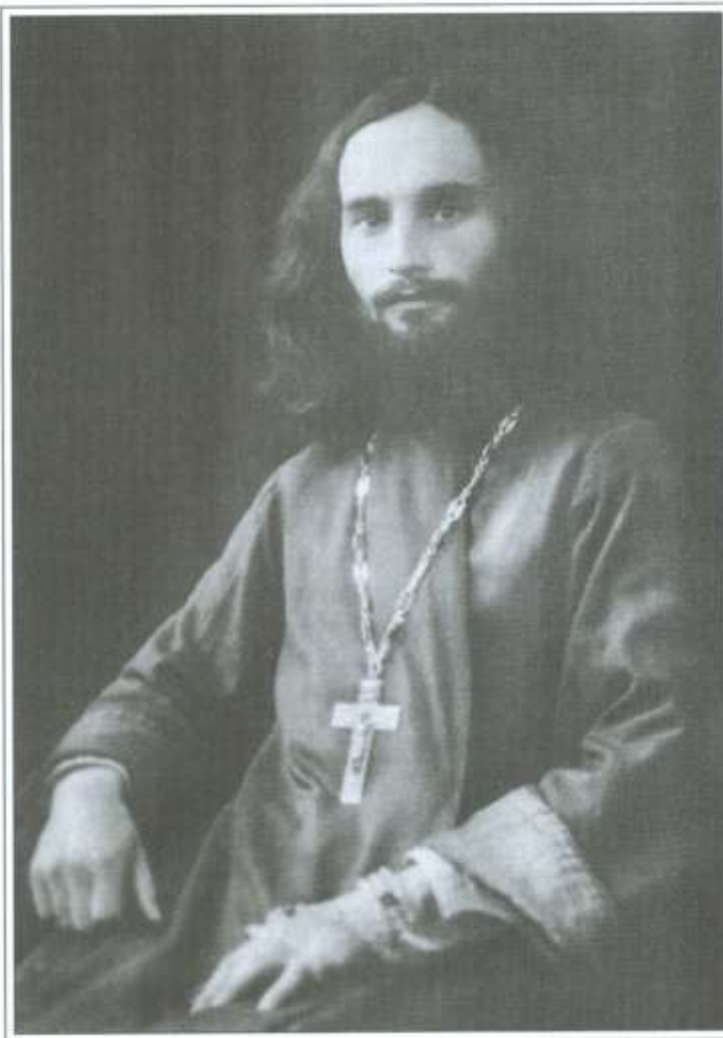
3) Активная борьба и репрессирование революционно настроенной молодежи - семинаристов в период 1905-1906 гг.<...>.

Материалы следствия в целом характеризуют Смоленца как монархиста, непримиримого к Советской власти элемента, способного к активной организационной контрреволюционной работе <...>. Арестованный Смолянец содержится при Крымизоляторе с 23 октября, перечисляется за Коллегией ОГПУ.

Оперуполномоченный 3-СПО ПП Модин 23.II.

1932. Симферополь".

14 марта 1932 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ постановило заключить архиепископа Арсения в концлагерь сроком на три года. 16 февраля 1933 года архиепископ Арсений был досрочно освобожден с лишением права проживать в 12 городах.

Протоиерей Федор Феодори.
Публикуется впервые

СУДЬБА ГРЕЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ

Священники Федор Феодори,

Никандр Сакун

и диакон Александр Бойченко

Суровые события тех лет не предполагали долгой жизни священнослужителей, посмевших, вопреки духу времени, засвидетельствовать свою веру. Мужественно исповедуя Христа, они в полной мере оставались наедине со своим упованием и верой. Погруженные в густое, удушливое марево государственного атеизма, христиане Феодосии из последних сил поддерживали друг друга и пытались отстоять свои храмы. Но поставленные партией задачи власти выполняли своевременно, и когда, по мнению руководства города, пришло указание закрыть греческую Введенскую церковь, церемониться не стали.

Вначале запретили церковной двадцатке делать необходимый ремонт, а потом, ссылаясь на плохое техническое состояние храма и "опасность использовать его по назначению ввиду ветхости здания", 25 апреля 1937 года волевым решением закрыли церковь. Лишенные повседневных забот, до времени отвлекавших их от суровой реальности, представители церковной двадцатки во главе со священником Федором осознали, что для них наступило особое время, трагизм которого в полной мере всем им придется испытать на себе.

вященник Федор^СВасильевич Феодори родился в 1887 году в Симферополе в семье крымских греков. По окончании Таврической духовной семинарии он нес послушание псаломщика в ялтинском Александро-Невском храме.

Его отец, протоиерей Василий, был настоятелем церкви святого великомученика Феодора Тирона, в жизни которой принимал участие А.П.Чехов. В память о дружеских отношениях отец Василий подарил писателю резной кипарисовый крест с изображением Спасителя и получил от него фотографию с дарственной надписью: "Отцу Василию Феодори на добрую память. Антон Чехов. 1900.У.24".

Страшные годы революции и гражданской войны застали Федора Феодори в солнечной Ялте. Ужасы братоубийственного кровопролития опалили его душу, смутили совесть. Как и многие его соплеменники, он захотел уехать от непрекращавшихся проблем и потрясений в безоблачную Грецию. Знакомство с греческим вице-консулом Евтропием Попандопуло, в 1920 году предложившим ему свои услуги, облегчало задачу. Феодори написал заявление и стал собираться на историческую родину, но непредвиденные обстоятельства помешали осуществить задуманное. А в 1923 году Попандопуло был арестован и отправлен в Москву, так что идея с переездом отпала сама собою.

Федор Васильевич принял священный сан, некоторое время служил в Алуште, а потом в Бахчисарае. В 1929 году он был назначен настоятелем Введенской греческой церкви в Феодосии, переехал с семьей по месту своего нового служения, где и оставался всеми любимым

пастырем вплоть до своего ареста. Приход состоял по преимуществу из греков, многие из которых были турецкими или греческими подданными. Служба совершалась, как правило, на греческом, и русских прихожан было немного. Только председателем церковной двадчатки была русская женщина Мария Васильевна

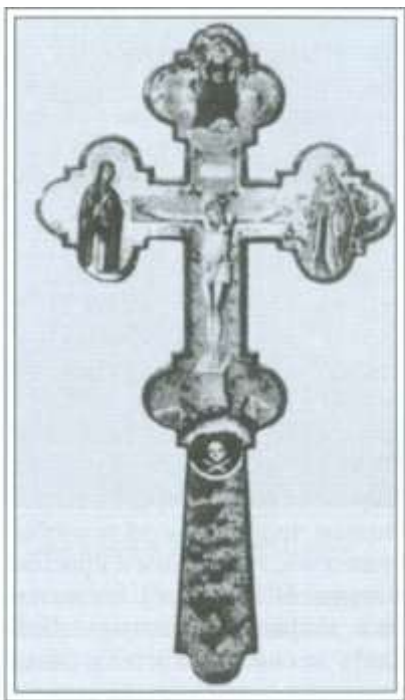
Шонова. Как-то раз после службы к ней подошел церковный активист Константин Георгиевич Кацалиди и попросил ее стать председателем двадчатки. Сам он не мог им быть как иностранный подданный, но пообещал, что ее нагружать работой не будут и по возможности все необходимое сделают сами, от нее же требуется только формальное присутствие. Она пообещала подумать и через два дня дала согласие.

Протоиерей Василий Феодори.
Конец 1890-х годов

Вторым священником был Никандр Васильевич Сакун. Он родился в крестьянской семье в 1878 году в слободе Печениги Харьковской губернии. К служению алтарю его привела искренняя религиозность. До 1917 года служил в Алуште. О нем упоминает И.С.Шмелев в "Солнце мертвых" как о симпатичном и веселом диаконе. В браке с

Матроной Георгиевной имел сыновей, судьба которых сложилась трагично: Серафим умер в 1924 году от голода; младший Евгений во время немецкой оккупации в 1941 году добровольно разделил участь жены-еврейки и был расстрелян; старший погиб на фронте. С 1932 по 1936 год отец Никандр служил в селе Марфовке, откуда епископ Симферопольский и Крымский Священномученик Порфирий (Гулевич) в 1936 году перевел его вторым священником во Введенскую церковь. Тихий и скромный, он спокойно отреагировал на просьбу того же Константина Кацалиди не вмешиваться во внутренние дела греческой общины. Отец Никандр любил приходить задолго до начала службы и сидеть в церковном дворе. Его обступали приезжавшие из сел крестьяне, задавали вопросы,

Кипарисовый крест, подаренный А.П.Чехову
протоиереем Василием Феодори

жаловались на колхозную жизнь, беседовали о пережитом. С ними отцу Никандру было легко и просто, он отдыхал душой, чувствуя, что еще много простых людей, потеряв имущество и надежду на материальное обустройство, сохранили веру, не отчаялись и, как подобает

христианам, смиренно взирали на тягостную неправду, творившуюся вокруг. С отцом Федором он был знаком еще по Ялтинскому благочинию; встречались на церковных съездах, эпизодически переписывались. В 1931 году, проезжая через Феодосию, отец Никандр нанес отцу Федору визит вежливости. Одним словом, новое назначение не было ему в тягость, и он с радостью исполнял свое церковное послушание.

В греческом храме служил и диакон Александр Николаевич Бойченко. Родился он в 1874 году в селе Миловатка Харьковской губернии в крестьянской семье. Еще молодым человеком он полюбил монастырскую жизнь и ушел послушником в красивейший Святогорский монастырь. В 1922 году, когда изымали ценности и

пытались закрыть монастырь, Бойченко сподобился пострадать за святую обитель, был арестован, отправлен в Артемовск, но вскоре за отсутствием состава преступления отпущен. В том же 1922 году его рукоположили в диакона, и только в 1929 году он оказался в Феодосии. Служил в соборе до его закрытия в 1932 году, а после перешел в греческую церковь. Жил тихо и неприметно. Спустя время завел приятельские отношения с однажды появившимся в греческой церкви Нестором Немковым - народным проповедником. В толстовке, с большой серебристой бородой и длинными усами, он неожиданно появлялся перед собравшимся народом и говорил: "Работать нельзя, этим мы укрепляем власть безбожников, и жить в стране, где не верят в Бога, я не хочу". В 1936 году Нестор ушел в Сухуми, по слухам, пытался перейти границу, но не смог. Вернулся снова в Феодосию, но уже без прежней бороды и толстовки.

Священник Никандр Сакун

Был пономарем у священника Красницкого. Жил в Сарыголе случайными заработками. Как и прежде, активно участвовал в церковных делах, писал прихожанам заявления, давал советы. Исчез из Феодосии Нестор

Немков так же неожиданно, как и появился, и больше о нем никто не слышал.

После его исчезновения диакон стал чаще бывать у отца Никандра - любил поделиться с ним заветными

мыслями о Боге и спасении, о гонениях власти на религию и закрытии церквей. Вокруг отца Александра всегда было много людей. С ним было легко общаться, и простые люди тянулись к нему. В среде верующих он чувствовал себя свободно и, не оглядываясь, говорил обо всем, что было на сердце. "Хорошо было бы восстановить церкви и монастыри, - говорил диакон, - но надо, чтобы захотел этого народ, а это до некоторой степени зависит от нас, насколько мы сможем увлечь за собою народ". Как правило, приезжее духовенство останавливалось у отца Александра.

После закрытия греческого храма церковная двадцатка еще больше сплотилась вокруг настоятеля священника Федора и задумалась, что можно предпринять в такой ситуации¹¹. Харалампий Дмитриевич Мельников, некогда юрисконсульт, член церковной двадцатки, охотно писал заявления и давал безвозмездные юридические консультации верующим, за что был лишен избирательных прав. По благословию отца Федора от имени церковной общины он составил жалобу на имя председателя ВЦИК и прокурора Феодосии, а также посоветовал всем греческим подданным обратиться к консулу Греции с ходатайством. Церковный сторож Спиридон Николаевич Ракоти вызвался поехать в Москву. Ему удалось встретиться с консулом Евтропием Попандопуло, старым знакомым отца Федора по Ялте, и поведать о невзгодах феодосийских греков, пожаловаться на притеснения властей. Консул передал привет священнику и уверил Спиридона Ракоти, что в ближайшее время поставит перед наркомом иностранных дел Литвиновым вопрос о греческом храме Феодосии.

Хорошие новости из Москвы окрылили греков, подарили надежду на скорое и успешное разрешение их проблем.

Обрадованный отец Федор написал Е. Попандопуло благодарственное письмо. Ответа не последовало, храм оставался закрытым... Тогда в Москву поехал Константин Георгиевич Кацалиди. Торговец зеленью на рынке, он не привлекал к себе особого внимания, но в то же время был центральной фигурой в греческой общине, и к нему стекалась вся информация. Совместно с настоятелем он принимал ответственные решения, раздавал доверенным людям различные поручения, в том числе и церковного свойства. Кацалиди был принят консулом не менее радушно, но так же безрезультатно - церковь оставалась закрытой.

Феодосийские греки были недовольны медлительностью консула и решили обратиться к греческому королю через моряков, нередко посещавших Феодосию. Между тем поиски правды греческими подданными Феодосии стали известны местному НКВД, и лейтенант Ручкин 25 июня арестовал священника Федора Феодори с обвинением в принадлежности к "контрреволюционной организации, поддерживавшей связь с консульством одного иностранного фашистского государства", а также за то, что священник якобы "систематически проводил контрреволюционную пропаганду, направленную на подрыв Советской власти". В тот же день с подобным обвинением были арестованы диакон Александр Бойченко, староста Мария Шонова, Харалампий Дмитриевич Мельников и Спиридон Николаевич Ракоти.

Первую неделю после ареста священник находился в феодосийской тюрьме. Следствие собирало дополнительную информацию и "работало" над своими подследственными. После того, как Спиридону Ракоти напомнили о его прошлом "маклера" и "золотовалют-

чика", он на первом же допросе стал давать смертоносные показания. С подробностями и политической оценкой стал рассказывать:

"Кацалиди сидел у меня в сторожке, выпил рюмку водки. Затем он стал высказывать недовольство против Советской власти, говоря, что правительство неправильно закрыло церкви, но затем добавил: "Ничего, как закрыли, так и откроют, все равно Советская власть долго существовать не будет". Через некоторое время он у меня в сторожке высказал недовольство на Советскую власть, говорил, что скоро будет война и тогда Советской власти не будет". Ракоти добавил, что и отец Никандр Сакун "также проводил контрреволюционную пропаганду среди верующих, особенно среди приезжих крестьян. Прежде всего он им жаловался, что церковь закрыта неправильно, но утешал их тем, что скоро будет открыта. Расспрашивал у колхозников, как им живется в колхозах, затем добавлял: "Но ничего, наверное, скоро будет война, и тогда заживем по-старому..."

На основании этих показаний 4 июля отца Никандра арестовали. Он отказывался отвечать на вопросы, надеялся отмолчаться, и ему устроили очную ставку с Ракоти, но эта лукавая встреча ничего не дала следствию. Через несколько дней для более успешного продвижения дела был арестован Кацалиди. После допросов побывал на очной ставке с бывшим единомышленником С.Ракоти, от которого следствие узнало, что Кацалиди

Греческий
паспорт
К.Г.Кацали
Воспроизвод
впервые

[illegible]

Павел Иванович
Иванов

Греческий
паспорт
И.Ф.Сейтаниди.
Воспроизводится
впервые

Αριθμός 578 Μαρίνου Ν. 1358	ΒΑΣΙΛΕΙΟΝ ΤΗΣ ΕΛΛΑΔΟΣ	PROSEKION GRÆKION ΤΗΣ ΕΛΛΗΝΙΚΗΣ Β. ΠΡΕΣΒΕΙΑΣ EN MOSCVA	ΠΡΟΞΗΚΟΥΝΤΟΝ ΗΛΕΓΕΝΤΑΣ Ε ΚΑΤΗΓΟΡΙΑΣ ΔΡΑΧΜΑΙ ΜΕΤΑΛΛΑΚΑΙ Ε	Αποστολέας του Κ. <i>Γεωργίου Βασιλείου</i> <i>Γεωργίου</i>	Τη παρόντη διαπιστευτικήν Τη παρόντη διαπιστευτικήν Τη παρόντη διαπιστευτικήν	11. ΟΚΤ. 1938	Ο ΠΡΑΞΑΝΤΗΣ Γραμματέας <i>Γεωργίου Βασιλείου</i>	 	ЭЛЛИΝΙΚΟΝ ΚΟΡΟΛΕΥΣΤΩ	Греческая Королевская Миссия В МОСКВЕ	ЖЕЛТУСЯЩАЯ ЧАСТЬ	СВИДЕТЕЛЬСТВО О НАЦИОНАЛЬНОСТИ	<i>Сейтаниди</i> <i>Иван Григорьевич 1883 г.р.</i>	κρείσσει παρὰ προξενίου... αὐτῶν τῶν ἀποστολῶν... ἡμετέρας ἐκδόσεως... ἡμετέρας ἐκδόσεως... ἡμετέρας ἐκδόσεως...	Москва, 11. ΟΚΤ. 1938	 Секретарь <i>Γεωργίου Βασιλείου</i>	ΚΑΤΗΓΟΡΙΑ ΤΟΥ ΚΑΤΗΓΟΡΟΥ Τὸν ἀποστολέαν, ὅπως ἐπιστάμεθα Τὸν ἀποστολέαν, ὅπως ἐπιστάμεθα Τὸν ἀποστολέαν, ὅπως ἐπιστάμεθα	Εἰς τὴν ἀποστολὴν τῆς... ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΙΑΣ ΤΗΣ ΡΩΣΙΑΣ
--------------------------------	------------------------------	---	---	--	---	---------------	--	---	-----------------------------	--	------------------	--------------------------------	---	--	-----------------------	--	--	--

впереды

активно общался с греческими матросами и жаловался им на Советскую власть, закрытие церквей и brutальную бесцеремонность местных чиновников.

Первый допрос отца Федора состоялся 28 июня 1937 года:

- У вас при обыске найдены ноты "Похоронный марш Шопена", к которым был приклеен вырезанный из газеты портрет т. Сталина. Дайте объяснения по этому поводу.

- Ноты "Похоронный марш Шопена" принадлежали моей покойной жене и хранились мною как память. Портрет Сталина вырезан из газеты "Известия", я сам и положил в папку с этим портретом и другими бумагами. Портрет Сталина в папке оказался случайно под нотами "Похоронный марш Шопена". Других объяснений я дать не могу.

- Вам предъявляется портрет т. Сталина со следами в правом углу явной приклейки. Вам же во время обыска был предъявлен портрет, который слегка был приклеен к нотам. Ваше объяснение не удовлетворяет следствие. Дайте правдивые показания.

- Я сказал правду.

- Для какой цели и кто вам дал поручение вести учет греческих церквей на территории Крыма?

- Кто мне давал поручение вести учет греческих церквей на территории Крыма, не помню. Записи я вел для себя.

- Ваши ответы не удовлетворяют следствие. Постарайтесь вспомнить, чьи поручения вы выполняли, производя предъявленные вам записи, обнаруженные у вас при обыске?

- Ничего вспомнить не могу.

На следующий день после физического воздействия

допрос продолжился.

- Следствие требует от вас правдивых показаний. С какой целью вами был составлен список греческих церквей, расположенных на территории Крыма?

- Список я составил с той целью, чтобы знать, какие греческие церкви имеются на территории Крыма.

Пометки в списке обозначают: "плюс" - имеется греческий священник, "минус" - не имеется.

- Для чего был нужен этот учет?

- Для моей любознательности.

- Ваши ответы не удовлетворяют следствие. Отвечайте следствию, для чего вам был нужен этот учет?

- Признаю, что этот список греческих церквей мною был составлен с целью распределения греческих священников в незанятые приходы. Ко мне устно и письменно обращались греческие священники с просьбой дать сведения о незанятых греческих приходах. Такие сведения я греческим священникам давал.

- Когда и кто обращался к вам за этими сведениями?

- Ко мне обращался в 1936 или 1937 году русский священник Леонид Кульчицкий из Судака, Никосполи - лити Георгий - греческий священник из Украины (Новоалексеевка), Бычковский Николай - русский священник из Старого Крыма, Спиридон А. - светский житель Бахчисарая - после ареста греческого священника в Керчи. Ко мне обращался староста греческой церкви Канталиди Федор с просьбой подыскать греческого священника.

- Таким образом, следствие констатирует, что вы занимались учетом греческих церквей, греческих священников и их распределением. Признаете вы это?

- Да, признаю.

- От кого вы имели такие поручения?
- Ничего ответить не могу.
- Почему?
- Потому что поручения я ни от кого не имел.
- Ваш ответ не удовлетворяет следствие. Дайте правдивые показания.
- Я их уже изложил.

Через 10 дней, 8 июля, священника снова привели на допрос.

- Продолжайте ваши показания. От кого вы имели поручения заниматься греческими церквями и греческими священниками в Крыму?

- Это я делал по собственной инициативе.
- Ваши ответы не удовлетворяют следствие. Вам предлагается дать правдивые показания. Каким образом и через кого вы осуществляли связь с Патриархом Вселенским в Константинополе?

- С Патриархом Вселенским я связи не имел.

Следователь выяснил, что отец Федор бывал у священника Никандра Сакуна, у помощницы старосты Елены Тахтамышевой, у некой Вершевецкой, которая работала в меховом магазине, и у церковного сторожа Спиридона Ракоти.

- От кого вы получали сведения о состоянии греческих церквей в Крыму? - настаивал следователь.
- Сведений я ни от кого не получал.
- Из каких источников вы узнали о наличии греческих церквей и греческих священников?

- Сведения я получал от архимандрита Георгия Вукунаса. В 1925-26 гг. он выехал в Грецию, где умер от грудной жабы. Он находился тогда в Севастополе и приезжал ко мне в Бахчисарай, где я служил в греческой

церкви. Кроме того, я как уроженец Крыма сам хорошо знаю, где находятся греческие церкви в Крыму.

Следователь выяснил, что отец Федор выезжал в 1929 году в Симферополь к епископу Порфирию (Гулевичу), и начинается повтор прежних вопросов, но уже с большим давлением.

- От кого вы имеете сведения о греческих священниках в Крыму?

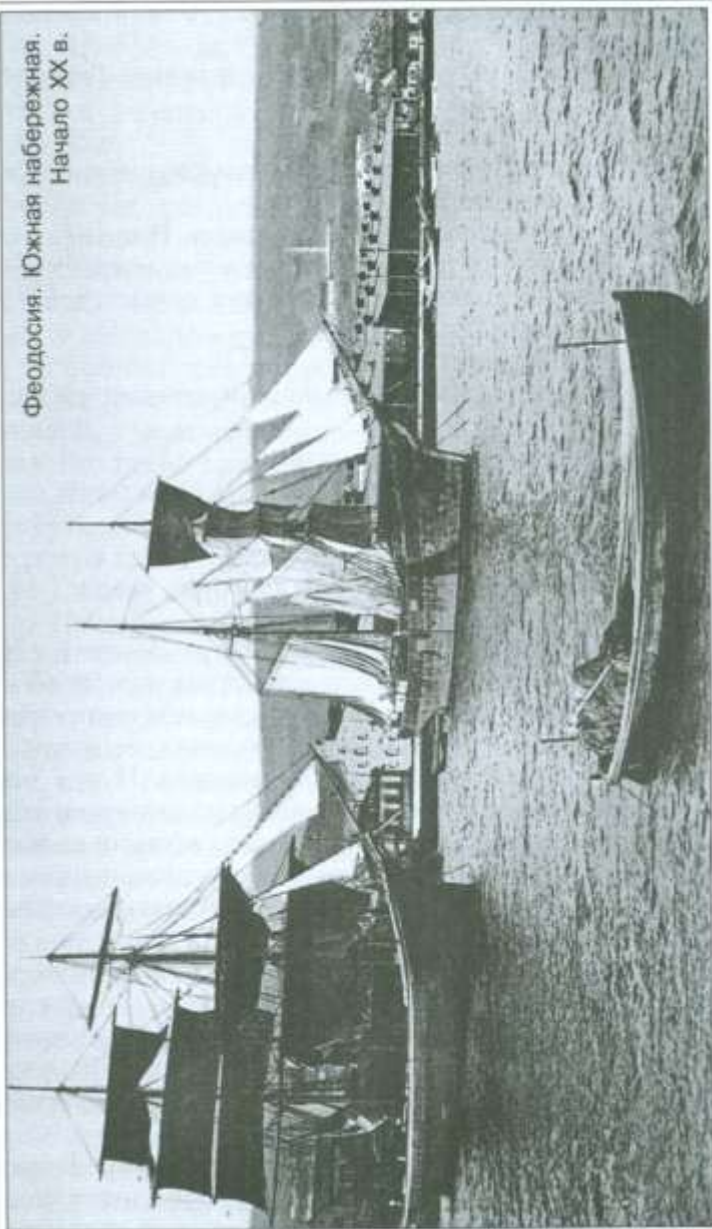
- Все греческие священники, занятые в греческих церквях в Крыму, имеют между собой связь. Связь осуществляется путем передачи сведений при личных встречах друг с другом и через прихожан.

- Кто возглавляет руководство в Крыму греческих церквей и греческих священников в последнее время?

- После ареста священника Елеазара Спиридонова, настоятеля евпаторийской церкви, руководство в Крыму греческой церковью перешло ко мне.

- Кто уполномочивал, от кого именно вы имели поручения и инструкции?

Феодосия. Южная набережная.
Начало XX в.

- Это я делал нелегально, по собственной инициативе.
- Ваш ответ не удовлетворяет следствие. Говорите правду.

- Я сказал правду.

- Почему вы проявляли инициативу в этом вопросе?

- Ничего ответить не могу <...>.

- Вы уклоняетесь от прямого ответа. Ваше нежелание отвечать по существу поставленного вопроса расценивается следствием как попытка скрыть действительные факты. Так это?

- Ничего ответить не могу.

- Вы желаете давать показания и отвечать на вопросы?

- Да, желаю давать показания.

- Какие вы имеете поручения от греческого консульства и непосредственно из Греции?

- Поручений я не имею.

- Следствие предлагает вам говорить правду.

- Говорю правду.

Один Бог знает, что происходило в кабинете следователя в бесконечно трагичных промежутках между лаконичным вопросом и записываемым секретарем ответом. Следователь выбивал, вырывал, вымучивал показания из обессиленного священника. И под давлением, мало-помалу, не выдерживая напряжения, отец Федор стал давать показания, как вся община не могла и не хотела смириться со своим упразднением и была готова пойти на крайние меры, только бы сохранить свой храм.

Он рассказал, как Димитрий Феофанович Тако ездил в греческое посольство хлопотать об открытии церкви и возил с собою заявление и жалобы подданных Греции. А также привез консулу газету "Пролетарий", где была помещена заметка, "изобличающая ему известного

К.Г.Кацалиди как хулигана".

Консул доверял Кацалиди и на словах уполномочил его отслеживать все события в Феодосии и ее окрестностях, так или иначе связанные с греческой диаспорой. И тот наблюдал за греками поселков Су- баш, Шах-Мамай, Шашурза, Старый Крым, Джанкой, Султановка, Курбаш, а необходимые средства он получал в церковной кассе. Но этих признаний оказалось мало.

- Вы следствию говорите неправду. Следствие требует от вас правдивых показаний.

- Я говорю правду.

- Следствию известно, что заявление, которое посылалось через Тако в греческое консульство, писалось у вас на квартире в вашем присутствии.

Под воздействием грубой силы священник ответил:

- Да, действительно, заявление греческому консулу писалось у меня на квартире, и содержание заявления я знал. Его писал Мельников Харалампий Дмитриевич.

- Следствие знает, что Тако передал в греческое консульство материалы шпионского характера. Вы это подтверждаете?

- На этот вопрос я ответить не могу.

- Почему вы не можете ответить на этот вопрос?

- Потому что я ничего не знаю.

- Вы говорите следствию неправду. Следствие требует от вас дать правдивые показания.

Под все усиливавшимся давлением иссякали последние силы, сознание мутилось, и контроль над вымучиваемыми ответами ослабевал. Вытащив из подследственного признание, что в греческий храм заходили иностранные моряки, сотрудник НКВД с дружелюбной фамилией Братенков направил разговор в нужное для него русло -

контакт с иностранными моряками, а когда Феодори признал, что к нему в храм заходили верующие с греческих судов, что обычно в портовом городе, инкриминировал случайные встречи как шпионскую деятельность. Как-то раз в храм зашли три женщины и спросили, как зовут священника. Узнав, что он грек (женщины были с греческого судна), спросили, много ли в Феодосии греков, на что отец Федор ответил, что в городе живет около 300 семейств. После этого женщины взяли благословение и ушли. На подобные эпизоды, естественные для церковной жизни, никто не обращал внимания, так как всякий без спросу мог войти в храм и обратиться к священнику.

Центральным в обвинении священника стал следующий эпизод. В 1933 году греческий корабль "Святой Николай" остановился на ремонт в феодосийском порту. Радист этого корабля некий Федор (фамилию которого так никто и не выяснил) пришел в греческую церковь и по окончании службы подошел к настоятелю. Разговорившись, они вышли в церковный двор. Моряк рассказал, что он родом из Александрии, с детства воспитан в православной вере, их корабль остановился в Феодосии из-за поломки винта и простоит в порту еще несколько недель. И попросил благословения посещать церковные службы. В разговоре со священником, что понятно, он поинтересовался положением греческой церкви при Советской власти, ее материальным достатком. Отец Федор, не лукавя, сказал как есть, что положение церквей и священнослужителей весьма плачевное, настолько стеснительное, что они едва выживают и сам он лично очень нуждается. Матрос посочувствовал и пообещал отцу Федору помочь, сделать

через торгсин необходимые покупки. Священник поблагодарил, на том они расстались. Через несколько дней после знакомства Федор принес священнику в подарок большую посылку с мануфактурой и продуктами, приобретенными в феодосийском торгсине. Во время встреч, которые, как правило, были после богослужения, они говорили о насущных проблемах греческой колонии, материальных невзгодах, дальнейшей судьбе. Федор посоветовал священнику и другим грекам предпринять попытку выехать в Грецию и порекомендовал вести более энергичные отношения с греческим консулом. Вскоре корабль "Святой Николай" ушел; добродушный гость больше не появился и не написал священнику, как обещал, а отец Феодор не знал его адреса. К этому пятилетней давности эпизоду следовательно немотивированно отнес появление в разное время других греческих матросов,

Феодосийская гавань.
Фрагмент стереооткрытки начала XX в.

жертвовавших храму ладан и оливковое масло. Почти случайно следствие выяснило, что у соседа отца Федора часто бывают иностранные моряки, а его сын живет в Америке, на основании чего было сделано еще одно ничем не подтвержденное "важное умозаключение" - отец Федор тайно встречался с иностранным подданным на квартире соседа.

На допросе 26 августа священник перестал сопротивляться и после очередного предложения "подумать и дать правдивые показания" сдался. Следователь поинтересовался, кто собирался у него на квартире, и отец Федор перечислил всю церковную двадцатку, члены которой

действительно собирались у него для решения насущных проблем. После этого следователь Братенков сделал "логический" вывод, что это и есть "антисоветская организация шпионского толка, занимающаяся преднамеренной клеветой на власть рабочих и крестьян". "Таким образом, - записал следователь в протоколе, - следствие установило, что вся эта группа, враждебно настроенная против Советской власти, является церковной контрреволюционной организацией".

- Да, признаю, - сказал отец Федор на допросе, - что мы являемся участниками контрреволюционной организации. Руководителем является Кацалиди Константин Георгиевич. Собирались у меня, Феодори, или в церковной сторожке у сторожа Спиридона Ракоти. Наша организация ставила своей целью защищать церковь и население, главным образом, греческое от советского влияния.

Окрыленный "успехом", следователь додавливал изнемогавшего от мучений священника.

- Следствие установило, что греческая церковь, в которой совершались религиозные обряды, являлась прикрытием для вашей контрреволюционной деятельности. Вы это подтверждаете?

- Да, подтверждаю.

И сломленный священник не присущими для него выражениями и словами (подлинным автором которых был следователь) дал показания:

- Наша контрреволюционная деятельность заключалась в том, что мы занимались контрреволюционной пропагандой среди населения, используя, в первую очередь, для этого церковь <...>. Одним словом, общались с греками города и окрестностей, для чего

специально ходили на базар, где встречались с приезжими греками из колхозов. Узнавали об их проблемах и помогали составлять заявления и жалобы на неправильные действия местных властей, которые и отсылали греческому консулу в Москву.

Несмотря ни на что, отец Федор находит силы отказать от формулировки в отношении себя: "член контрреволюционной шпионской организации".

Но 7 сентября на очередном допросе сдается окончательно:

- Следствие с исчерпывающей полнотой установило, что вы являетесь участником контрреволюционной организации. Признаете вы это?

- Да, признаю.

После этого "признания" обреченный на неминуемую расправу отец Федор Феодори был отправлен в Симферопольскую тюрьму, где капитан госбезопасности Малинин резюмировал: "Феодори достаточно изобличается в том, что он является агентом разведывательных органов иностранных государств и занимается шпионской деятельностью против СССР".

Вскоре были арестованы и другие члены двадцатки: братья Сейтаниди Алкивиад Федорович и Иван Федорович, помощница старосты Елена Константиновна Тахтамышева, псаломщик Авраам Яковлевич Феодосиади. Они не выдержали пыток и издевательств и дали на себя показания. Старосте храма Марии Васильевне Шоновой, вдове титулярного советника из Бессарабии, припомнили давний случай: некогда в церкви были украдены 10 тысяч. Обвинили, естественно, церковную общину, но по настоянию М.В.Шоной было проведено дополнительное расследование, и в результате всех

оправдали, а Марии Васильевне за проявленную инициативу пришлось уплатить государству компенсацию - четыре тысячи рублей. На этот раз претензии следователя были не менее абсурдны: "У вас при обыске найден плакат на картоне с выдавленными серебряными буквами с надписью: "Верно и всякого приятия достойно слово, что Иисус Христос пришел в мир спасти грешников". Для какой цели вы сделали этот плакат?" Последующие вопросы, заданные арестованным, не отличались оригинальностью и преследовали одну цель - сломить беззащитных людей и подвести дело к роковой черте, назвав церковную общину "шпионской организацией".

После первых допросов все арестованные были переведены в Симферопольскую тюрьму, где сдались на милость немилосердной власти со стандартной формулировкой признания своей вины. "Видя бесцельность своего запирательства, я решил дать следствию правдивые показания", что не без основания вызывает сомнение в подлинности показаний и подписей под ними. В это время в Крыму следственные органы иногда настолько спешили отчитаться о проделанной работе, что сами составляли ответы подследственных и их подписывали. На основании этих "правдивых показаний" одиннадцать человек во главе со священником Федором Феодори были обвинены по статьям 58- 1а, 58-6, 58-10-11 УК РСФСР.

"Обвинительное заключение" гласило:

"НКВД Крым. АССР стало известно о том, что священник греческой церкви в г. Феодосии Феодори Федор Васильевич и члены церковной двадцатки Кацалиди Константин Георгиевич и Тако Дмитрий Феофанович являются резидентами разведывательных органов Греции,

по заданию которых создали из актива греческой церкви контрреволюционную фашистскую организацию. В контрреволюционную фашистскую организацию Феодори завербовал членов церковной двадцатки Кацалиди К.Г., Мельникова Х.Д., Ракоти С.Н., Сейтаниди А.Ф., Сейтаниди И.Ф., Феодосиади А.Я., Сакун Н.В., Бойченко А.Н., Тахтамышеву Е.К. и Шонову М.В., которые по его заданию и заданию греческих разведывательных органов проводили разведывательную и контрреволюционную деятельность.

Следствием установлено:

В 1932-33 гг. в порт Феодосия прибыл греческий пароход "Святой Николай". С этим пароходом под видом радиста прибыл агент греческих разведывательных органов "Федор", который по заданию разведывательных органов Греции завербовал священника греческой церкви Феодори Федора Васильевича и дал ему задание создать шпионскую контрреволюционную организацию, с помощью которой собирать сведения шпионского характера, проводить националистическую агитацию среди греческого населения, организовать нелегальный или легальный выезд из СССР в Грецию, создать материальную базу для оказания помощи грекам, выезжающим в Грецию, которым храм оказал помощь в размере 150-200 рублей, проводить агитацию среди греческих моряков с целью дискредитировать Советский Союз.

Для получения руководящих указаний в шпионской контрреволюционной деятельности "Федор" предложил Феодори связаться с греческой миссией в Москве. Феодори Федор Васильевич получил указание от греческих разведывательных органов, связался с членами церковной

двадцатки - агентом греческой разведки Кацалиди Константином Георгиевичем <...>. Вместе с Кацалиди К.Г. и Тако Д.Ф. Феодори создал шпионскую организацию в количестве 11 человек, завербовав в нее членов церковной двадцатки <...>.

Собирали шпионские сведения:

О численности греческого населения в г. Феодосии и греческих колониях.

О наличии, численности и вооружении воинских частей, расположенных в Крыму.

О наличии аэродромов и летных частей.

О военных и оборонных заводах и выпускаемой ими продукции.

О промышленных предприятиях, их мощности и выпускаемой продукции.

О работе Феодосийского порта и погрузках иностранных пароходов.

По заданию греческих разведывательных органов участники шпионской контрреволюционной организации проводили активную контрреволюционную националистическую агитацию среди греческого населения Крыма. Создавали эмигрантские настроения среди греков. Организовали и отправляли нелегально и легально греков в Грецию, оказывая выезжающим материальную и техническую помощь. Проводили активную контрреволюционную агитацию среди греческих моряков, посещавших греческую церковь, направленную на дискредитацию Советского Союза. Соби-

Д.Г.Эрмиди

Н.Г.Семираиди

А.К.Свентикиди

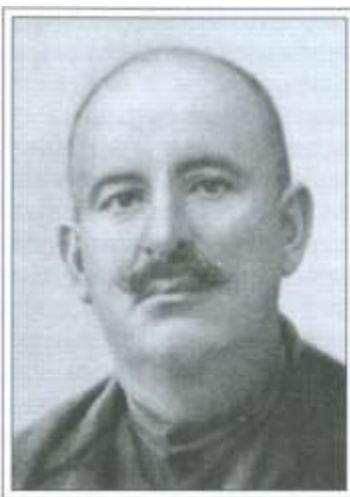

Л.К.Свентикиди

Члены церковной двадцатки Введенского храма

Г.Г.Пахтуриди

Ф.П.Кайталиди

А.К.Ксенитопуло

П.Н.Эрмиди

Фото конца 1930-х годов. Публикуются впервые

рали шпионские сведения, шпионскими контрреволюционными организациями передавались специально приезжавшим в Феодосию агентам греческих разведывательных органов, а с 1936 года - сотруднику греческой миссии в Москве Попандопуло.

Для получения руководящих указаний о шпионской контрреволюционной деятельности в 1936 году в греческую миссию в Москве специально были командированы участники контрреволюционной шпионской организации Кацилиди и Тако, которые одновременно передали сотруднику греческой миссии Попандопуло собранные шпионские сведения.

Допрошенные в качестве обвиняемых Феодори Ф.В. и другие виновными себя признали полностью...". И на основании этих признаний все были расстреляны.

Членов церковной двадцатки, которые являлись подданными Греции и Турции, во избежание неприятных вопросов со стороны родственников и посольства выслали в Северный край. Дальнейшая судьба Д.Г.Эрмиди, А.К. и Л.К.Свентикиди, Г.Г.Пахтуриди, Ф.П.Кайталиди, П.Н.Эрмиди, А.К.Ксенитопуло, Н.Г.Семираиди и других неизвестна.

Преподобномученик Варфоломей (Ратных)

Но победа безбожных гонителей не была полной. Лейтенант госбезопасности Манилов, насильно вырвавший показания из греков, ничего не смог сделать с недавно приехавшим в Феодосию кротким и незлобивым иеромонахом Варфоломеем, которого с любовью принял протоиерей Федор и вся греческая община.

Он всем своим существом был устремлен к небесному, и земные скорби не производили на него решительного впечатления. Его жизнь, в то время внешне подобная тысячам других, уже стала житием. Блаженная вечность, обещанная Христом, для него была бесконечно дороже чечевичной похлебки наивных утопий, отравленных атеизмом.

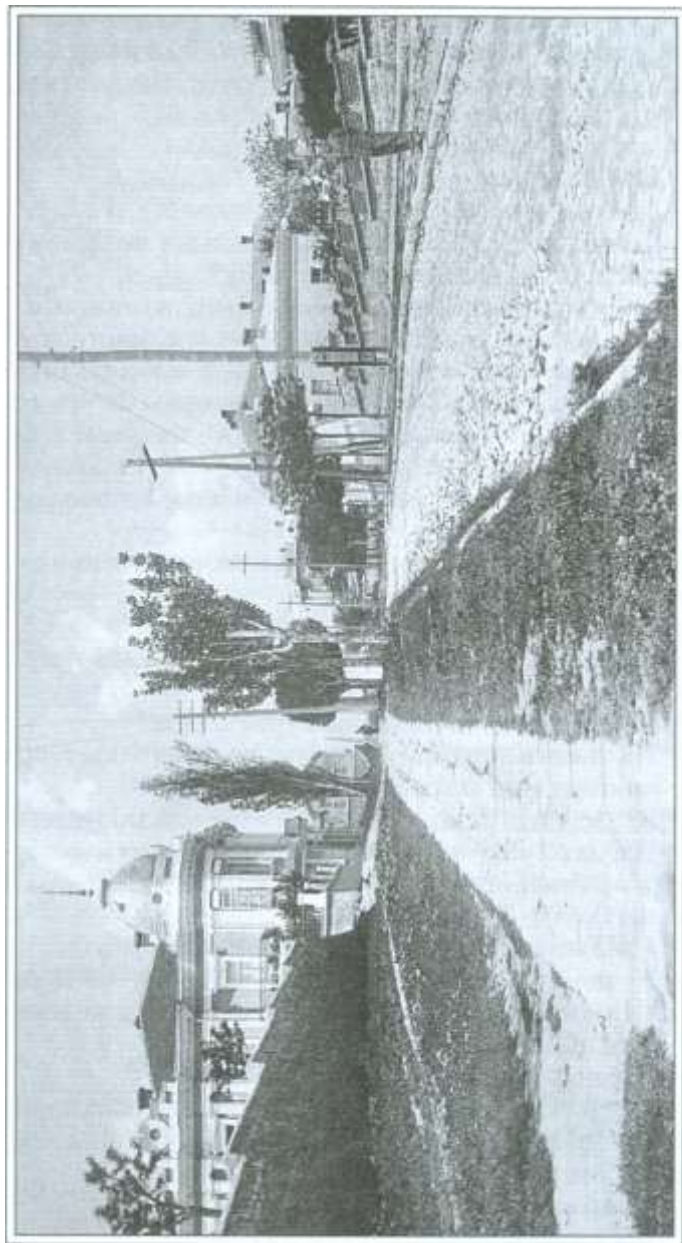
Иеромонах Варфоломей (Ратных) родился в крестьянской семье в селе Матренки Киевской губернии в 1894 году. Его образование завершилось церковно-приходской школой, но, воспитанный в страхе Божиим, он продолжал с усердием читать жития святых и все попадавшие ему в руки церковные книги, молиться и искать правду Божию. 19-ти лет от роду в нем появилась решимость оставить мирскую жизнь, и он ушел в один из монастырей Киевской епархии, где нес послушание до 1915 года, пока его не призвали в армию и не отправили на Румынский фронт. В 1918 году рядовой Ратных получил увольнение и вернулся в монастырь, где с прежней ревностью устремился к равноангельской жизни, учился послушанию, стяжал смирение и Христову любовь. Через некоторое время его постригли в мантию с именем Варфоломей и рукоположили во иеромонаха. С 1927 года

он служил в Варваринской общине города Переяслава, а в 1934 году остался без места.

В 1936 году в Переяславе иеромонах Варфоломей содержался под следствием как религиозник, но вскоре был отпущен. Весной 1936 года некоторое время находился в Лубнах, а в августе того же года приехал в Феодосию и поселился на квартире стекольщика Терентия Ивановича Сушко, своего дальнего родственника по женской линии. Жил очень замкнуто, почти затворником, ни с кем не общаясь, никому не высказывая своих взглядов и настроений. Подходивших к нему за советом в храм не наставлял, но, отвечая на вопрос одним словом, разрешал его суть. С ним жила его келейница Анастасия Антоновна Калугер, 45 лет от роду. Она работала в артели "Промтруд" и на скудные гроши содержала себя и отца Варфоломея. Жизнь вели подвижническую, понимая, что пришло время терпеть все, что ни пошлет Бог, с кротостью и благодарением.

Общий вид Феодосии. Слева – Введенская церковь

Феодосия. Улица Московская (ныне – ул. Генерала Горбачева). 1932 г.

Но, несмотря на всю неприметность и безобидность такой жизни, гонители церкви Христовой 13 июля 1937 года арестовали иеромонаха Варфоломея. Начался крестный путь православного священника.

14 июля состоялся первый допрос:

— Кто посещает вас на квартире?

— Меня никто не посещает на дому.

— Следствие требует от вас правдивых показаний! Отвечайте, кто посещает вас на дому?

— Повторяю, что лично меня никто не посещает, но много мужчин и женщин приходят к хозяину дома Сушко Терентию Ивановичу с просьбой вставить стекла, так как Сушко работает стекольщиком. В его отсутствие принимаю их я, записываю их адреса, а затем передаю их Сушко.

— Сушко Терентий Иванович является вашим родственником?

— Да, он является моим дальним родственником через его жену.

— Вы где работали в г.Феодосии?

— В г.Феодосии я нигде не работал. В 1935 году я иногда работал на поденных работах.

— Из какого источника вы существуете?

— На иждивении моей сестры, которая живет при мне, работает она в артели "Промтруд".

— Вы денежную помощь от кого-нибудь получаете?

— Да, получаю от своей бабушки, но ее я совершенно не знаю, фамилию ее не помню, живет она в деревне Слуцк БССР.

— На иждивении кого находится ваша бабушка?

— У нее есть сыновья, которые работают на Дальнем Востоке, но точно в каком городе и кем, я не знаю.

— Как фамилия ее сыновей?

— Вы с ними ведете переписку?

Протокол допроса иеромонаха Варфоломея (Ратных).
Воспроизводится впервые

- Я веду переписку только с бабушкой.
- На какой адрес вы посылаете письма для вашей бабушки?

- Я ей пишу по адресу: деревня Слуцк БССР, Большая горка, Софье Константиновне Карпенко.

- Это точный адрес вашей бабушки?

- Я ей нишу по этому адресу, но точный ли это адрес, я не знаю.

—Вашей бабушки фамилия Карпенко?

—Нет, это не ее фамилия.

Кем является Софья Константиновна Карпенко?

—Не знаю.

—Вы говорите следствию неправду!

—Повторяю, что фамилию своей бабушки я не знаю, только знаю, что имя ее Анастасия, по почему она ведет переписку через Карпенко С.К., я не знаю.

В тот же день, видимо, после определенных, к тому времени ставших нормой, воздействий следователь продолжил допрос ни в чем не повинного иеромонаха.

—Вас на квартире посещал Бойченко, диакон греческой церкви?

—Да, один раз он приходил к моему хозяину Сушко и зашел ко мне, но был он у меня недолго.

—С какой целью приходил к вам Бойченко?

—Не знаю.

Вы с ним разговаривали дома у себя?

—Да, говорил. Бойченко пришел не ко мне, а к Сушко, и у него в комнате я сидел и разговаривал.

—Какие контрреволюционные разговоры вы вели с Бойченко?

—Контрреволюционных разговоров я не вел <...>.

—Следствие устанавливает, что вы являетесь про-

тивником Советской власти и занимаетесь контрреволюционной пропагандой. Признаете вы это?

— Не признаю.

- Предъявляю вам письмо контрреволюционного содержания. Это письмо вы писали?

— Да, писал я.

— Это письмо принадлежит вам?

— Да, мне.

— Зачитываю вам содержание вашего письма. Признате, что ваше письмо является контрреволюционного содержания?

— Не признаю. Я в письме писал, что от современной жизни народ плачет. Я это говорил и подтверждаю.

Найдя при обыске несколько писем, следователь попытался выяснить, кто корреспонденты, но иеромонах Варфоломей не назвал ни одной реальной фамилии и не дал повода кого бы то ни было еще привлечь к ответственности. Вызвав квартиросдатчика Т.И.Сушко, следователь добился того минимума сведений, без которого даже в те лютые годы не рекомендовалось расстреливать.

Терентий Иванович поведал, что к отцу Варфоломею как-то раз за все время 26 июня приходил диакон греческой церкви Александр Бойченко (раньше они общались только в храме). Был разговор, в котором отец Варфоломей "выразил недовольство Советской властью", сказав следующее: "Да, много людей от современной жизни проливают слезы, много им приходится переносить страданий и мучений, много проливать слез, потому что не стали верить в Бога". Диакон Александр не возражал, по свидетельству Сушко, а только добавил: "Меньше стало верующих, закрываются церкви, а в этом виноваты только

мы сами, потому что не можем поддерживать религию, слабо у нас поставлена проповедь". Отец Варфоломей спросил, что нового есть по поводу ремонта церкви. Бойченко ответил, что пришло радостное известие - разрешили ремонт храма, но потом заплакал. Отец Варфоломей сказал: "Да, все плачет, плачет мир, и будет еще плакать".

Тогда следователь Ручкин поинтересовался: "Отчего же плачет мир?" Священник прямо сказал: "От скорби, приключенной ему от Советской власти". Но не признал это контрреволюционной агитацией: "Ведь это же сущая правда, говорю, что есть, что вижу".

Помимо показаний Т.И.Сушко, в вину иеромонаху Варфоломею вменялось еще одно письмо "контрреволюционного содержания" к неизвестному корреспонденту все о том же — о страдании и терпении верующего народа. И отец Варфоломей не отрекся от того, что писал, но подтвердил безбоязненно, что и это "никакая не контрреволюционная агитация, а сущая правда" и не более.

— Кому вы писали предъявленное вам письмо контрреволюционного клеветнического содержания?

— Письмо это я писал женщине по имени Татьяна, но ее я совершенно не знаю.

— Если вы ее не знаете, то почему вы ей писали письмо?

— Письмо я ей писал в ответ на ее письмо, которое она мне прислала. В этом письме она мне писала, что ее хотят сослать в ссылку.

— За что эту женщину хотят сослать в ссылку?

— Не знаю.

— Где письмо этой женщины?

— Я его уничтожил.

— На конверте письма, которое вы хотели послать этой женщине, написан адрес: БССР, гор. Слуцк, Лучинского с/с, Новые Лучники, Петру Кирилловичу Захаревич. Кому принадлежит этот адрес?

— Не знаю.

— Вы следствию говорите неправду. Следствие требует от вас правдивых показаний.

— Я не знаю, что за гражданин живет по этому адресу. Письмо я писал своей бабушке через гражданина, указанного в этом адресе, но я его совершенно не знаю.

— Следствие устанавливает, что вы вели переписку контрреволюционного клеветнического содержания. Вы это признаете?

— Не признаю.

— Следствие требует от вас чистосердечного признания.

— Повторяю, что я писал не клевету, а то, что в письме написано, правда.

— Это ваше убеждение?

-Да.

и Мати Ваше боглюбѣе; Господь
глаголетъ возми крестъ свой и възди-
мемъ! Это-таки крестъ; и нове-
нїе его, и иже въ немъ составляется
учасъ каждаго; крестъ много со-
стоянный и разнорожденъ; Велостный,
созерцательный, Медный, Железный и
Ференный по имъ нудили есѣ крѣ-
Железный Моемъ Терпение и
чпованіе на Бога. Варфоломеевъ
хто онъ чпованіи на него не
пострашится; не пострашится намъ
терпение со нудавленіемъ къ про-
славленію святаго имени своего
такъ и въ Матіюна возмужи въ
удованіе на Бога и той нудре-
читаетъ и спасетъ души тѣмъ
нудавляемъ Господь и тѣмъ же
новѣсти его и спасеніемъ...
Несбѣйся ничего кудавы бае не бо-
лѣши Везде Господь и Мати его
еще иже нуде и у разныи
Въ жизни нашей современной ска-
ко вредаютъ, сколько слезъ проли-
ваютъ и кто еще не Христосъ
насъ мнѣютъ всего и жизни не
не вѣстаетъ Мати есѣ иже
Господь благотворимъ фатъ на
Христосъ Господь... Претерпе-
тый до конца Мати спасетъ. Да-
фуйся О Господь, да сохранитъ
тѣ раба Божій Мати Господь есѣ
ея благодати въ вѣки.

Фрагмент письма иеромонаха Варфоломея.
Воспроизводится впервые

Вот небольшой фрагмент из этого письма - свидетельство о духовном настроении подвижника перед самым арестом:

"Итак, Ваше Боголюбие. Господь глаголет: возьми крест свой и гряди по Мне! Что такое крест и ношение его и из чего он составляется у нас каждого? Крест многосоставный и разнородный: золотой, серебряный, медный, железный и деревянный, но мы избрали себе крест железный, то есть терпение и упование на Бога. Веруем Ему, что Он уповающих на Него не посрамит, но подаст нам терпение со избавлением к прославлению Святого Имени Своего. Так и вы возложите все упование на Бога, и Той ты препитает и спасет душу твою. Прославляй Господа и твори заповеди Его и спасешься... Не бойся ничего, куда бы вас ни погнали, везде Господь и люди Его. Аще имеешь ум—уразумеешь. От жизни нашей современной сколько страдают, сколько слезы проливают. И даже кто не христианин. Нас же, христиан, лишают всего—жизни, но не бойся, малое стадо, ибо Господь благоволил дать нам Царство Небесное!.. Претерпевший до конца той спасется. Радуйтесь о Господе..."

Это письмо, как исповедание, и стало краеугольным камнем в обвинении.

7 декабря 1937 года состоялся краткий и последний допрос.

— Следствием установлено, что вы проводили активную контрреволюционную агитацию, подтверждаете вы это?

— Нет, не подтверждаю.

— Вы говорите неправду. Зачитываю вам письмо, изъятое у вас при обыске (зачитывает). Будете ли вы сейчас отрицать свою контрреволюционную деятельность?

— Письмо принадлежит мне, и я писал его, но я не

считаю его антисоветским, так как это мое убеждение.

— Вы в письме клеветали на советский народ, заявляя, что народ плачет, подтверждаете ли вы это?

— Да, подтверждаю.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 20 ЗАСЕДАНИЯ СУДЕБНОЙ ТРОЙКИ НКВД КРЫМСКОЙ АССР от 10. Декабря 1937 г.	
§ 47 СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ:
<u>Из Отдела УГБ НКВД Крым. АССР.</u> След. дело № 2244 <u>ПО ОБВИНЕНИЮ:</u> РАТНИК Барфоломей Федоровича, рожд. 1894 г., греч. о. Матренки, Киевской области, русский, гр-н СССР, был перебежчик Возвращенного имущества, находивший под следствием в РО НКВД Перево-ляев за в-р-деятельность, до ареста проживал в г. Феодосий, — без определенных занятий. <u>В ТОМ, ЧТО:</u> Будучи арестован по постановлению против Сов. власти, продолжал активную в-р-деятельность среди жителей гор. Феодосии. /з.х. 9-10-11/. Вышел из тюрьмы с членом в-р-деятельной органи-зации г. Феодосии ПАВЛЕНКО /з.х. 14/. Распространял клеветнические слухи о жизни народов СССР, заявляя: "что от Советов народ плачет". /з.х. 13, 14/. Под видом религиозной переписки, проводил антисоветскую агитацию и в-р-деятельность, про-тезируя руководителей Сов. Правительств и Партии. Собирая у себя на квартире граждан, кото-рых обвинял в антикоммунистическом духе. /з.х. 13-14/. Вместе с собой не признал, заключенным по-казанными членами в-р-деятельной организации, соин-тересами и документальными материалами при обыске. Обвинения РАТНИКА содержатся под отряской в Симферопольской тюрьме с 14/УД-17г. <u>Командир гор. Матренки.</u>	РАТНИК Барфоломей Федоровича: РАСОТРУБИТЬ: Имущество конфиско- дано в пользу

Выписка из протокола заседания тройки
НКВД Крымской АССР

— Признаете ли вы, что ваше письмо антисоветское?

— Нет, не признаю.

Следователь думал, что полугодовое нахождение в тюрьме сломит христианского подвижника, но ошибся, он

был по-прежнему бодр и лаконичен. Все, с чем отец Варфоломей обращался к своему духовному чаду, он исполнил, терпение его не оскудело, любовь ко Христу не иссякла. Угрозы, пытки, унижения не возымели действия.

Следствие на основании единственного свидетельского показания и вышеприведенного письма обвинило отца Варфоломея по статье 58-10-11 УК РСФСР в контрреволюционной клеветнической агитации, направленной против Советской власти.

10 декабря 1937 года тройка НКВД Крымской АССР постановила: иеромонаха Варфоломея (Ратных) расстрелять. Имущество, которое в буквальном смысле отсутствовало, конфисковать.

10 февраля 1938 года приговор был приведен в исполнение. На 44-м году своей многотрудной жизни иеромонах Варфоломей сподобился мученического венца и стал для нас живым, немеркнувшим примером и дерзновенным ходатаем пред Богом.

ВЫПИСКА ИЗ АКТА	
Постановление Тройки НКВД Кр. АССР от 10. XII 1937 г.	
РАССТРЕЛЕ	
РАТНЫХ Варфоломеев Варфоломеев.	
Приведено в исполнение 10. 2 1938 г. в . . . час.	
Выписка верна:	
Нач. 8-го отд. УГБ НКВД Кр. АССР	(МАЛЫХИН)
Мл. Лейтенант Гог. Безопасности	
18	

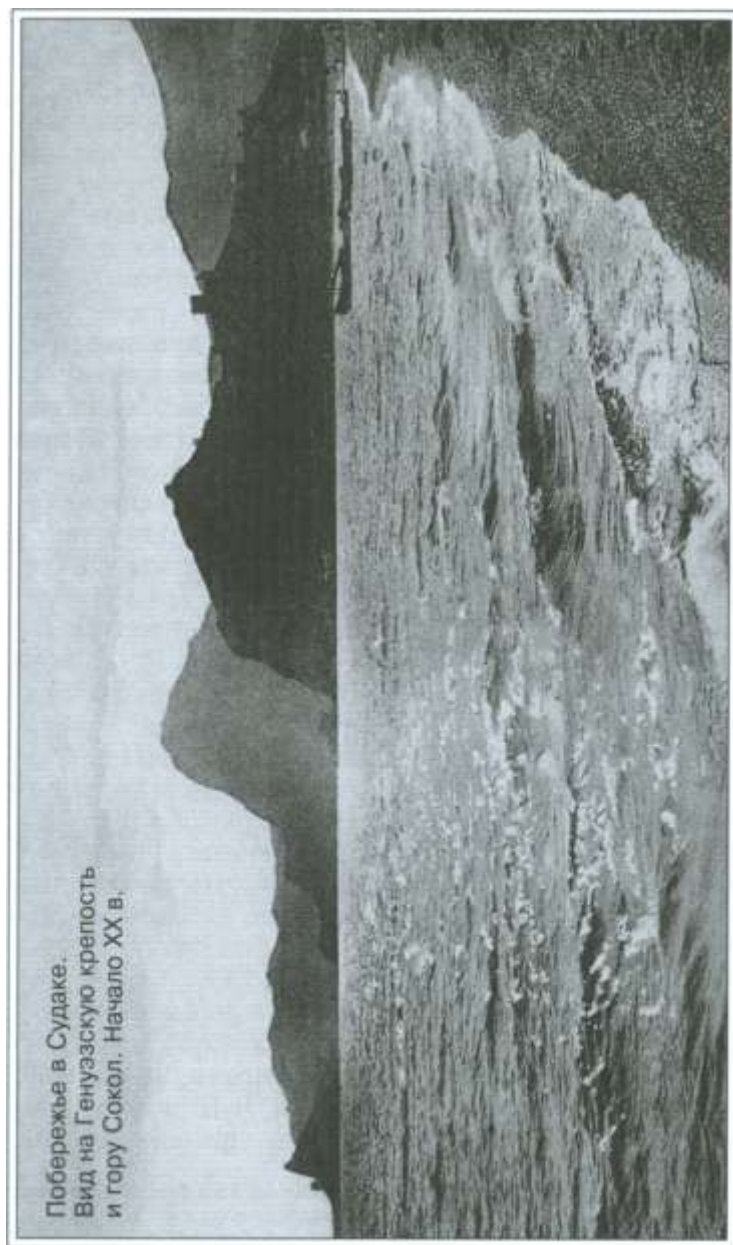
Выписка из акта о расстреле преподобномученика Варфоломея

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ИОАНН БЛЮМОВИЧ

Всякое место стоит своим праведником, и во всяком, даже малолюдном поселке, каким был в середине 30-х годов Судак, богоборческая власть отыскивала и преследовала тех, кто не боялся открыто исповедовать себя христианином.

Расположился Судак в роскошной, усыпанной белыми домами и виноградниками долине, осененной с разных сторон живописными горами. Основанный греками в 212 г. н.э., некогда он открывался путешественникам густо населенными кварталами, шумными базарами, освещенный яркими лучами солнца, во всем своем великолепии. По свидетельству Мартина Броневского, в Судаке было не менее ста церквей. Но бурные взлеты и трагические спады остались далеко позади, и город продолжал жить тихой и простой жизнью, во многом сохранившейся и к середине 20-х годов XX века, когда в Судаке осталась единственная церковь - Покрова Божией Матери. В 1923 году настоятеля храма Иоанна Колосовского²¹ арестовали за сокрытие церковных ценностей, хотя он их не скрывал, так как скрывать было нечего. Из бедного храма изыматели вынесли только серебряный крест и две серебряные ложечки. Священника посадили в Феодосийскую тюрьму, но верующие смогли его отстоять, и тихого, не опасного для власти священника, отпустили. В 1929 году снова встал вопрос о закрытии церкви, но прихожанам, а на

²¹ Священник Иоанн Иосифович Колосовский родился в селе Замостье Харьковской губернии. Священствовал в селе Надеждовке Изюмского уезда. После революции бежал в Крым.

Побережье в Судаке.
Вид на Генуэзскую крепость
и гору Сокол. Начало XX в.

защиту своей святыни собралось около 300 человек, удалось отстоять храм. Когда иерея Иоанна Колосовского власти собрались выслать, народ поднялся и на его защиту. Но времена были другие, и окрепшая "народная" власть арестовала священника. На следствии он заявил: "В частности, я проявляю недовольство Советской властью <...>, меня лишили избирательных прав, не допускают в общественные места, отказывают в отпуске продуктов из кооператива".

Главным в обвинении отца Иоанна стало организованное им собрание против закрытия храма.

"Колосовский имел огромное влияние среди бедноты, - отмечают следственные материалы. - Когда в Судак поднялся вопрос о закрытии церкви, Колосовский за день до собрания собирает верующую толпу и говорит: "Судакские коммунисты в настоящее время хотят закрыть нашу церковь, по этому поводу у них в клубе будет собрание. Вам необходимо присутствовать на этом собрании и выступить за церковь".

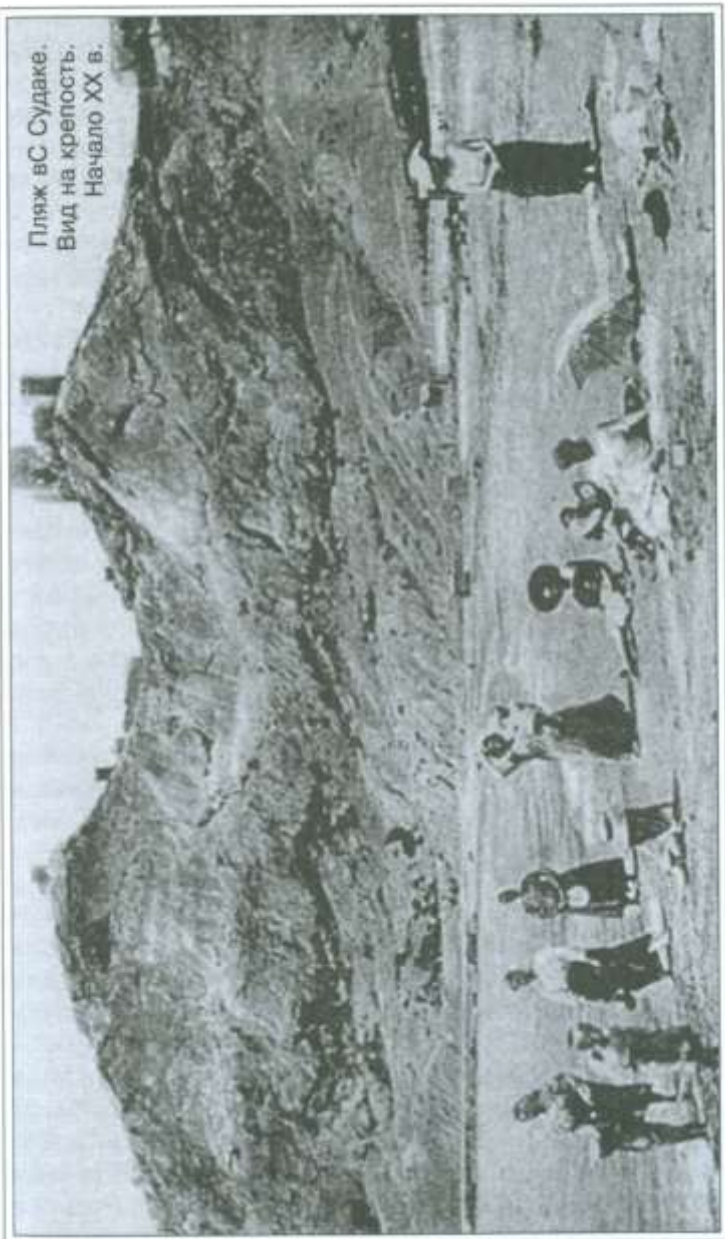
Собрание верующие сорвали, и постановление не было проведено. За это священник Иоанн Колосовский 14 февраля 1930 года был арестован и обвинен в том, что "является руководителем и вдохновителем по разложению мероприятий, проводимых на селе, используя при этом религиозные предрассудки масс, т.е. преступлением, предусмотренным ст. 58-10 ч. 2-я". 25 февраля того же года Колосовский был приговорен к 10 годам лагерей. Судьи учли возраст священника, которому в тот момент было 67 лет, и по гуманистическим соображениям сократили срок наказания до трех лет, но и этого оказалось достаточно, чтобы священник Иоанн Иосифович Колосовский погиб в Северном крае. Место его

захоронения не известно.

30-е годы сознательными гражданами назывались те, кто безболезненно мог отключить свое сознание от совести и раствориться в лозунгах и призывах партии. Либо же те, кто, движимый страхом, в надежде Визбежать насилия и сохранить свою жизнь, переступал через себя, свою веру и убеждения и становился трагической игрушкой в руках беспощадного могущества НКВД. Такие люди оказывали неоценимые услуги компетентным органам, в том числе и в обнаружении несуществующих врагов Советской власти. Именно так была "выявлена" в курортном поселке Судак "шпионская организация", якобы возглавляемая священником Покровской церкви Иоанном Александровичем Блюмовичем. И в этом, по тем временам "обычном" раскрытии государственного преступления чекистам помог сам ставший жертвой 27-летний пианист Гиль-деберг Иванович Зебольдт. Работал он в доме отдыха Московского военного округа, и его артистическая натура, обремененная излишне доверчивым празднословием, не вписывалась в представления о норме поведения прибывавших на отдых красных командиров и студентов военно-политических школ.

Феодосийская газета "Пролетарий" сообщала о бурном росте санаторно-курортной сети и объясняла его общим успехом Советского строительства: "Курортный сезон в санатории МВО местечка Судак разворачивается нормально. С 1 по 22 марта приехало уже 135 командиров РККА. Большинство приехавших — командиры Московского военного округа. Имеются дальневосточники, пограничники Средней Азии и другие области Союза <...>.

Один корпус оборудован с большим комфортом и отведен специально для высшего начальствующего состава РККА. Здесь отдыхает несколько семейств. Приняты меры к улучшению культобслуживания больных в порядке самодеятельности. При Доме отдыха имеется хорошо оборудованный клуб и звуковое кино. Директор Судакского Дома отдыха МВО в своем докладе отметил, что основным недостатком работы в этом году является отсутствие транспорта и недостаточное благоустройство". Но изъяны комфорта в полной мере компенсировались сознательностью отдыхающих, обученных видеть все так, как было положено, и вопреки расслабляющей атмосфере курорта оставаться бдительными хранителями официальной идеологии.

ак-то раз, 10 мая 1937 года, после обеда Зебольдт подошел к курившему на веранде лейтенанту П.И.Холину и попросил спички. Словоохотливый пианист заговорил о погоде, художественном обслуживании Кдома отдыха, сообщил о своей учебе в Киевском артучилище и, видимо, из вежливости поинтересовался, откуда его собеседник и где стоит его полк. Политически бдительный лейтенант пожал плечами, затушил папиросу и в тот же день написал донос на незнакомца начальнику дома отдыха:

"Считаю своим долгом довести до Вашего сведения о том, что работающий во вверенном вам доме отдыха пианист гражданин Зебольдт, по моему мнению, занимается шпионажем. В случайном разговоре мне удалось выяснить, что ему известно расположение секретных частей, в частности, гарнизонов гор. Рязани и Киева. Он пытался выпрашивать об изменении дислокации частей, но я, поняв, что ему хочется, разговор прекратил. Такие разговоры он пытался наладить с целым рядом отдыхающих командиров, начиная всегда разговор с музыки, с концертов и рассказов о своих знакомствах с крупными работниками Красной Армии.

Командир взвода Рязанского военного училища им. т. Ворошилова старший лейтенант Холии".

В тот же день об этом происшествии стало известно в Судакском НКВД. Холина вызвали, и он повторил все, о чем написал ранее. Нового добавить ничего не смог, так как с пианистом виделся и говорил только один раз на протяжении времени недокуренной папиросы. Чуть позже в поле зрения спецслужб попал другой эпизод.

Томимый жарой и одиночеством, Г.Зебольдт подошел к какому-то пляжнику, которым, как оказалось, был Рудник,

слушатель Военно-политической академии им. Толмачева, и стал рассказывать, что на этой площадке в скором времени будет открыт филиал судацкого ресторана и он "как квалифицированный пианист будет здесь играть". К ним подошел сокурсник Рудника Исак Карачун и присоединился к беседе. Зе-больдт увлекательно рассказывал ровесникам о своем хорошем образовании, качественной музыкальной подготовке, знании немецкого и французского языков. Сказал, что хотел бы служить в Красной Армии и что мог бы совместить работу библиотекаря, пианиста и переводчика и даже написал прошение, правда, до сих пор оставленное без ответа. Само собой, разговор зашел о Тухачевском, Якире и других к тому моменту уже врагах Советской власти. Идеино стойкие толмачевцы стали возражать пианисту, уверяя его, что "попутчиков Советской власти надо расстреливать".

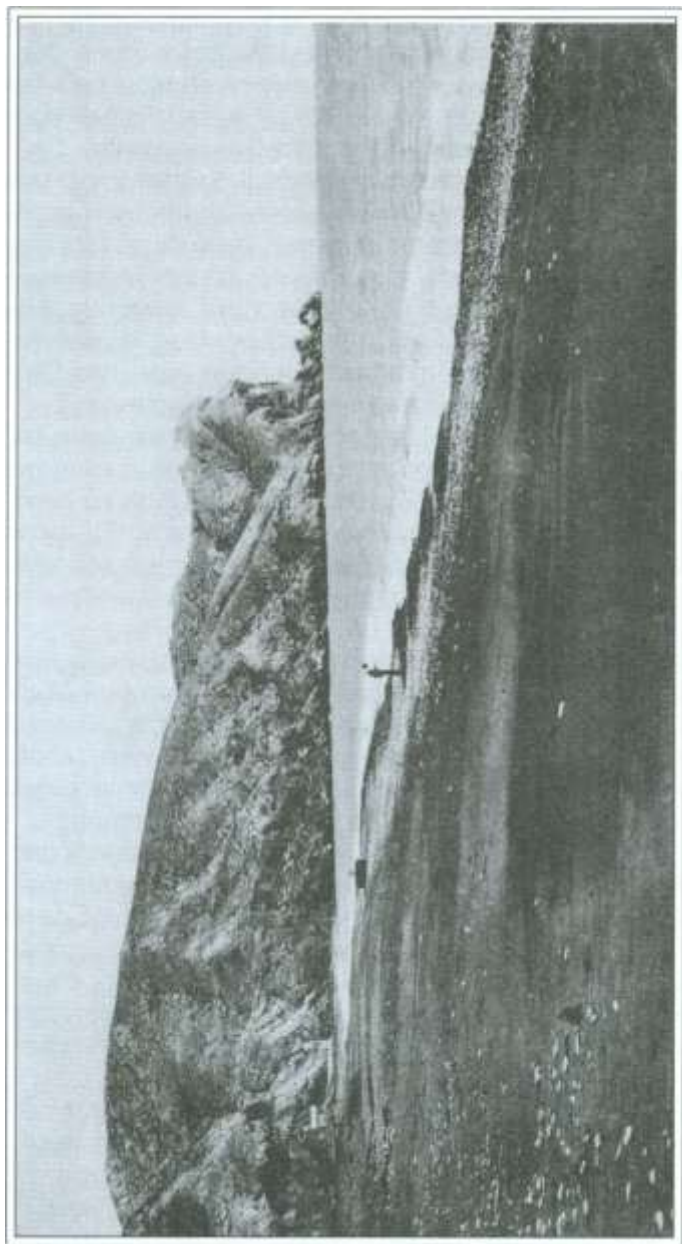
Случайный разговор на летнем пляже так бы и растворился в солнечных лучах и праздном времяпрепровождении, если бы Рудник в тот же день не сообщил в НКВД о случившемся с припиской: "У меня сложилось мнение, что это был агент фашистской контрразведки, который осторожно и тонко занимается вербовкой кадров".

Еще один сигнал на незадачливого пианиста оказался последним. Некий краснофлотец Григорий Мирный, с которым Зебольдт познакомился случайно, и, распив бутылку водки, предложил свою дружбу, сообщил органам о подозрительном незнакомце и своем предположении: "Может, он какой-нибудь шпион".

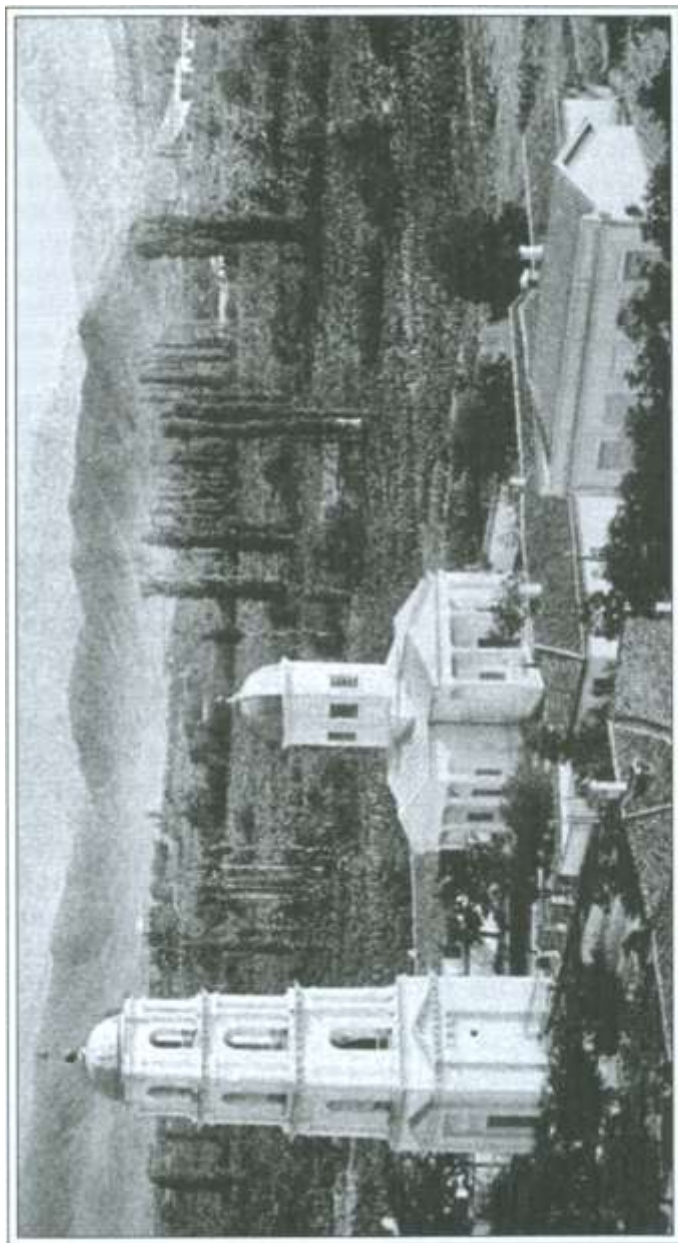
9 октября 1937 года на основании этих доносов следователь Матуленко арестовал по подозрению в шпи-

она же говорливого музыканта. "Г.И.Зебольдт к Советской власти и партии относится враждебно, высказывает пораженческие взгляды. В кругу близких своих знакомых ведет контрреволюционную фашистскую пропаганду и предлагает по примеру стариков посещать церковь и быть верным их взглядам...".

Мать арестованного, Анна Христиановна, старушка 65 лет, воспитавшая сына в православной вере, осталась без кормильца. Как любящая мать с детства она приучила его к церковной молитве и богослужению. А когда в 1935 году в Судак появился замечательный священник Иоанн Блюмович, - познакомила с ним сына. У них сложились доверительные отношения, отец Иоанн посещал Анну Христиановну, а ее сын, в свою очередь, пользовался его доверием.

Судак. Вид на гору Алчак. Открытка начала XX в.

Покровская церковь в Судаче. Начало XX в.

О священнике Иоанне Блюмовиче известно немного: родился он в 1888 году в Варшаве. До революции с семьей проживал в местечке Деражно Волынской губернии, в 1918 году с женой переехал в Москву. В 1923 году Блюмович окончил Московскую Духовную Академию. Принял сан и в 1926 году переехал из Москвы в Кривой Рог, где служил до 1929 года, после чего уехал в город Орехов Запорожской области и там священствовал до 1935 года, но из-за болезни жены он воспользовался приглашением священномученика Порфирия (Гулевича), епископа Симферопольского и Крымского, с которым у него были доверительные отношения, и переехал в Судак. В 1937 году жена умерла, и тоска о неустроенном оставшемся в Польше сыне Борисе стала еще острее. В свое время Борис Иванович окончил Пражский Политехнический институт с государственной стипендией. Вернулся в Польшу, где жил у родственников, а в 1935 году переехал в Варшаву и работал в землеустроительной компании. Его положение в Польше было крайне затруднительным. Не находя выхода, в минуту отчаяния он написал отцу, что ему остается только жениться на богатой польке, броситься под поезд или нелегально приехать в СССР к отцу, проигнорировав официальный отказ советского консула. Отец Иоанн в своем письме попросил сына прекратить истерику и не совершать безответственных поступков.

Одиноким, утратившим жену и разлученным с любимым сыном, отец Иоанн оказался единственным в Судак православным священником и мозолил глаза советским чиновникам, самым своим существованием как бы указывая на недоработку НКВД. Как пастырь добрый он не мог равнодушно смотреть на оскудение веры, буйство

разрушающих души страстей. Не хотел спокойно наблюдать, как люди отступают от Бога, прельщаются пустой трескотней преднамеренно ложных заверений безбожных пропагандистов. Со своей стороны, священник избегал прямых столкновений с явными безбожниками, чей ум уже помрачился, а душа пала на недостижимую глубину ожесточенного противления. Но тем, кто был еще открыт, сохранял здравый смысл и устремленность к Вечности, отец Иоанн свидетельствовал о Божественной любви не только словами, но и самой жизнью. Взглядов своих отец Иоанн никому не навязывал, но и не скрывал от тех, кто ими интересовался. С отеческой мудростью в борьбе за душу каждого человека обходил он острые углы непонимания, извне привнесенного безверия и в каждом, кто встречался на его пути, пытался пробудить личность, чтобы он, обретя лицо, мог встретиться лицом к лицу с Богом.

И вполне естественно, что атеистическая власть поспешила избавиться от неугодного священника. Согласно всесоюзной кампании по преодолению "родимых пятен капитализма", чем, по мнению коммунистов, была Православная церковь, сержант НКВД Сизов 25 июля 1937 года выписал постановление на арест протоиерея Иоанна Блюмовича на основании того, что он "занимается сбором шпионской информации в пользу иностранных держав", а также "контрреволюционной антисоветской деятельностью".

Впрочем, арестовать священника по стандартному обвинению оказалось куда проще, чем доказать его вину. Отец Иоанн никак не шел "навстречу" следствию и не признавал себя виновным. Допрос 29 июля не принес никаких результатов, подтвердив лишь то, что и так было

известно: брат Николай и сестры Елизавета и Мария живут в Москве. Священник поддерживает отношения с Татьяной Андреевной Вербовой, Ксенией Ивановной Савченко, состоящей в церковной двадцатке, а также с приезжающей каждый год из Москвы на свою дачу Варварой Леонидовной Спендиаровой, женой известного композитора. На следующем допросе 17 августа следователь спросил, какие именно были разговоры при посещении квартиры Вербовых, на что священник ответил:

- Разговоры были семейного порядка, только один раз говорили о ремонте судакского храма.

- После того, как были арестованы и расстреляны предатели Родины Тухачевский, Якир и другие, вы, читая об этом в газетах, имели разговор об этом с Маником С.В.?

- Я об этом факте читал и поразился, но имел ли разговор с Маником или нет, я не припомню. Когда я к нему заходил, то брал газету, которую он иногда покупал.

- Кто приезжал к вам из Ленинграда?

- Ко мне из Ленинграда никто не приезжал, а был такой случай. Летом 1936 года я вышел из церкви после службы и увидел незнакомого мне человека, который осматривал церковь. В разговоре он назвался Чеботаревым и сказал, что приехал из Ленинграда на экскурсию в Судак, зашел поинтересоваться церковью. В дальнейшем в разговоре он спросил, где помещается милиция, я предложил ему показать, т.к. мне нужно было идти в ту сторону. В милицию он заходил насчет получения разрешения на право производства фотоснимков в районе Судака.

Далее следователь выяснил, что у священника в гостях бывали братья и сестры с племянниками, он действительно поддерживал отношения с окружавшими

его людьми и не скрывал этого, но более ничего. Отец Иоанн держался доброжелательно, но даже под давлением на вопросы отвечал не так, как хотелось следователю. Не умея справиться с непоколебимым священником, тот стал искать другие пути для решения своей проблемы и нашел "выход" в лице Г.Зебольдта, который после непродолжительного сопротивления сдался. Он не выдержал мучений и ради призрачной надежды выжить, обещанной лживым следователем за покорность, стал давать всевозможные показания на себя, ближних и отца Иоанна. На основании этого прежде выделенное в отдельное производство дело священника Блюмовича лейтенантом НКВД Модиным было приобщено к делу Г.И.Зебольдта. Незадачливый музыкант сообщил следствию:

—Вынужден признать, что на первый вопрос я искренне не ответил. Сейчас же вижу, что запирательство бесполезно, и решил говорить только правду, раскаяться в своих преступлениях.

И Зебольдт заговорил голосом следователя:

"На путь активной борьбы с Советской властью я был вовлечен священником Иоанном Блюмовичем в начале 1936 года в Судак. С ним я познакомился в середине апреля 1935 года в церкви на вечерней службе. Он обратил на меня внимание. Познакомила же меня с ним моя мать Анна Христиановна. В последнее время наши отношения с Блюмовичем стали более близкими, чему способствовали наши встречи с ним на пляже, в церкви, а также взаимные посещения квартир. В беседах мы часто говорили о международном положении, событиях в Испании, в Германии и о положении Советского Союза. В беседах Блюмович высказывал симпатии к

дореволюционным порядкам, симпатии к фашизму и всячески старался привить мне эти взгляды. Первое время я колебался, а потом попал под полное его влияние и стал разделять фашистские взгляды.

В 1936 году в марте священник Иоанн Блюмович сказал, что в Судак им организована фашистская организация для войны с Соввластью, что уже есть ряд людей, вошедших в эту организацию. Ягубова Ксения Ивановна, 42 лет, в прошлом жена крупного помещика, имела много земли, была псаломщицей в церкви до 1935 года. Римская-Корсакова Ольга Федоровна, вдова генерала Закаспийско-Туркестанского края. Ее сын —белый офицер в Югославии. В Ташкенте она имела свой театр. В 1920 году она заболела тифом, была на лечении в Феодосии, в больнице ее хотели арестовать, но какой-то врач помог ей сбежать в Судак, где жила у бывшего сторожа своей дачи. Он работал в порту и помог ей сесть на корабль и уехать в Таганрог, где Римская-Корсакова пробыла до 1926 года <...>. Блюмович сообщил мне, что организация ставит своей целью вербовать новых членов и через них распространять недовольство и возмущение по отношению к Советской власти, используя различные затруднения в снабжении. Разлагать колхозы путем клеветнических измышлений и вызова недовольствия колхозников. Собирать сведения о воинских частях через знакомства с работниками и отдыхающими командирами в доме отдыха МВО.

Отвлекать молодежь от посещения комсомольских и партийных собраний и культурных мероприятий, используя религиозные убеждения.

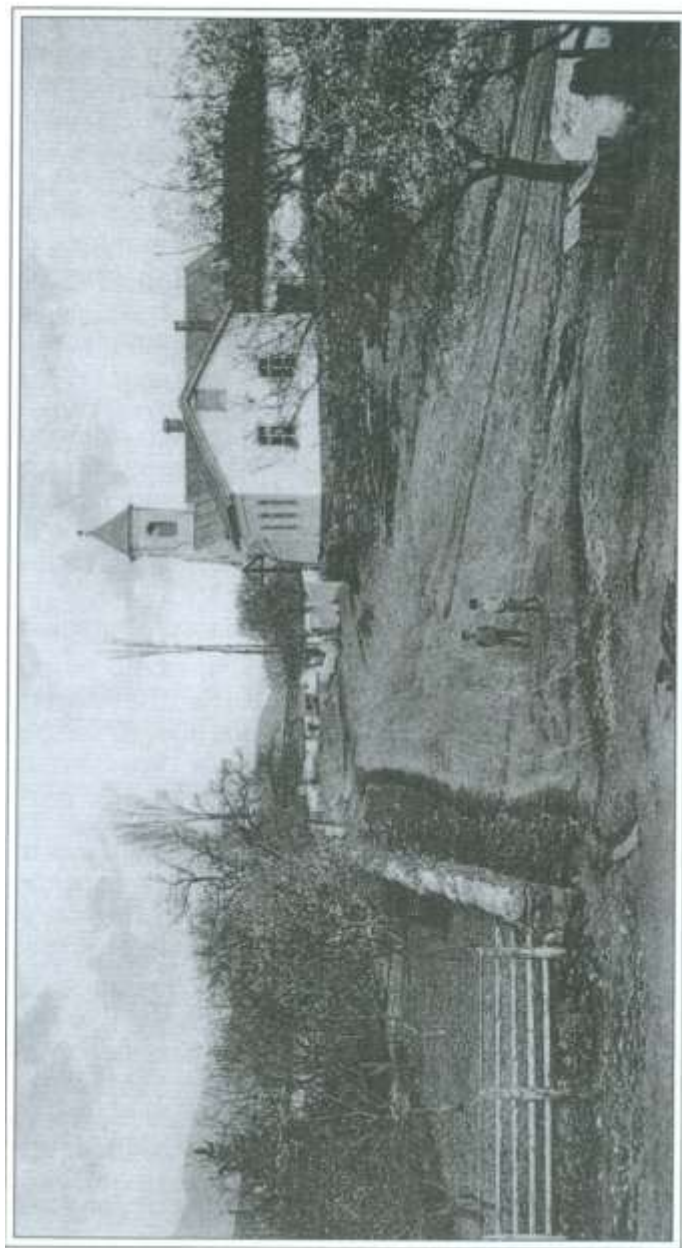
Как конечная цель - подготовка настроения населения в духе пораженчества.

На вербовку я начал подыскивать подходящих для этой цели. Первым объектом был Фоленвейдер Ф.Я. из деревни Цюрихталь. Произошло все в Топлах, где он работал. Его отец был осужден за контрреволюцию, имел связь с Германией. Блюмович дал задание Фоленвейдеру отвлекать молодежь от общественной, партийной и комсомольской работы, проводить беседы с молодежью, направленные на создание недовольства к Советской власти, используя для этого все недостатки в колхозной и общественной работе, одновременно пропагандируя идеи фашизма".

На следующем допросе Г.Зебольдт назвал еще несколько человек, якобы завербованных им по распоряжению священника Иоанна Блюмовича.

Результатами допроса следователь был доволен, но не вполне - отец Иоанн не уступал ни в чем и виновным себя не признавал, а от ложных показаний Зебольдта отмахнулся как от глупости, "подсказанной страхом малодушному человеку".

С надеждой на успех 26 октября 1937 года следователь организовал очную ставку. Отец Иоанн сказал, что Г.И.Зебольдта знает хорошо и отношения у них нормальные. Тогда следователь предложил пианисту подтвердить свои показания от 10 октября 1937 года, на что тот сказал: "Да, я подтверждаю, что я действительно Блюмовичем был завербован в контрреволюционную фашистскую шпионскую организацию, будучи у него на квартире в конце марта 1937 года".

Судак. Немецкая колония. Открытка начала XX в.

На вопрос: "Вы признаете правильными показания Зебольдта о том, что вы его завербовали в шпионскую фашистскую организацию", — священник ответил: "Нет, не признаю".

- Вы признаете, что давали задания шпионского характера Зебольдту?

- Нет, не признаю.

Невзирая на присутствие священника, его категорическое отрицание очевидной лжи, раздавленный страхом Зебольдт и здесь повторил свои прежние показания о том, как якобы отец Блюмович требовал от него:

"1) Узнавать через отдыхающих командиров в доме отдыха МВО о расположении частей РККА.

2) Вербовать новых членов в шпионскую организацию.

3) Не посещать комсомольских и других собраний.

4) Принимать активное участие в церковных обрядах".

Но на все брошенные в лицо обвинения священник не обратил внимания, оставался невозмутимым и по-прежнему категорически отрицал свою вину. Немощная дерзость работника НКВД Сизова, усердно прибегавшего к недозволенным методам следствия, не принесла результата, о чем свидетельствует допрос, проведенный через несколько месяцев:

- Вы были знакомы с гражданином Шальбургом Юлиусом и Зебольдтом Эрнстом?

- Шальбурга не знаю и даже не слышал такой фамилии, а также не знаком с Зебольдтом Эрнстом.

- А Крамар Николай и Лещинский Игнат знакомы вам?

- Крамара Николая и Лещинского Игната не знаю, и знаком с ними не был.

- Вам известны фамилии Гафнер, Крацман и Баер- ле Владимир?

- Нет, таких фамилий не слышал, и в числе моих знакомых с такими фамилиями людей не было.
- Кто из ваших родственников приезжал к вам летом 1936 года и кто из них член ВКП(б)?
- Летом 1936 года ко мне в Судак приезжала сестра Елизавета Александровна Николаева с дочкой Нил-ловой Екатериной Елеазаровной, но они обе в партии не состоят.
- А кто приезжал к вам из мужчин?
- Осенью 1936 года приезжал муж сестры моей жены Николай Сергеевич (фамилию не помню), проживает он в Москве, Жестяная улица, № 10, где работает, не знаю. Состоит ли он в партии, тоже не знаю. Приезжал на время отпуска, пробыл три недели и уехал.
- У вас есть племянник, служащий в Красной Армии?
- До 1937 года из моих родственников в Красной Армии никто не служил. Возможно, что в 1937 году призвали одного племянника, сына моей сестры, Давыдова Сергея Антоновича, рождения 1916 года, проживающего в Москве. Он работал на каком-то заводе. Отец его умер еще в 1920 году, а мать его не работает, так как стара, лет 60-61.
- Кто из ваших родственников проживает на Дальнем Востоке?
- В гор. Хабаровске проживает брат моей жены Стариков Герасим Ефимович, работал где-то счетным работником. Сейчас не работает ввиду преклонных лет. Я с ним не знаком, за все время ни разу не видел. Когда умерла моя жена, я послал ему письмо и после этого больше не писал. Есть ли у него семья и какая, я не знаю, и никого из его детей не видел.
- Как часто вам приходилось встречаться с Римской-Корсаковой?

С Римской-Корсаковой приходилось встречаться в городе, один раз видел на базаре. Она один раз захо дила ко мне, когда моя жена была больна, зашла посмотреть ее. Я у нее не был.

- Расскажите, как вы познакомились с Савченко Алексеем и Санбетовой Харитиной Ивановной?

- Савченко Алексея я не знаю, а знаю Савченко Михаила Игнатьевича, по специальности бондарь, лет 58-60, проживает в Судаке, и его жена Ксения Ивановна бывала в церкви и состояла членом двадцатки. Санбетовой Харитины не знаю.

- Савченко Михаил принимал участие в церковной двадцатке?

- Савченко Михаил в церковной двадцатке участия никакого не принимал. В церкви бывал очень редко.

- Врач Вербов часто бывал у вас?

- Вербов заходил иногда ко мне, но больше всего потому, чтобы позвать идти вместе домой свою жену, которая часто, когда бывала в городе по каким-то делам, заходила ко мне, а он в таких случаях заходил ко мне за ней. Вызывал его как врача во время болезни, бывал и я у него в доме.

- Вербов принимал участие в церковной двадцатке?

- Нет, никакого участия в двадцатке Вербов не принимал, и в церкви я его никогда не видел. Насколько я понял его, он неверующий, что касается его жены, то она бывала в церкви, но в двадцатке не состояла.

- По каким же вопросам вам приходилось разговаривать с Вербовым?

Немецкая колония.
Видовая открытка начала XX в.

- С Вербовым разговаривать мне приходилось мало, разговоры обычно сводились к тому "как живешь", "как здоровье", и на этом наша беседа кончалась. Больше приходилось говорить с его женой, которая всегда рассказывала о своем хозяйстве.

- На политические темы о чем были разговоры?
- На политические темы разговоров не было.

В своей беспомощности перед твердостью правед-

ника, его отчетливо ясным исповедованием своей невиновности карательные органы безбожной организации искали и находили новые хитрости и уловки, чтобы погубить православного священника

Простые и правдивые ответы отца Иоанна не могли устроить сержанта Сизова, и он, согласно уже сложившейся традиции, обратился за помощью к безотказным лжесвидетелям.

Судакский обыватель Василий Метакса, опасаясь, чтобы на него не пало подозрение в сочувствии к врагу народа, с энтузиазмом поведал следствию о том, что "поп Блюмович часто посещал дом отдыха Московского Военного Округа <...>. Кроме того, я, когда ездил в Феодосию и Кизилташ, неоднократно видел Блюмовича в конце города, он сидел и имел беседу с каким-то молодым парнем, но фамилии его я не знаю <...>. По-моему, поп Блюмович через Терещенко Ив. Ив. имел большое влияние на рабочих, изучал их настроение, агитировал за церковь. Они в результате начали посещать церковь и крестить своих детей. Помимо этого, я сам лично слышал и видел разговор между попом Блюмовичем и Терещенко на контрреволюционную тему. Тогда я говорил об этом Борису Абрамовичу Кизилштейну".

Следователь попросил уточнить:

- Расскажите, пожалуйста, содержание контрреволюционного антисоветского разговора, имевшего место между Блюмовичем и Терещенко.

- В 1936 году, точного числа не помню, в июне или июле месяце, когда я зашел в мастерскую д/о МВО, днем, во время обеденного перерыва, то там в мастерской сидели Блюмович и Терещенко И.И., которые вели между собой разговор антисоветского порядка. Я сам лично

присутствовал, когда Блюмович говорил: "Ой, эта пятилетка замучила нас. Говорят об обилии продуктов, а в самом деле народ голодает. Когда же этому будет конец", — а Иван Иванович Терещенко соглашался с ним и добавил: "Да, эта пятилетка строится за наш счет, все время обсчитывают народ, то заем, то какой-то налог. Все это берут под разными лозунгами от нас, рабочих". Разговор на этом был закончен, так как уже было пора начать работу на производстве.

- Часто ли поп Блюмович посещал дом отдыха МВО, кроме Терещенко с кем он имел связь?

- Он, Блюмович, часто сидел на территории дома отдыха <...>. А как-то заведующая ларьком сказала попу Блюмовичу: "Хорошо, что вчера успели купить три килограмма риса, а сегодня его уже нет". Когда поп ушел, я спросил у нее, на каком основании она отпускает ему 3 кг риса? Она мне ответила: "Он, Блюмович, также есть хочет", — и еще добавила: "Откуда я знаю, что это поп, когда он на попа не похож". Я ответил, что не только я, но и все рабочие д/о МВО знают, что он поп судакской церкви Блюмович. Отсюда я делаю вывод, что поп также связан с заведующей ларьком д/о МВО.

Другим лжесвидетелем оказался Алексей Ильич Никуленко, плотник, 39 лет. Он рассказал, что был у священника в церкви несколько раз, говорил о ремонте и побелке в храме, а также видел отца Иоанна у Вербовых, когда они говорили на хозяйственные темы. "Он знаком, - добавил Никуленко, - с бухгалтером Гладченко, который недавно арестован, с которым поп Блюмович в свободное время часто сидел, читал и обсуждал газеты.

Об антисоветской деятельности попа Блюмовича мне известны следующие факты, как, например: он в беседе со

мной говорил, что имеет сына в Польше, который желает приехать в СССР, но ему якобы не разрешают. По этому поводу Блюмович со злобой говорил: "Но ничего, скоро время придет, нынешние законы Советской власти будут уничтожены, тогда посмотрим, кому куда будет запрещен въезд".

Приблизительно в мае 1937 года я, Маник Сергей и Блюмович стояли вечером в магазине госспирта, где вели между собой разговоры о событиях в Испании. Разговор начал Блюмович: "Испанцы все равно будут раздавлены. Куда им вести войну против генерала Франко, ему еще помогают Германия и Япония, они покажут испанцам". Маник Сергей, в свою очередь, подтвердил слова попа Блюмовича и согласился с ним. Кроме того, в июле месяце я зашел в кооперативный ларек напротив кинотеатра, где сидел Блюмович и читал газету. Я начал спрашивать его, что пишут нового в газете, и тут же Блюмович начал разговоры провокационного порядка, разговоры по адресу нашей советской печати и Красной Армии. Он тут же говорил, что бьют мятежников, но как бьют наших, т.е. нашу Красную Армию, об этом, со слов Блюмовича, советская печать молчит, скрывая действительное положение на фронте. Поэтому, он говорит, не стоит верить советской печати, ибо все это делается для обмана масс.

Блюмович имел большую связь с женщинами из русской слободки, как, например, с К.И.Савченко, Н.Машковой, М.Ф.Савченко и другими, через которых поп имел большое влияние на остальную массу, которую группировал вокруг себя. Они посещали друг друга, но о чем говорили, я сам лично не присутствовал".

Но никакие лжесвидетельства, представляемые отцу

Иоанну как его несомненные преступления против власти и государства, не могли поколебать его душу. Чем уже становился горизонт земных возможностей, чем жестче тюремная реальность очерчивала сократившиеся до минимума жизненные перспективы, тем больше отец Иоанн возносил свои упования к небу, тем огненной становились его молитвы к Богу.

25 октября 1937 года лейтенант Матуленко попросил продлить срок следствия на месяц — до 29 ноября, на что получил одобрение от майора Михельсона. Но и дополнительное время, наполненное пытками, злостранием, не поколебало отца Иоанна, и следствию пришлось довольствоваться "свидетельскими" показаниями.

10 февраля 1938 года старший лейтенант Казаков отпартовал: "Рассмотрев следственное дело № 8262 на попа Блюмовича Ивана Александровича, нашел, что по имеющимся в деле материалам контрреволюционная и шпионская деятельность Блюмовича И.А. доказана".

На протяжении всего времени, пока шло так называемое следствие втайне от прихожан Покровского храма, отец Иоанн томился в симферопольской тюрьме. Озадаченная долгим молчанием родного брата, Елизавета Александровна написала в НКВД заявление:

"Прошу сообщить мне место нахождения моего брата Ивана Александровича Блюмовича, служителя культа. Изложение дела: Проживал в городе Судак (Крым). Арестован НКВД 1937 г. 29/УН. В октябре месяце находился в симферопольской тюрьме. В каком положении его дело, на мой запрос мне ответа дать не хотят, какой приговор и адрес его, не сообщают. Я даже не знаю, жив ли он.

Прошу сообщить мне его адрес. Я могла бы послать ему

посылку, так как он стар и не имеет при себе ничего.

Сестра его ЕЛ.Николаева.

2.III.38. Москва".

Сестре священника ничего не сообщили, а для себя сделали заметку: "Числится с 23.IX.37 г. за помоперуполномоченным УГБ НКВД г. Судак. 17.III.38 г."

¹⁰ февраля лейтенант Матуленко составил "Обвинительное заключение"¹², по преимуществу выстроенное на показаниях Зебольдта, которого осудили на основании его же собственных показаний и признаний своей вины. В отношении же священника Иоанна Блюмовича Матуленко был вынужден прибегнуть к универсальной формуле, применяемой для непокоренных: "Блюмович виновным себя не признал, но достаточно изобличен свидетельскими показаниями и показаниями обвиняемого Зебольдта Г.И."

На этом основании протоиерей Иоанн Блюмович был обвинен в том, что он "являлся участником контрреволюционной фашистской шпионской группы, вел активную контрреволюционную деятельность против Соввласти, занимался сбором сведений со шпионской целью <...>. Пользуясь положением служителя религиозного культа, обходил квартиры верующих и распространял разные слухи о тяжелом положении в СССР, о неизбежности поражения Красной Армии в будущей войне, получаемые сведения от Зебольдта передавал германскому подданному Шальбургу. Настоящее дело подлежит рассмотрению судебной Тройки НКВД Крым АССР <...>. Вещественных доказательств нет".

Заседание Тройки состоялось 14 февраля 1938 года. Отец Иоанн Блюмович ни в чем не признал своей вины перед озлобленной безбожной властью, и был приговорен к расстрелу. Такое же решение было принято и в

отношении Г.И.Зебольдта, наивно понадеявшегося в обмен на лжесвидетельство выторговать себе жизнь.

13 апреля 1938 года священник Иоанн был расстрелян.

Есть люди, сумевшие вместить в себя целую эпоху со всеми сложностями и противоречиями так, что по ним можно изучать историю. Но есть и другие, сумевшие ради Христа стать над всем земным, преходящим, и еще при жизни соединиться с Вечностью.

Присутствие в нашей жизни древних святых, как и благодать новопрославленных, таких, как священномученики Андрей Косовский, Иоанн Блюмович и преподобномученик Варфоломей (Ратных) превосходит историю, в душе отворяет дверь к бескрайнему простору и уводит нас из сегодняшнего дня в Вечность, где открывается свет Царствия, ради которого мы сотворены.

Память

священномученика Андрея Косовского 3/16

декабря, преподобномученика Варфоломея

(Ратных)

28января /10 февраля, священномученика Иоанна

Блюмовича 31 марта /13 апреля.

Примечания

- ¹ Газета "Известия" в июне 1922 года сообщала:

"1) Пьянство в настоящее время представляет массовое явление в партийной среде. Пристрастие к выпивке жило в части членов нашей партии во всё время существования Советской Республики. В период "военного коммунизма" это явление не было столь заметно, но с переходом к новой экономической политике, с легализацией продажи спиртных напитков пьянство резко обрисовалось на поверхности партийного обихода как один из ярких факторов мелкобуржуазного загнивания партии в условиях НЭП. Помимо явного прогрессивного роста количества регулярно пьющих членов партии, наблюдается также учащение прямого и косвенного дискредитирования партии на почве пьянства.

2) В общем и целом пьянство до сих пор остается привилегией, главным образом, небольшого слоя товарищей, занимающих ответственные посты. Но наряду с этим неуклонно растет пьянство и в низах партии, причем этот рост обнаруживает, особенно для крымских условий, тенденцию к всё большему и большему ускорению. Из материалов, имеющихся в распоряжении ОКК, можно заключить, что процент зарегистрированных и разбивавшихся в КК случаев пьянства среди рядовых членов партии резко увеличивается по месяцам.

3) Ближайшее знакомство с явлением алкоголизма в Крымской организации дает возможность установить следующую классификацию случаев пьянства, применительно к указанному выше делению на ответственных и рядовых работников.

I. Для ответственных работников:

- а) Выпивка коммунистов-хозяйственников совместно с представителями спекулятивного рынка (импортеры, контрагенты, посредники и пр.).
- б) Пьянство по поводу различных торжественных случаев (принятие шефства, открытие какого-либо учреждения или предприятия, выпуски школ и курсов, юбилеи, годовщины и пр.).
- в) Домашние вечера с выпивкой в узком кругу более или менее близких товарищей.
- г) Одиночное регулярное пьянство.

II. Для рядовых коммунистов:

- а) Выпивка в порядке использования своего служебного положения (милиционеров, контролеров, сотрудников политуправления, угрозыска и пр.).
 - б) Выпивки, граничащие со взяткой (те же категории для случаев "замазывания" раскрытых преступлений, а также среди советских работников среднего и низшего разряда в случае необходимости "подтолкнуть" то или иное дело).
 - в) Пьянство коммунистов-рабочих, работающих у станка.
- <...> Выпивка по разным торжественным случаям обычно приводит к следующим крайне опасным для влияния партии на беспартийную массу явлениям: с одной стороны, у беспартийной массы создается готовый контраст между коммунистом, выступающим на трибуне, и тем же коммунистом, поверженным в скотское состояние после обильного возлияния за ужином, с другой стороны, невозможность по техническим, финансовым и пр. условиям привлечь к винопитию всю участвующую на торжестве массу создает перегородку между массой и верхушкой,

поддерживая этим самым демагогическое настроение у публики. <...> и т. д.

Агитпроп ОК РКП Областная Контрольная комиссия".

Такие же статьи появлялись и о поголовном взяточничестве, ставшем, по заявлению той же газеты, "привычным явлением, свившим себе прочное гнездо в недрах Советского аппарата".

² Циркуляр Обкома партии по агитационно-пропагандистской работе с января по декабрь 1923 года О порядке проведения "Комсомольского Рождества"

25 декабря сего года христианская церковь будет праздновать очередной религиозный праздник Рождество Христово. Нам необходимо в противовес ему создать новый революционный праздник, который бы создавал новый быт и проводил бы антирелигиозную пропаганду. Таким праздником является "Комсомольское Рождество", приуроченное к 25 декабря - Рождеству Христову.

"Комсомольское Рождество" ставит себе три задачи:

- 1) Развить широчайшую антирелигиозную пропаганду среди комсомольцев и рабочей молодежи.
- 2) Создать новый религиозный праздник, который бы создавал новый антирелигиозный быт.
- 3) Должно отвлечь молодежь и взрослое население <...> от празднования ими Рождества Христова в церкви.

"Комсомольское Рождество" проводится в следующем порядке:

- 1) "Комсомольское Рождество" проводится комсомольской организацией под непосредственным руководством РКП и при участии всех заинтересованных организаций. Никаких комиссий не создается.

- 2) "Комсомольское Рождество" проводится только в городе, в деревнях не проводится.
- 3) В комсомольской организации в течение ноября—декабря проводится антирелигиозная научная агиткампания.
- 4) Никаких карнавалов, шествий и прочего 25 декабря не проводится. Все "Комсомольское Рождество" проводится в клубном порядке, для чего в городах из всех партийных, комсомольских, профессиональных и прочих клубов выделяются несколько клубов, в которых проводится "Комрождество". Участие заинтересованных организаций должно выражаться в следующем:

а) Окружные РКП:

- 1) Окружные РКП осуществляют непосредственное руководство над всей работой по проведению "Комсомольского Рождества".
- 2) Выделяются средства на расходы "Комсомольского Рождества".
- 3) Выделяются сильные пропагандистские силы для антирелигиозной пропаганды.
- 4) Проводить в печати большую антирелигиозную пропаганду

б) Участие политпросвета:

- 1) Выделяются средства на проведение "Комсомольского Рождества".
- 2) Снабжает РКСМ по одной в каждом городе антирелигиозной передвижкой.
- 3) Руководят художественной частью "Комсомольского Рождества", беря под свою ответственность разукрашивание клубов под антирелигиозный быт и т. д. Политсовет использует для этого силы Рабиса и Работпроса.

4) Ведают методической частью кампании.

в) Участие профсоюзов:

1) Предоставляют свои профессиональные клубы и концертно-драматические силы этих клубов для организации в них вечеров в "Комсомольском Рождестве".

2) Вовлекают в ячейки "Комсомольского Рождества" членов профсоюзов, проводя среди них просветительскую кампанию.

3) Наиболее сильные профсоюзы выделяют наибольшие антирелигиозные библиотеки - подарки горклубам РКСМ (из 15 книг). П/п Секретарь ОК ВСМ *Коган*

Секретарь ОК РКП *Н.Уфимцев* Зав.

политпросветом ОК РКСМ *Рейтановский* Зав.

Крымполитпросветом *Недим* 27 ноября 1923 г.

3 Должно быть, возымел действие секретный циркуляр из Москвы от 20 июня 1923 г.:

"Совершенно секретно

Несмотря на целый ряд постановлений ЦК о необходимости осторожного отношения к религиозным предрассудкам крестьян и отсталой части рабочих, в ЦК продолжают поступать сведения о нарушении этих постановлений, в частности, о массовом закрытии церквей, вызывающем недовольство, используемое антисоветскими элементами. ЦК категорически предлагает приостановить проведение в жизнь этой меры. В тех случаях, когда закрытые церкви вызывают раздражение части трудящегося населения, - церкви должны быть открыты. Члены партии, виновные в нарушении этого циркуляра, будут привлекаться к самой строгой партийной ответственности. Ответственность за срочное проведение этой директивы <...> на секретарей

губкомов, обкомов и национальных ЦК.

Секретарь ЦК *Молотов*".

⁴ Протоколы заседания коллегии агитпропотдела обкома РКП(б) 8 января 1924 г. - 23 декабря 1924 г.

Протокол от 12.XI.1924

Присутствовали: Антониковский - председатель, Рогозников, Бекиров, Савачев, Хамитов, М. Недим, Шведов - зам. председателя, Штейнбах, Казановский.

Оборганизации антирелигиозного общества

Из обмена мнений выяснилась потребность на местах в создании такого общества, так как на местах стихийно возникают различные кружки, ячейки, уголки и т. д., которые необходимо охватывать единым руководством (клуб "Красная кузница" Совпартшколы, а также и по линии РЛКСМ).

- 1) Создать в Крыму общество "Безбожник".
- 2) Для руководства работой создать при Агитпропотделе О К и райкомов комиссии из представителей соответствующих организаций.
- 3) Общество ведет работу по руководству антирелигиозной пропагандой, для чего связывается с инициативными группами и ячейками "Безбожника" на местах, а также с другими организациями, ведущими антирелигиозную пропаганду.
- 4) С целью подготовки антирелигиозников создать кружки по антирелигиозной пропаганде из партийцев, в первую очередь, в Симферополе, и затем, где это возможно, и в других районных центрах <...>.
- 5) Создаваемые инициативные кружки и группы "Безбожник" ведут работу, в первую очередь, внутри своей группы.

⁵ Икона в селе Владиславовка действительно обновилась.

В ночь на 2 сентября 1923 года к Марии Акимовне Сороколевой прибыл из Старого Крыма монах Петр (Осипов) и попросился переночевать. На следующее утро, после того как монах ушел, Мария Сороколетова обнаружила обновленную икону. "Эту икону я знала как старую, теперь она светлая и чистая", - говорила она. Агриппина Григорьевна Ашихина, жительница того же села, оповестила о случившемся всех верующих, которые вместе с отцом Константином Брянцевым пришли домой к Сороколетней. Всё это стало известно властям, и монах Кизилташского монастыря Петр был арестован вместе с хозяйкой дома, но, так ничего и не выяснив, милиция отпустила их, оставив икону у себя. Во второй половине 1923 года в Крыму обновилось еще несколько икон, что вызвало недовольство властей. Так, 8 октября в Севастополе в 7 час. 30 мин. утра обновилась икона святителя Николая на глазах у еврейской семьи. По их свидетельству, от иконы исходил необычайно яркий свет. На улице собралось огромное количество людей, незамедлительно прибыли власти города во главе с помощником начальника милиции Тюриным и зам. председателя исполкома Богдановым. Но собравшиеся выразили им недоверие и в комнату с обновившейся иконой не допустили. Тогда для освидетельствования была создана послушная властям комиссия из обновленческих священнослужителей, но и их верующие не допустили. Власти вызвали пожарную команду, но их решительные действия не дали им возможности увезти икону на "экспертизу", т. к. на любые попытки верующие реагировали "крайне отрицательно". Членам комиссии люди выражали недоверие и открыто бранились.

В конце концов представители власти не без труда доставили икону святителя Николая в Покровский собор, и только там члены комиссии смогли отработать порученную им официальную версию - "обновления не произошло".

Их выводы, противоположные очевидному факту, вызвали всплеск недовольства и открытых протестов у верующих, собравшихся возле Покровского собора. Оскорбленные в своих религиозных чувствах верующие Севастополя простояли до глубокой ночи и... разошлись.

- ⁶ Священник Борис Григорьевич Котляревский родился 26 июня 1890 года в семье священнослужителя в селе Верхняя Белозерка Мелитопольского уезда. Окончил Екатеринославскую духовную семинарию и еще до Первой мировой войны начал служить священником в родном селе. Был женат на Серафиме Михайловне, в браке с которой имел сына Виталия и дочь Надежду. После революции его перевели в Старый Крым настоятелем Успенского храма. В то время был почитаем Свято-Пантелеймонов источник, в связи с чем отец Борис вместе со своим приходом дерзнул обратиться в Крымский Центральный Исполнительный Комитет:

"Заявление

Покорнейше просим КрымЦИК разрешить нам произвести постройку небольшой часовни размером 3х4 саж. на месте, где находится т. н. Пантелеймоновский источник, который мы считаем за целебный святой источник. Источник находится в одной версте от нашего села в степи, где и будет сделан сперва фонтан, а вблизи его часовня.

Председатель Приходского Совета Александро-

Невской (православной) церкви священник *Борис Котляревский*.

Церковный староста *ДД.Партилов*.
1923 г. 6 сентября с.

Болгарщина, г. Старый Крым". Как и следовало ожидать, просьба верующих не была удовлетворена:

" *Феодосийскому Окрисполкому* НКВД Крыма просит поставить в известность Приходской совет Александро-Невской церкви г. Старого Крыма о том, что на поданное ими заявление НКВД о разрешении постройки часовни вблизи Пантелеймоновского источника временно отказано, впредь до осмотра местности архитектором.

ВРиД Наркомвнутдел *В.Ануфриев*
Нач. Церковного отдела *Седых*".

- ⁷ Успенский храм был основан на старом греческом кладбище. Некогда на этом месте стояла часовня, о которой польский путешественник Казимир Малевский в 1625 году отозвался с восторгом: "Поразила удивительной красоты часовня. Она имела форму шестиугольника. Золоченый купол венчал крест. На стенах фрески венецианских мастеров Мальдини. В часовне царил полумрак. От запаха ладана и мерцания свечей слегка кружилась голова. На душе удивительное спокойствие и умиротворенность. Пол украшен мозаикой. А цветные витрины придавали особое очарование внутреннему убранству. Много удивительных икон..."

В 1780 году русские с греками купили 12 десятин земли за 18 тысяч серебром и устроили храм в честь Успения Пресвятой Богородицы. В 1802 году по чьей-то неосторожности сгорели все подсобные помещения,

которые были восстановлены в 1806 году. Богатые греки жертвовали значительные дары. Некий Георгий Афендулов привез из Италии в дар храму Плащаницу, шитую золотом. Другой жертвователь преподнес золотой потир. В 1898 году храм посетил император Николай II с семьей. В дар он преподнес точную копию иконы Божией Матери "Нечаянная радость" в окладе из полудрагоценных камней. С 1919 по 1921 годы храм разграбили, все ценные иконы, утварь и прочее бесследно исчезло.

18 марта 1921 года во дворе храма были расстреляны 40 кадетов и захоронены в братской могиле в городском сквере.

В 1929 году под предлогом постройки школы храм стали разбирать на кирпичи. Не пощадили и старинной часовни с уникальными фресками. Толщина ее стен составляла от 0,6 до 1 метра. Фундамент уходил вглубь на три метра. Был обнаружен подземный ход, но его, не исследуя, засыпали. Когда к двухэтажному подсобному помещению пристраивали новое здание, горожан, чьи дети учились в школе, обязали покупать по три кирпича. Кладбище разровняли в 1927 году, но службы в полуразрушенной часовне продолжались до 1935 года. Затем священника Константина репрессировали, а храм, сняв купол, использовали под городскую электростанцию, пока в 1936 году здание окончательно не разрушили.

- ⁸ Екатерина Куртен — дочь обрусевшего француза и русской матери (урожд. Борисоглебской). Родилась в Москве в 1895 году. Детство прошло в Ялте. Будучи гимназисткой, духовно окормлялась у известного священника Сергия (Щукина). В 1920 году обвенчалась

с историком А.Д.Мещеряковым, который скончался в 1922 году от сыпного тифа. Поступила в небольшую женскую обитель в Кизилташе под Ялтой, которой руководил схиеромонах Софроний (Дубинин), где монашествовала ее младшая сестра Дорофея. В 1927 году Екатерина приняла тайный постриг с именем Евдокия. В 1932 году мать Евдокию арестовали, но благодаря французскому происхождению разрешили ей выехать во Францию. С 1936 года вместе с монахиней Марией (Скопцевой) участвовала в трудах объединения "Православное дело". Через некоторое время вместе с монахинями Бландиной (А.В.Оболенской), Феодосией и Дорофеей обосновалась в Муазене в 50 км от Парижа. В 1946 году в имении В.Б.Ельяшевича мать Евдокия основала монастырь Покрова Божией Матери. В 1948 году стала игуменией этого монастыря. Скончалась в 1977 году.

⁹ Убийства в Советской России

Наши газеты ежедневно приносят страшные вести о расстреле огромного множества лиц, тяготящихся так называемой "Советской властью". Убиваются без всякой вины, пожалуй, даже без всякого повода, и старые министры, государственные или общественные деятели, офицеры, священники, учителя, инженеры и т. д. Убиваются не только мужчины, но и женщины, и даже дети. К этому ужасу на днях присоединился еще новый. По постановлению Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов из своих квартир выгоняются все, кого признают нужным выгнать. Их мебель и имущество отбираются, сами они остаются на улице, и нового крова им никто не дает. В таком ужасном положении эти бедные люди точно так же обречены на

смерть. Что это такое? Чем вызваны эти ужасы, и что будет дальше?

С начала революции у нас много говорили об общественном неравенстве, о том, что одни знатны, другие простолюдины, одни богаты, другие бедны и т.д. Этого, говорили нам, не должно быть, и чтобы это вывести, нужно ввести в Россию социализм. Соблазненные такой заманчивой целью, многие русские люди объявили себя социалистами и стали его насаждать. Но при нашей русской серости получились ужасные последствия этого. Вместо того, чтобы бороться с самым укладом общественной жизни и исправлять его в таком направлении, чтобы действительно всем было хорошо, а для этого вовсе не нужно было и думать о социализме, который для этого совсем не годится, наши темные люди, отдавшиеся злым и преступным руководителям, стали деятельно истреблять людей, как будто они виноваты в том, что родились от знатных родителей, приобрели трудом свой достаток и т.д. Убийцам кажется, что если они расстреляют несколько министров, несколько купцов, капиталистов, священников, офицеров и т.д., то больше уже вовсе не будет ненавистной им "буржуазии".

Поклонники и приверженцы Ленина и Бронштейн-Троцкого разные латыши, матросы, красноармейцы, рабочие и другие отбросы русского народа надеются, что, истребив "контрреволюционную буржуазию", они достигнут общего равенства и общего блага.

Между тем таким способом никак нельзя достигнуть этой цели. Уже и теперь видно, что большевики хотят вовсе не равенства, а господства, и борются за это господство не силой правды, ума, образования и заслугами перед Отечеством, а только оружием, только силой и наглостью.

Им нравится поиздеваться над теми, кому они прежде должны были кланяться. Им приятно убивать беззащитных, выгонять из теплых квартир, видеть слезы, отчаяние женщин и детей и вместе с тем самым жить роскошно, тратить без счета награбленные деньги, жить и пачкать в больших и нарядных домах, сидеть на дорогой мягкой мебели, пить и есть дорогие вина и кушанья, стремительно мчаться на автомобилях. Во всем этом сказывается только злая черная зависть. Всем этим людям не угодила судьба. Они были недовольны своей скромной долей. Они не хотели трудиться честно и усердно, чтобы жить лучше, пользоваться общим уважением. Они умели только завидовать и искали предлога легко воспользоваться чужим достатком, как это делают обыкновенные воры и разбойники. Для этого они воспользовались "социализмом", принципом "демократии" и стали всех убивать и грабить.

Но все это ненадолго. Скоро, конечно, пройдет этот страшный угар, и всякий из нас вернется в то общественное положение, какого он достоин по своему уму, образованию, способностям, честности и трудолюбию. Даже более того. Все это давно уже прошло, может быть, этого и не было бы в нашей бедной России, если бы страшная разруха, голод, болезни, разорения и бедствия русских людей не были кое-кому из посторонних очень выгодны, если бы кое-кому чужому не было очень важно как можно больше убить образованных и сознательных, состоятельных и способных русских людей.

Епископ Арсений.

Журнал "Церковь и жизнь" Ростов-на-Дону, 30 сентября 1918 года.

Юго-Восточный русский поместный церковный Собор

Всем чадам православной церкви южного края России.

*Благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа
Иисуса Христа "Блюдите убо, како опасно ходите, не якоже
немудры, но якоже премудры, искупующе время, яко дние
лукавы суть"*

(Ефес. 5, 15-16)

Поистине лукавы дни, ныне переживаемые нами, и подобает всем нам соблюдать сугубую осторожность, да не впадем в горшие беды, и всячески дорожить данным нам от Господа временем, да не подвергнемся осуждению за нерадение и упущение времени, потребного для неустанного делания на пользу святой православной Церкви. По крайней нужде по зову Преосвященнейших Архипастырей местных епархий и мы верим не без мысленного благословения Святейшего отца нашего Тихона, Патриарха Московского и всея Россия, через отделяющие нас от него преграды вражия, изволением Святого Духа, собрались мы ныне в богоспасаемом граде Ставрополе на Поместный Церковный Собор дабы при Божьей Помощи устроить важнейшие неотложные церковные дела южного края России.

Вы же, братие, возлюбленные, станьте добре на страже святых заветов Церкви Православной, соблюдайте ее от всех козней вражиих. Попраны святыни жизни, на коих утверждается как самое бытие человека, так и существование государства и народа. Забвение веры, Родины и Общего отечества, потеря духа, повиновения закону и верности государству привели народ русский, пленный нечестивою и безбожною властью, к гибели духовной и физической. Отвержение святынь бытия человеческого кончилось страшным крушением и провалом в бездну. В смиренной преданности воли

Божией вспомним грехи наши и станем на путь истины и правды.

Пастыри церковные, совершайте великое служение ваше свято и благоговейно, памятуя, что вам подобает быть примером для пасомых, светильником, стоящим на свешнице, не предавайтесь своекорыстию и мирским заботам, дабы не соблазнить малых сих и не оттолкнуть их от Церкви Божией. Военачальники и правители, все попечение свое обратите на доблестное исполнение своих обязанностей, не щадя живота своего; "ничего не требуйте более определенного вам" (Лук. 3,13), уважайте права мирных жителей, памятуя, что всякая незаслуженная обида увеличивает число врагов наших.

Воины православные, в сознание святости вашего подвига, повинуйтесь начальникам вашим, будьте страшны врагам, милостивы к мирным и безоружным, переносите терпеливо неизбежные на войне лишения в твердой надежде на скорую победу и наступление желанного мира на многострадальной родине нашей.

Православные русские люди, прекратите взаимные распри, раздирающие близких соседей и братьев по вере и крови, сильные не притесняйте слабых; богатые не обижайте бедных; бедные не завидуйте богатым, не позволяйте себе несправедливых прибылей, которые, как огненные уголья, падут на голову вашу, берегитесь убийства, жестокости к беззащитным, грабежей и присвоения не принадлежащего вам имущества. Этот наш великий порок, увы, за последнее время стал причиной недоброй славы о народе нашем.

Пора нам опомниться, пора понять, что всем нам нужно покаяться и справиться, чтобы заслужить от Господа прощение за наши великие и тяжкие прегрешения,

навлекшие пламенный гнев Божий на нашу родину. "Умертвите убо уды ваша, яже на земли, блуд, нечистоту, страсть, похоть злую, и лихоимание, еже есть идолослужение, ихже ради грядет гнев Божий на сыны противления... Облецытесь убо... во утробы щедрот, благость, смиренномудрие, кротость, и долготерпение... Над всеми же сими стяжите любовь, яже есть союз совершенства. И мир Божий да водворяется в сердцах ваших" (Кол. 3, 5-6, 12-15). Сам же Господь мира да даст вам мир всегда во всем... Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь. (2 Фес. 3, 16-18). 21 мая 1919 г

г.Ставрополь.

Выписка из протокола дополнительного допроса
епископа Арсения (Смоленца):

"ДОГПУ. 13 мая 1922 г.

Епископ Ростовский Арсений на нижеследующие ему заданные вопросы показал:

- Как вы смотрите на власть вообще?
- Я признаю всякую власть и повинуюсь всяким ее распоряжениям, не противным моей вере и совести.
- Принимали ли и принимаете в настоящее время какое-либо участие в политической жизни страны?

На этот вопрос епископ Арсений просил дать ему время для того, чтобы обдумать формулировку ответа. После минутного размышления ответ епископа Арсения сформулировался так:

- Я принимал участие в политической жизни страны, поскольку в ней принимало участие Временное Высшее Церковное Управление на юго-востоке России при Деникине, когда церковь не была отделена от государства.

- Каким образом и для чего было организовано Высшее Церковное Управление на юго-востоке России?
- Оно было образовано в мае месяце 1919 года по инициативе протопресвитера военного и морского духовенства Г. Шавельского и профессора Московского университета князя Трубецкого для решения церковных дел высшего порядка, требующих патриаршей санкции по перерыву сношений с Патриархом, ввиду наличия военных действий.
- Кто входил в состав Собора, и какие вопросы обсуждались на Соборе?
- В состав Собора входили все епископы епархий на территории, занятой Деникиным, а также представители от духовенства и мирян каждой епархии. На Соборе обсуждались вопросы об открытии новых епископских кафедр, о восстановлении жизни в духовных учебных заведениях Краснодара, Ставрополя и в других местах далее, вглубь Кавказа.
- Когда эти учебные заведения прекратили свою деятельность?
- С Октябрьской революции.
- Какие еще вопросы обсуждались на Соборе?
- О разделении Новороссийской епархии, некоторые вопросы Экзархата Грузии, доклад Шавельского о форме поминовения во время богослужения правительства, выражение благодарности Деникину за оказанное им содействие по созыву и устройству Собора, перед окончанием работы Собора Шавельским было предложено Собору принять составленное им, Шавельским, и князем Григорием Трубецким воззвание к армиям Колчака и Деникина и казачьим войскам о признании правительства во главе с Деникиным и преподано благословение

Деникину. Других постановлений Собора не припоминаю.

- Кому передал свои полномочия церковный Собор для проведения их в жизнь?

- Избранному на церковном Соборе Временному Высшему Церковному Управлению в составе: председателя — бывшего архиепископа Донского, ныне митрополита Митрофана, архиепископа Таврического Димитрия и епископа Ростовского Арсения, протопресвитера Георгия Шавельского, профессора протоиерея Александра Рождественского, профессора Павла Верховского, графа Мусина-Пушкина.

- Кто был основным рабочим ядром Высшего Временного Церковного Управления, и где это Управление помещалось?

- Сначала Управление помещалось в Екатеринодаре, затем для удобства было переведено в Таганрог по месту жительства секретаря Управления Махараблidge. Вместе с канцелярией переехал в Таганрог и Шавельский как духовник Деникина, который ввиду продвижения армии Деникина переехал со своим штабом из Краснодара в Таганрог. С переездом Управления в Таганрог мне, епископу Арсению, естественно, пришлось как члену Управления подписывать бумаги. Во время сессий, которые происходили в Новочеркасске, часть бумаг приходилось подписывать Митрофану и Димитрию, а также и мне. Основным рабочим ядром являлись протопресвитер Шавельский и протоиерей Рождественский, которые разрабатывали и выдвигали на сессиях Управления различные вопросы, затрагивающие политику.

- Какие основные положения, помимо принятых на церковном Соборе, были выработаны Управлением Церковного Совета в связи с продвижением армии

Деникина вперед?

- Таковых основных положений я не знаю. Управление руководствовалось одной главной мыслью - восстановить церковную жизнь приблизительно в тех нормах, в каких она протекала до Октябрьской революции. На первом плане стояло восстановление духовно-учебных заведений как более пострадавших от Советской власти.

- Являлась ли работа по восстановлению церковной жизни на территории, занятой армией Деникина к моменту созыва церковного Собора, постановлением этого Собора или это была только главная мысль деятельности Управления?

- Несомненно, это была мысль самого Собора, но я не помню, была ли она выражена в письменной форме.

- А кому принадлежит мысль о восстановлении церковной жизни на территории, занимаемой продвижением армии Деникина вперед?

- Эта мысль заключается уже в том пункте положения о Временном Церковном Управлении, который говорит о том, что по мере продвижения войск Деникина территория, занимаемая им, в церковном отношении подчиняется Высшему Церковному Управлению.

- Если это так, то каким образом Высшее Церковное Управление, представляя временную кафедру Патриарха, могло вынести заочное постановление о Московском и Киевском Патриаршестве, в ведении которых находились епархии, еще не занятые войсками Деникина, и насильственно, путем вооруженной оккупации отрезывались от своих патриарших центров?

- В Киеве нет Патриарха, а есть епархиальный архиерей, который подчинен Московскому Патриарху. Этот вопрос озадачивал членов Собора, Собор из представителей

епархий, епископов, священников и мирян по церковной нужде, но с согласия наличных представителей епархии образовал для этих же епархий высший административный центр. На Соборе высказывались опасения, что другие епархии по мере продвижения войск Деникина к северу и западу, особенно украинские, не захотят подчиниться образованному Высшему Церковному Управлению на юго-востоке России. На Соборе получила перевес мысль о том, что по мере продвижения войск Деникина и очищения других епархий от власти большевиков следует предлагать епископам и епархиальным советам власть Высшего Церковного Управления, не прибегая, однако, к давлению на них во избежание церковного раскола. При занятии Москвы власть Церковного Управления должна была упраздниться и постановления его должны были быть представлены на утверждение Патриарха Тихона задним числом, который должен был бы все постановления Ставропольского Собора передать на утверждение Всероссийского Церковного Собора, приостановившего свои сессии с 1918 г. ввиду того, что созыву их мешала Советская власть.

- Сколько времени существовал краевой поместный собор, созданный в Ставрополе?
- Он существовал три — три с половиной дня и был закрыт, таким образом, этого собора больше не существовало.
- Каким образом вслед за ликвидацией собора существовал избранный им орган Высшего Церковного Управления, и кому этот орган был подконтролен?
- Высшее церковное управление было предоставлено само себе и средства на свое содержание получало из епархий. Не было ни под чьим контролем.

- Сколько раз и в каком размере Управление получало денежные средства от правительства Деникина?
- На этот вопрос я не могу ответить. Средства отпускались правительством Деникина, министерством иностранных дел, а затем, когда образовалось министерство исповеданий, то стали отпускаться этим последним по мере ходатайств, поступавших из епархий. Выражение о том, что деньги сначала получались из министерства иностранных дел, есть выражение ошибочное: деньги получались из органа, ведавшего финансами, название которого я сейчас не помню.
- Вам был задан вопрос, сколько раз и в каком размере вы получали денежные средства от Деникина, на что вы не могли ответить, а затем даете все-таки пояснение, каким образом получались деньги, - объясните противоречие мысли вашим словам.
- Противоречия здесь я не вижу. У Деникина не выдавались общие ассигновки на нужды управления, а частные ассигновки по представлению управления были разнообразны и многочисленны.
- В чем выражалась характерность частных ассигновок?
- Например: по Таврической епархии были ассигновки на содержание епископа, архиерейского дома, духовной семинарии, училища, женского епархиального училища, епархиального совета, ремонта некоторых церквей, пострадавших от войны, и проч.
- А на какие средства управление вело пропаганду религиозную и политическую среди войск и населения?
- Политическую пропаганду Управление не вело и религиозную не успело вести за кратковременностью своего существования.
- Каким же органом были выпущены листовки

политическо-религиозного содержания за подписью Высшего Церковного Управления?

- Таковых листовок я не знаю. И насколько я помню, их не выпускало Управление. Таковые листовки, насколько мне известно, выпускал отдел пропаганды при штабе Деникина; я их не читал, но слышал, что Шавельский как протопресвитер военного духовенства издавал такие листовки за своей подписью и распространял в войсках.

- Таким образом, выходит, что отдел пропаганды Деникина, выпуская листовки за подписями членов Управления, делал это без их ведома и согласия.

- Совершенно справедливо. Отдел пропаганды не имел никакой связи с Церковным Управлением, и работали в нем даже иноверцы, и во главе стоял лютеранин.

- Известно ли вам о выпущенном обращении Высшего Церковного Управления к русскому юношеству, и принимали ли вы участие в выпуске этого обращения?

- Это обращение было заслушано на заседании Управления.

- И что сделано с ним после заслушания?

- Мне неизвестно. Его предполагалось направить в средние учебные заведения для ознакомления с ними юношей.

- Какую цель преследовало Высшее Церковное Управление, выпуская это обращение к русскому юношеству?

- За истечением почти трех лет не помню ни его содержания, ни бывших посему рассуждений.

- Давалось ли Церковным Управлением какое-либо поручение протопресвитеру Шавельскому об оповещении епархиальных священников вновь занимаемых местностей о постановлении Ставропольского церковного Собора?

- Суждение об оповещении священников вновь занимаемых Деникиным областей о постановлениях Собора было в Церковном Управлении. Я не припоминаю, чтобы поручение это было возложено на Шавельского, но это очень правдоподобно, потому что Шавельский по своему положению в армии входил в сношение с духовенством вновь занимаемых местностей ранее, чем кто бы то ни было из других лиц Высшего Церковного Управления.
- Каким же образом Высшее Церковное Управление входило само в сношения с вновь присоединяемыми епархиями и знакомило их как с постановлением Поместного Собора, так и с самим их существованием?
- По почте или с оказией, но, обыкновенно, представители епархиальных советов спешили приезжать в Новочеркасск и Таганрог с ходатайством о денежных пособиях епархиям и знакомились с управлением.
- Все ли представители вновь присоединяемых епархий приезжали в Новочеркасск?
- Всех, кроме Подольской.
- Каким образом такие отдаленные епархии как Курская, не зная о существовании Церковного Управления и не имея никакого тяготения к Донской епархии по своей структуре управления, все-таки приезжали за деньгами в Новочеркасск?
- Узнавали от военных священников, которые тоже находились в ведении Высшего Церковного Управления.
- Кем была признана власть Деникина - Церковным Собором или церковниками?
- Церковниками власть Деникина была признана сама собой без особого какого-нибудь акта как существующий факт наравне с прочими гражданами нашей местности.

- А почему при богослужениях поминалась эта богохранимая держава Российская, если признание церковников носило тождественный характер наравне с признанием прочими гражданами?
- Деникинская власть существовала для нас как власть; эта власть не отделила церкви от государства и государства от церкви. На Ставропольском Соборе эта власть через Шавельского заявила послание о том, чтобы возносились моления о ней как о державе Российской.
- Был ли Деникин на Ставропольском Соборе, и в чем выражалось его выступление на Соборе?
- Деникин был на открытии Собора, присутствовал при этом всего несколько минут и обращался к Собору с какой-то речью, содержания которой не знаю, так как случайно не был в это время на заседании Собора.
- Почему Церковное Управление духовенства согласилось помянуть правительство Деникина как державу российскую, в то время, когда значительная часть крестьян и рабочих России этой власти не признавали и, отстаивая свою пролетарскую власть, вела борьбу с представителем капитала в лице Деникина?
- Потому что такая формула была предложена военной властью Собору и Собором - духовенству.
- Каким образом вы как епископ, признавая правительство Деникина как совершившийся факт, вели печатную агитацию против другой власти, власти рабочих и крестьян?
- Я не агитировал против власти крестьян и рабочих, а рассматривал большевизм как явление духовного порядка, несогласное с христианством, и в своих двух или трех статьях по сему поводу, если, с одной стороны, укорял за многое большевиков, то, с другой стороны, защищал их пред общественным мнением во имя справедливости.

- В чем выражалась ваша защита большевизма?
- Защита большевизма заключалась в том, что я в статье "Большевики в Таганроге" указывал, что красноармейцы, занявшие архиерейский дом, отнюдь не показали себя зверями, какими изображала их печать в Ростове и Таганроге, а обыкновенными людьми, от которых мы ничего не потерпели. Во второй статье я указывал на то, что неправильно считать красноармейцев преступниками, что в их среде, как и во всякой, есть всякие люди.
- А чем объясняется, что в своих последующих статьях вы в лице убежденных большевиков преподносите читателю организаторов массовых убийств, варфоломеевских ночей и поджигателей помещичьих усадеб?
- В этот подготовительный разрушительный период большевизма было допущено много такого, что ныне остается ошибкой, и чего епископ не может никогда одобрить.
- Имели ли вы в бытность здесь, на Дону, Деникина связь с Патриархом Тихоном?
- Не имел никакой связи.
- А получали ли вы какие-либо послания от Патриарха, направленные против большевиков?
- Не получал за отсутствием связи.
- А какое послание было прочитано вами в Таганрогском соборе в воскресенье, на второй неделе поста 1918 г.?
- Были прочитаны все воззвания Патриарха, Священного Синода и Всероссийского Церковного Собора.
- Что в этих посланиях говорилось?
- В этих посланиях говорилось о церкви и положении ее при новом строе.
- А разве не было в них указаний, направленных против большевиков?

- Полагаю, что были указания, направленные против отношения большевиков к Церкви.
- А для какой цели воззвание Патриарха Тихона, направленное против большевиков, оглашалось населению в церкви?
- Эти воззвания были предназначены для оглашения их в церкви.
- Для какой цели?
- В посланиях не было указано цели, а было сказано, что они должны быть прочитаны в церквях.
- Значит, распоряжение Патриарха является для епископа обязательным, если бы даже оно и противоречило духу христианства и вносило бы вражду между людьми?
- Я таких посланий не знаю; в них русские люди приглашались к тому, чтобы опомниться, продолжать быть православными христианами. Эти послания читались во всех епархиальных церквях.
- Объясните точнее, что значит опомниться и быть православными христианами, ибо из посланий Тихона и последующих обращений Высшего Церковного Управления ясно возносилось бесстрашие верных сынов России: генералов Алексеева, Корнилова, Деникина, Маркова и Добровольческой армии и в то же самое время всячески поносилась рабоче-крестьянская власть.
- Слово "опомниться" означает оставить вражду против религии и Церкви и вернуться к той и другой.
- Если это так, то чем объясняется устная и печатная агитация среди населения о пополнении рядов Добровольческой армии, которую вело духовенство?
- Таковой агитации с церковной кафедры я не знаю, по крайней мере, в Ростовской епархии.
- А помимо кафедры, вы знаете что-либо о такой же

агитации?

- Не припоминаю, во всяком случае, она у нас не была как система.

- Ответьте вторично на вопрос: являются ли распоряжения Патриарха для вас обязательными, если они противоречат духу христианства или распоряжению существующей власти?

- На такой вопрос я ответить не могу с принципиальной точки зрения. Этот вопрос нужно рассматривать в каждом отдельном случае.

- Значит, распоряжения Патриарха подлежат отдельно толкованиям того или иного епископа?

- В исключительных случаях по церковной нужде и общественной...

Епископ Арсении

Уполномоченный Секретного Отдела ДО ГПУ *Гавриленко*". В результате епископ Арсений был осужден. Областной Революционный трибунал Ростова-на-Дону в составе председателя Степанянса и членов Емельянова и Вишняковой с 22 по 30 августа 1922 года судил владыку, священников и мирян за "контрреволюционную деятельность и использование религиозных предрассудков масс с целью возбуждения сопротивления постановлениям Рабоче-Крестьянского правительства <...>. Участие в беспорядках, сопряженных с явным неповиновением законным требованиям властей <...>, сокрытии участников беспорядков".

В обвинительном заключении речь шла о том, что с первых же дней Октябрьской революции церковное священноначалие стало на сторону "врагов народа" и вплоть до последнего времени пользовалось всяким удобным случаем для оказания поддержки

контрреволюции. "Когда для спасения от голодной смерти многомиллионного трудящегося населения Рабоче-Крестьянская власть решила обратить мертвые церковные ценности в хлеб для голодающих, князья Церкви пытались организованно выступить против этого акта власти и вызвать государственный переворот.

В феврале месяце 1922 года Патриарх Московский и диктатор Русской Православной Церкви Тихон обратился к духовенству с тайным посланием, в котором именовал высокогуманный акт изъятия ценностей для помощи голодающим - святотатством и с целью возбуждения религиозных предрассудков верующих заведомо ложно ссылаясь на каноны Православной Церкви, коими якобы употребление ценных священных предметов не для богослужебных целей возбраняется под страхом суровых кар.

Означенное послание получено было тайным путем и главой Ростовской епархии епископом Арсением, который на приглашение местных властей принять участие в деле изъятия ценностей из местных церквей не только устранил себя от этого дела, но, оповестив о Патриаршем послании местное духовенство, и последнее также настроил в духе противодействия изъятию.

С первых чисел марта месяца с.г. комиссия по изъятию ценностей из церквей Ростовской епархии пригласила на совещание свое по поводу проведения в жизнь декрета ВЦИК об изъятии представителей всех культов верующих, в том числе и епископа Арсения, который, однако, уклонился от явки и выслал взамен себя Ростовского благочинного священника Молчанова Константина Александровича. На заседании этом Молчанов после долгих препирательств с комиссией в духе Патриаршего

послания пообещал все же содействие местного духовенства с мыслью разъяснения верующим проповедями и в беседах значения изъятия и исключительной необходимости его.

Обязательства этого, однако, Молчанов не выполнил и, организовав через некоторое время благочинническое собрание, на котором присутствовали священники Цариненко Иван Александрович, Добротворский Василий Иванович, Разногорский Константин Михайлович, Зданевич Константин Павлович, Федосьев и другие, сделал в нем доклад о необходимости самоустранения духовенства от дела изъятия, и в результате этого собрание приняло решение: в деле изъятия не участвовать, акт этого верующим не разъяснять и, ограничив лишь объявлением декрета, предоставить прихожанам самим исполнение его. Такое решение собрания было доведено до сведения епископа Арсения, и последний, зная о разногласиях верующих и брожении среди них в связи с предстоящим изъятием, вызывавшихся главным образом вследствие враждебной позиции, занятой духовенством, тем не менее решение благочиннического собрания одобрил.

11 марта с. г. комиссия по изъятию церковных ценностей прибыла для работ в Ростовский кафедральный собор, где собрались священнослужители собора Успенский, Цариненко, Зданевич и другие, а также члены приходского совета и ревизионной комиссии Лосев, Лабинский, Орлов и Кушков и кроме этих лиц, несмотря на небогослужебное время (12 ч. дня), и многие другие совершенно посторонние лица, присутствие коих не вызывалось никакой необходимостью и было совершенно излишне. Несмотря на то, что священнослужителям

собора и членам приходского совета личности прибывших членов комиссии были хорошо известны, Лабинский и другие настоятельно стали требовать у членов комиссии мандатов и полномочий, и пока велись эти умышленно затягиваемые переговоры, посторонние лица все прибывали и прибывали в ограду собора и проникали в храм.

К тому времени, когда комиссия, войдя в собор, уже приступила к работе, храм и ограда были уже наполнены возбужденной толпой, которая после выкриков по адресу комиссии и перебранки с нею пыталась учинить над нею самосуд.

Члены комиссии, среди коих находились член ВЦИК тов. Муралов и члены Данисполкома Попов, Минченко, подверглись избиению и оскорблениям со стороны хулиганствовавшей толпы при полном бездействии священнослужителей собора и членов приходского совета, доверившись гражданской чести коих, потерпевшие члены комиссии прибыли без вооруженной охраны. Потребовалось применить насильственные меры к разгону озверевшей толпы, и благодаря быстроте и решительности мер охраны волнения были ликвидированы и члены комиссии спасены. Поведение священнослужителей собора и членов приходского совета Цариненко, Успенского, Зданевича, Лосева, Лабинского, Орлова и Кушкова, умышленно затягивавших формальные переговоры с комиссией и не принявших своевременных и всех зависевших от них мер к подготовке заранее всех подлежащих сдаче ценностей, а также недопущению в храм посторонних лиц, выступавших затем подстрекателями толпы и зачинщиками беспорядков, изобличает их в преднамеренном и злом

противодействию Рабоче-Крестьянской власти в проведении в жизнь декрета об изъятии ценностей. Следствием установлено, что гражданка Рудакова - учительница трудовой школы и церковная сторожиха Лузаева, осведомленные заранее о предстоящем изъятии, проникли в храм во время пребывания в нем комиссии и первые призывали толпу к оказанию насильственного противодействия изъятию. Подсудимые Бабиева, Китаевский, Шаповалова, Спиридонов, Шейкин, будучи в составе хулиганствовавшей толпы, принимали активное участие в беспорядках и после прибытия представителей охраны отказывались прекратить нарушающее общественный порядок и спокойствие скопище и не выполнили законных требований представителей власти. В тот же день при ликвидации беспорядков и после них граждане Савенко, Егоричев, Федоров, Ведерников, распространявшие среди базарной толпы заведомо ложные слухи об ограблении собора и вопреки требованиям властей прекратить распространение слухов и участие в скопище, не подчинившиеся этому, были также задержаны и привлечены к судебной ответственности. Следствием также установлено, что профессор Донского университета Бунаков и инженер Кумта Усов, осведомленные о происшедших в тот день беспорядках, а также и о причинах, вызвавших их, измышляли и распространяли провокационные слухи об ограблении собора "жидами" и коммунистами, имея целью дискредитировать этим власть и вызвать к ней недоверие. Дальнейшее расследование событий 11 марта и роли в нем главы духовенства Ростовской епархии епископа Арсения установило, что последний еще в 1918 г. и 19-м во время пребывания на территории юго-восточных

белогвардейских полчищ и самозванного правителя Деникина он, Арсений, являлся активным участником всех мероприятий белогвардейцев, направленных к низвержению Соввласти.

С согласия и благословения епископа Арсения в 1918 г. в городе Ростове группой духовенства, в числе которой был также и подсудимый Цариненко, издавался религиозно-политический журнал "Церковь и жизнь", предназначенный для распространения среди духовенства и верующих принципа монархизма и воспитания ненависти к Соввласти. Взамен проповедей христианского человеколюбия в журнале помещались погромные против Соввласти статьи, часть коих принадлежит также перу епископа Арсения.

С благословения же епископа Арсения Ростовское духовенство принимало участие в работах белогвардейского осведомительного агентства, по инициативе того же епископа Арсения среди верующих производились сборы для организации просветительных домов, в которых духовенство наряду с представителями политических контрреволюционных организаций должно было воспитывать верующих в духе ненависти к социализму и трудовласти. С благословения опять-таки епископа Арсения Ростовское духовенство служило благодарственные молебны в знак побед Деникина над красными частями и преподнесло ему при торжественном богослужении икону Георгия Победоносца.

По инициативе Деникинского правительства в 1919 г. в городе Ставрополе был созван поместный церковный собор, участниками которого были самые реакционные элементы священства, в том числе и епископ Арсений. Собор этот, благословивший Деникина на продолжение

разорительной и губительной для России гражданской войны, одновременно с этим обратился с призывом к Красной Армии сложить оружие и подчиниться законным правителям. Этот же собор, признавший власть "Верховного правителя" Колчака и принявший целый ряд других постановлений политического характера, выделил из своей среды исполнительный орган, именовавшийся временным высшим церковным управлением, в состав которого вошел и епископ Арсений. В этой должности пребывал в ставке Деникина <...>, и когда в конце 1919 г. белогвардейцы отступали из Ростова, он остался на территории, занимаемой красными войсками, имея задание и специальные денежные средства для оказания помощи тем из белогвардейских чиновников, которые не успели эвакуироваться.

Пребывая затем на территории Советской Республики, епископ Арсений не прерывал связь со скрывавшимися в подполье белогвардейскими агентами и в 1921 г., будучи осведомлен о контрреволюционной организации князя Ухтомского и полковника Назарова, не донес о ней властям. Вышеизложенная контрреволюционная деятельность епископа Арсения, начавшаяся с первых дней революции, продолжалась вплоть до последних дней, когда тайно полученное им послание Патриарха Тихона было доведено им до сведения подчиненного ему духовенства, причем, совершая это, епископ Арсений действовал в полном сознании причиняемого Рабоче-Крестьянской власти вреда.

На основании изложенного Революционный Трибунал постановил: Смоленца Александра Владиславовича (он же епископ Арсений), 55 лет, происходящего из гор. Варшавы, имеющего высшее юридическое и богословское

образование, беспартийного, признать виновным: 1) В сознательном и активном участии в контрреволюционной попытке генерала Деникина свергнуть Рабоче-Крестьянскую власть и захватить ее в свои руки, т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 58 Уголовного Кодекса. 2) В недонесении о достоверно ему известной контрреволюционной организации князя Ухтомского и полковника Назарова, стремившихся к организации вооруженного восстания и свержению Соввласти, т.е. в преступлении, предусмотренном 89 ст. Уголовного Кодекса. 3) В противодействии распоряжению Рабоче-Крестьянского правительства об изъятии церковных ценностей, распространении послания Патриарха Тихона с целью возбуждения этим религиозных предрассудков масс, т.е. в преступлениях, предусмотренных статьями 89 и 119 Уголовного Кодекса.

<...> Смоленца по совокупности совершенных им деяний, предусмотренных ст. 58, 89 и 119, подвергнуть высшей мере наказания - расстрелять. Имея, однако, искреннее раскаяние перед трудящимися в совершенных деяниях осужденного Смоленца и амнистии ВЦИК в ознаменование 3-й и 4-й годовщины Октябрьской Революции, под действия коих подходят преступные деяния, совершенные им и предусмотренные ст. 58 Уголовного Кодекса, Трибунал нашел возможным заменить ему высшую меру наказания лишением свободы со строгой изоляцией сроком на 10 лет <...>. Срок отбытия наказания исчислять с 20 апреля 1922 г."

¹¹ История греческих общин в Крыму складывалась непросто. Еще в 1922 году по благословению священномученика Никодима (Кроткова), архиепископа Крымского, некоторые греческие общины ушли в

подчинение Вселенского Патриарха, создав греческое благочиние, которое возглавил архимандрит Григорий Вукунас.

В Крыму в 1925-1926 годы было около 12 храмов, служивших на греческом языке, и 6 православных греческих обществ.

В 1925 году всем иностранным подданным Крымской властью было предложено написать расписку о том, что они не могут:

- 1) Состоять в религиозных обществах.
- 2) Возглавлять всякого рода религиозные организации.
- 3) Произносить проповеди и выступать в храмах, на публичных лекциях, религиозных собраниях.
- 4) Отправлять обряды в качестве служителей культа. Разумеется, православные греки отказались.

28 февраля 1928 года ВЦИК РСФСР издает циркуляр № 78/с за подписью М.Калинина о воспрещении иностранным гражданам заниматься религиозной пропагандой. В нем говорилось: "В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики предоставляет всем гражданам РСФСР свободу религиозной пропаганды. Это право, в силу ст. 11-й Конституции РСФСР и ст. 1 Положения о Союзном гражданстве, принадлежит также всем прибывшим на территорию РСФСР гражданам других Союзных Советских республик. Между тем, этим правом в некоторых случаях, без каких-либо к тому оснований, пользуются также и граждане иностранных государств. Президиум Всероссийского Центрального Комитета предлагает принять меры к

тому, чтобы иностранцы не допускались к возглавлению или обслуживанию религиозных общин, групп или других религиозных организаций, а также религиозной пропаганде в какой-либо другой форме”.

На этом основании Центральное Административное Управление Крыма обязывает все религиозные объединения срочно предоставить списки иностранных подданных с указанием имени, возраста, юридического адреса, подданства и занимаемого положения. А также иностранные подданные должны были представить расписку о том, что не будут заниматься религиозной деятельностью и занимать руководящие места. Выполнением этого решения занялась крымская милиция, стали составляться списки.

8 апреля 1927 года ЦАУ издает новый циркуляр "О запрещении иностранным гражданам заниматься религиозной пропагандой" с новыми деталями и пояснениями. Все эти инициативы поставили на грань ликвидации греческие общины, состоявшие в своем большинстве из подданных Греции. Последовал запрет служить настоятелю Федоро-Тироновской церкви в Ялте архимандриту Е.Тайгониди. Нечто подобное случилось и по отношению настоятеля керченского Иоанно-Предтеченского храма Г.Папас-Оглу.

В августе 1927 года от имени всех общин во ВЦИК Крыма обратился благочинный греческих церквей архимандрит Григорий (Вукунас). Он попытался объяснить, что дача подписки будет равна ликвидации приходов, и уверил в своей лояльности к власти.

Сложилась трудная ситуация не только для греков, но и для чиновников. Во ВЦИК РСФСР поступили запросы с просьбой разъяснить, как же реально действовать, и было

получено разрешение корректировать циркуляр на местах. На этом основании и.о. административным отделом органов управления КрымЦИК Дементьев постановил, что необходимо:

"1) Дать грекам иностранным подданным годичный срок для поиска себе желательного им служителя культа из граждан СССР.

2) В тот же годичный срок отстранить иностранно подданных греков от активной деятельности в двадцатках.

3) Религиозные общества, состоящие из иностранно подданных, объявить распущенными.

В отношении других - не греков, п.п. 1 и 2 настоящим сообщением не применять".

Православные греки были вынуждены обратиться к греческому послу в СССР с просьбой разрешить их проблемы.

13 октября 1927 года посол обратился с запросом в Министерство иностранных дел СССР и получил ответ от замминистра М. Литвинова. В нем говорилось, что "согласно разъяснению высшего законодательного органа страны, право религиозной пропаганды не принадлежит гражданам иностранных государств, проживающих на территории Союза Советских Социалистических Республик".

Таким образом, местные власти, отказывая служителям религиозных культов иностранным гражданам, в том числе греческим, в осуществлении этого права действуют вполне закономерно. Если эти власти, как видно из Вашего письма, а также из сведений, имеющих в Народном Комиссариате, сочтут возможным предоставить представителям греческо- религиозного культа, иностранным гражданам, в Крыму годичный срок для

временного отправления религиозных нужд до замены их священников служителями из советских граждан, то в этих действиях властей следует усмотреть проявление максимальной благожелательности, направленной к смягчению для религиозных обществ неудобств, связанных с немедленным осуществлением закона". Далее М.Литвинов разъяснял, что запрещение религиозной пропаганды иностранцам "не имеет в виду <...> воспрепятствовать деятельности иностранных граждан в составе церковных советов "двадцаток", являющихся по характеру своих функций органами административно-церковного управления. Распространенное со стороны некоторых местных властей толкование постановления Центрального Исполнительного Комитета Союза применительно к органам церковного управления является неправильным", ввиду чего соответствующими центральными властями приняты меры, в результате которых лицам иностранного гражданства, в том числе и греческого, не будут чиниться препятствия к участию в церковных советах". Ответ М. Литвинова контрастировал с позицией крымских властей, продолжавших активный административный нажим на общины с целью их уничтожения. Особенно свирепствовали симферопольские чиновники. 9 февраля 1928 года в КрымЦИК снова обратились верующие греки с просьбой служить и молиться на прежнем основании, но ответа не последовало. А из устных заявлений сотрудника церковного стола они узнали:

"1) Священникам разрешено служить до 1 октября 1928 года.

2) Греческое религиозное общество (пятидесятка) распускается.

3) Греческие подданные члены двадцатки должны быть за-

менены лицами советского гражданства.

4) Членами церковного совета могут быть только советские граждане.

5) Договор на право пользоваться церковью должен быть заключен вновь".

Греки жаловались на беззаконие и грубое отношение, но их никто не слушал. Тогда они написали очередное заявление и приложили копию ответа М. Литвинова, где по пунктам возражали, указывая на несоответствие с законом и явные перегибы. Но крымские власти не сдавались и требовали исполнять их постановления.

15 февраля 1928 года Президиум КрымЦИК направил письмо в ВЦИК РСФСР за подписью зам. председателя Гуляева с упреком в недостаточном обосновании письма Литвинова и настаивал на правильности своих действий.

Там говорилось: "КрымЦИК при ходатайстве одной из греческих религиозных организаций о разрешении существовать и после данного ей годичного срока получила копию вербальной ноты заместителя наркоминдела тов. Литвинова на имя греческого посланника, в которой говорится о том, что деятельность иностранцев в церковных советах допускается беспрепятственно.

Если копия этой ноты отвечает действительности, то помимо того, что это противоречит существующей в этом отношении, с Вашего одобрения, практике в Крыму, такое разъяснение является неправильным по существу. Практика деятельности религиозных организаций показала, что рядовые служители культа (особенно греки, о которых идет речь) в редких случаях проявляют себя больше, чем механические исполнители религиозных обрядов. Организаторами церковной общественности

являются так называемые церковноприходские советы, и они играют главную роль, составляясь преимущественно из "ревнителей" религии - торговцев и зажиточных. Применения циркуляра ВЦИК № 78 только к служителям культов - иностранцам при учете изложенного выше приводит к печальному выводу, что забота о том, чтобы граждане не занимались этим вредным делом, распространяется нами только на иностранцев, и что советским гражданам, следовательно, заниматься этим разрешаем.

КрымЦИК считает, что задача циркуляра ВЦИК № 78, конечно, не такова, и что стремление его отстранить чужих в стране людей — иностранцев от раздувания вредного церковного кадила путем запрещения иностранно подданным религиозной пропаганды - не могло пройти мимо душ и организаторов этой пропаганды - церковных советов”.

Конечно, реализация этого взгляда на вещи прекратила бы существование всех греческих общин, но Господь помиловал, и 28 марта 1928 года секретариат председателя ВЦИК проинформировал крымских ревнителей атеизма, что "не усматривает противоречия между вербальной нотой тов. Литвинова греческому посланнику и секретным постановлением Президиума ВЦИК от 24 октября 1927 года”. Далее отмечалось, что постановление ВЦИК предоставляет греческим подданным возможность "обслуживания религиозных общин в качестве священников и состоять в церковных советах впредь до нового распоряжения". И подпись П.Смидовича.

Греки праздновали очевидную, но временную победу. Давление власти на них снизилось, чтобы снова

подняться и уже окончательно раздавить остатки религиозной свободы.

- ¹² Повседневную жестокость следователя не в последнюю очередь спровоцировал очередной партийный циркуляр от января-февраля 1938 г.:

"§ 4. О состоянии антирелигиозной работы и мерах по ее усилению (тов. Дубровин).

Обком отмечает большое ослабление антирелигиозной работы в Крыму и неудовлетворительное руководство этой работой со стороны горкомов и райкомов партии. Организации Союза воинствующих безбожников не оформлены, малочисленны и невлиятельны. Очень мало проводится антирелигиозных лекций, докладов, бесед. Совершенно недостаточен кадр квалифицированных пропагандистов и агитаторов по антирелигиозным вопросам. Плохо и слабо используется печать и литература по антирелигиозным вопросам. Обком считает, что в условиях значительной активизации церковников и религиозных организаций, а также прямого смыкания церковников с контрреволюцией такое невнимание к вопросам антирелигиозной работы и допущение ее упадка наносят огромный вред общепартийному делу и зависят в ближайшее время поставить антирелигиозную работу как один из боевых участков партийной работы.

Обком считает необходимым провести следующие мероприятия:

- 1) В течение января-февраля полностью оформить организации СВБ снизу доверху. Провести общие собрания ячеек СВБ с отчетами руководителей. Провести районные, городские конференции СВБ, на которых выбрать районные и городские советы СВБ. 20 февраля созвать

Крымский съезд СББ.

Работу по организационному оформлению СББ сочетать с вербовкой новых членов СББ, созданием новых ячеек СББ. Ввести в практику систематические совещания руководителей ячеек СББ по вопросам их работы.

В Симферополе создать городской совет СББ.

2) Значительно расширить постановку различных антирелигиозных докладов, лекций, бесед на предприятиях, в учреждениях, колхозах, совхозах, учебных заведениях, в клубах и красных уголках.

При областном Совете и при городских и районных советах СББ создать специальные лекционные бюро ГК и РК лучших пропагандистов и агитаторов, могущих вести антирелигиозную пропаганду, и предоставить их в распоряжение лекционных бюро.

3) Организовать работу по подготовке кадров антирелигиозных пропагандистов и агитаторов. При областном совете СББ создать специальные курсы пропагандистов по антирелигиозным вопросам. При горкомах и райкомах партии организовать краткосрочные семинары партийных пропагандистов и агитаторов по вопросам антирелигиозной пропаганды.

В программу всех курсов партийных пропагандистов и агитаторов ввести антирелигиозные вопросы.

При партийных кабинетах и при областном, районных и городских советах СББ организовать специальные консультации для партийных пропагандистов и агитаторов по вопросам постановки и методики антирелигиозной пропаганды.

4) Обязать Крым ГИЗ завезти достаточное количество антирелигиозной литературы и организовать ее продажу. Обязать областные газеты "Красный Крым" и "Ени-Дунья",

а также все городские и районные газеты обеспечить систематическое освещение на страницах газет вопросов антирелигиозной работы, а также помещать статьи и материалы, освещающие взгляды партии на религию и т. д.

5) Обязать Наркомпресс организовать в Севастополе, Керчи, Ялте филиалы центрального антирелигиозного музея, а также передвижные антирелигиозные выставки в районах.

6) Обязать крымский радиокомитет ввести в программу вещания систематические лекции по антирелигиозным вопросам на русском и татарском языках.

7) Поручить совнаркому оборудовать для областного Совета СББ специальную антирелигиозную агитмашину, снабженную кинопередвижкой, литературой, наглядными пособия-

ми, которая в сопровождении лектора должна работать в совхозах и колхозах.

8) Ввести в городах и крупнейших районах Крыма по одному платному работнику СББ за счет средств СББ.

9) Обком ВКП(б) обращает внимание райкомов и горкомов ВКП(б) на необходимость ликвидации текучести в составе работников организации СББ и закрепления выбранных в руководящие органы СББ на этой работе.

Иллюстрации

В книге воспроизведены фотографии и открытки начала XX в. из собраний Феодосийского краеведческого музея,

Музея меценатов и предпринимателей (Москва), личного архива прот. Николая Доненко (Ялта), коллекций Ивана Баранова (Феодосия), Сергея Джумука (Петербург), Владимира Елкина (Петербург), Ростислава Лихотворика (Феодосия), Дмитрия Лосева (Феодосия), Александра Олещука (Феодосия), Бориса Яремко (Коктебель), фотографии Виктора Гаврилко (Феодосия) и Дмитрия Лосева.

Видовые открытки Феодосии нач. XX в. воспроизведены: на лицевой крышке переплета: Казанский храм; в оформлении задней крышки переплета: Южная набережная, гора Сокол в окрестностях Судака, железнодорожный мост; на форзацах: панорамы города фронтиспис: Феодосийский музей древностей на горе Митридат (фрагмент фото)

Источники

Архив ГУ СБУ в Крыму.

Д. 021900 (Дело по обвинению Косовского А.И.).

Д. 08134 (Дело по обвинению Воронина А.Л., Романенко Н.Д.). Д. 07739 (Дело по обвинению Полякова В. 1923 г.).

Д. 20224 ("Крестьянское дело": В 41 т.).

Д. 67582 (Дело по обвинению Памфилова В.).

Д. 9360 (Дело по обвинению Феодори Ф.В. и других).

Д. 05912 (Дело по обвинению Колосовского И.).

Д. 014771 (Дело по обвинению Ратных В.).

Д. 017110 (Дело по обвинению Блюмовича И.).

Д. 018187 (Дело по обвинению Смоленца А.В.).

Архив ФСБ. Д. Н-1780. (Дело по обвинению Смоленца А.В.).

Государственный архив Автономной Республики Крым.

Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 416.

Ф. Р-1025. Оп. 1. Д. 128.

Ф. 1. Оп. 1. Д. 232.

Протопресвитер Михаил Польский. Новые мученики Российские:

В 2 ч. — Джорданвилль, 1949-1957. Ч. 1 и 2.

Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 3. - Тверь, 1999.

Красный Крым /Минувшее. Альманах. - М., 1990. Вып. 1.

Крымский альбом 1999: Ист.-краевед., лит.-худож.

альманах. — Феодосия; М.: Издат. дом Коктебель, 2000.

Феодосийский альбом, газ. (Феодосия), вып. 15. - 1994, 18 янв.;
вып. 17. - 1994, 21 апр.

Содержание

НАЧАЛО I ТЕРРОРА.....	5
Священномученик Андрей Косовский.....	5
ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ	40
ГОРОДА В ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ	40
Протоиерей Владимир Поляков	40
Священники Анатолий Воронин,	99
Алексей Богаевский,	99
Петр Маккавеев	99
Протоиерей Борис Котляревский	173
Протоиерей Василий Памфилов.....	183
АРХИЕПИСКОП ФЕОДОСИЙСКИЙ	210
АРСЕНИЙ (СМОЛЯНЕЦ)	210
СУДЬБА ГРЕЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ	250
Священники Федор Феодори,	250
Никандр Сакун.....	250
и диакон Александр Бойченко	250
Преподобномученик Варфоломей (Ратных) ...	281
СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ИОАНН БЛЮМОВИЧ.....	294
Примечания	322
Иллюстрации	364
Источники.....	366
Содержание	367

Протоиерей Николай Доненко - автор ряда исследований о новомучениках и исповедниках Русской Православной Церкви, пострадавших за свои убеждения в 20-30-е годы. Многие из них были прославлены в лике святых на Юбилейном Соборе РП

В этой книге автор по архивным материалам реконструирует церковную жизнь города Феодосии, начиная с террора 1920 года по 1938-й, когда практически все православные храмы были закрыты и многие уничтожены. Люди, посмеавшие исповедовать себя христианами перед безбожной властью, арестованы и в августе 2000 года казнены. Значительное число фактов и обстоятельства исповеднической жизни и мученической кончины святых освещаются автором впервые и помогают осознать грандиозный масштаб исторической драмы, постигшей наше Отечество.

А так же увидеть величие духовного подвига тех, кто вопреки всему остался верным Христу и Его Церкви

